

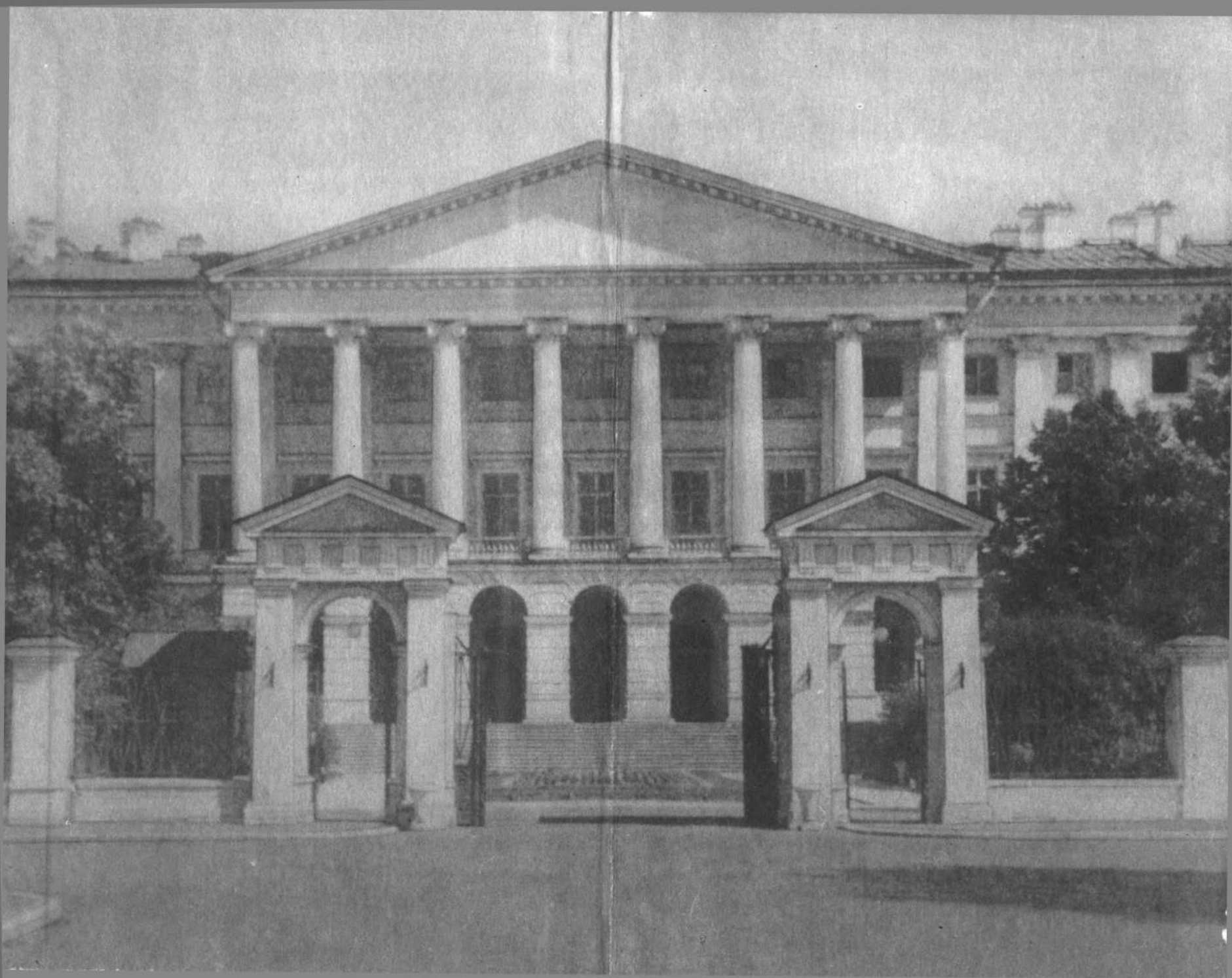
Н.ЗУБОВ

ОНИ ОХРАНЯЛИ ЛЕНИНА

«НАХОДИТЬСЯ
РЯДОМ
С ЛЕНИНЫМ,
ОХРАНЯТЬ ЕГО,
УЧИТЬСЯ
У НЕГО
РАБОТАТЬ,
ЖИТЬ
И ПОБЕЖДАТЬ-
В ЭТОМ
ЗАКЛЮЧАЕТСЯ
СЧАСТЬЕ»

Н.ЗУБОВ

**ОНИ
ОХРАНЯЛИ
ЛЕНИНА**

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1984

13.5
З—91

Второе, дополненное издание

Зубов Н. И.

З—91 Они охраняли Ленина. — 2-е, дополненное изд. — М.: Мол. гвардия, 1984. — 240 с., ил., фотогр.

В пер. 80 к. (45 000 экз.), в бум. пер. 90 к. (5000 экз.).

Автор, используя архивные материалы и воспоминания ветеранов, знакомит читателя с теми, кому была поручена охрана В. И. Ленина, кто заботился о его жизни и здоровье. Здесь и чекисты, и рабочие, и красногвардейцы, и совсем еще юные участники революции. Книга рассчитана на массового читателя.

З $\frac{0103020000-251}{078(02)-84}$ Без объявл.

ББК 13.5
ЗК26

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Автор этой книги по крупницам — из воспоминаний соратников Ильича, личных встреч с ними, документов, писем, научных работ — в течение многих лет собирал материал о том, как охранял народ Владимира Ильича Ленина.

И враги и друзья В. И. Ленина хорошо понимали, что значит для революции, партии, страны этот великий человек. С апреля 1917 года под аккомпанемент громоподобных речей кадетствующих ораторов о свободе и «чистой» демократии политические противники Ильича заговорили о физической расправе над ним. С июля 1917 года ищeyки Временного правительства заматались по всему Петрограду, пригороду, по всей стране в поисках вожда пролетариата, и лишь забота партии, твердость и самообладание самого Ильича позволили ему избежать ареста.

После Октябрьской революции контрреволюционеры не оставили попыток физически расправиться с В. И. Лениным. Изменилась лишь тактика — вместо «суда» и всероссийского розыска лишенная власти буржуазия встала на путь заговоров и выстрелов из-за угла да удесятирилась злоба, которую питали к руководителю партии и Советского государства его недруги.

На охрану жизни и здоровья Ленина встали сотни тысяч людей — рабочих и крестьян, солдат и красногвардейцев, партийных и беспартийных. Среди них были люди проверенные и закаленные жизнью и специально посланные партией на эту ответственнойшую работу. Были и добровольцы. Последних, конечно, было много больше: стояло Ильичу появиться на улице, рабочем митинге, партийной конференции, как каждый становился не только внимательным слушателем, но и его защитником, готовым тотчас, без промедления оградить, уберечь, закрыть собой Ленина. Со многими из тех, кто охранял Ильича, читатель встретится на страницах этой книги. И яснее, пронзительнее прочувствуешь то, что значил для каждого Ленин, насколько сильна, необъятна была всенародная любовь к нему.

Первое издание этой книги, вышедшей в 1981 году, было тепло встречено читателями, высоко оценено в прессе. Но, пожалуй, не это самое примечательное: автор получил множество писем от ветеранов партии, людей, близко знавших тех, кто заботился о жизни и безопасности Ленина. Это было своеобразное продолжение авторского поиска, продолжение, которое позволило уточнить, а в некоторых случаях дополнить страницы книги. Читатель стал своеобразным соавтором, горячо сопереживающим происходящему. Это ли не высшая оценка труда Н. И. Зубова!

Надеемся, что новое, дополненное издание книги будет с интересом встречено молодым читателем.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Радостная весть. Ранним утром в понедельник 3 апреля 1917 года * на одну из квартир дома № 48/9 по Широкой улице ** Петрограда принесли телеграмму В. И. Ленина. Она была послана им накануне вечером в 20 часов 8 минут на имя сестер — М. И. Ульяновой и А. И. Елизаровой-Ульяновой из Торнео — пограничного городка между Швецией и Финляндией. Владимир Ильич сообщал о возвращении из эмиграции в Петроград, куда он

рвался, как только узнал о Февральской революции в России.

Телеграмма была лаконичной:

«Приезжаем понедельник, почью, 11. Сообщите «Правде».

Ульянов»¹.

Не теряя дорогого времени, Мария Ильинична Ульянова направилась в бывший особняк Кшесинской, где размещались Центральный Комитет РСДРП(б), Петербургский комитет большевистской партии, другие революционные организации.

Заметно волнуясь и торопясь, Мария Ильинична показала телеграмму дежурившему в штабе большевиков Николаю Ильичу Подвойскому. Лицо ветерана партии засветилось радостью.

* Все даты до 14 февраля 1918 года даются по старому стилю.

** Ныне улица Ленина.

Поезд из Гельсингфорса в Петроград прибывал вечером 3 апреля. О приезде Ленина без промедления надо было сообщить районам, предприятиям, воинским частям, послать гонцов в пригороды Петрограда, известить Кронштадт.

Положение усложнялось тем, что был второй день пасхи — предприятия не работали, газеты не выходили. Несмотря на это, радостная весть о приезде В. И. Ленина разнеслась мгновенно. Большая заслуга в этом принадлежит одному из руководителей военной организации при Петербургском комитете РСДРП(б) В. И. Невскому*.

Одними из первых о приезде Ильича узнали выборжцы: на территории этого района был расположен Финляндский вокзал, находились рабочие общежития, солдатские казармы. «Сегодня к нам приезжает Ленин» — с таким плакатом обходили район выборгские большевики.

В Нарвском районе о времени приезда Владимира Ильича сообщили рабочим активисты, которые обошли пролетарские кварталы. На Васильевском острове о времени и месте сбора для шествия к вокзалу были расклеены листовки.

Известие о возвращении В. И. Ленина на родину прозвучало на проходивших собраниях большевиков в Выборгском, Московском, Нарвском, Василеостровском, Петроградском и Литовском (национальном) районах.

В Москве 3 апреля проходила общегородская конференция РСДРП(б). Узнав о приезде Ленина, она направила «славному вождю российской революционной социал-демократии» приветственную телеграмму.

На станцию Белоостров для встречи Ленина из Петрограда выехала делегация рабочих во главе с членами Бюро ЦК и ИК РСДРП(б). Среди встречавших были М. И. Ульянова и А. М. Коллонтай**.

Из Сестрорецка специальным поездом туда же приехали около четырехсот рабочих во главе с секретарем пар-

* Невский (Кривобоков) Владимир Иванович — член КПСС с 1897 года, профессиональный революционер, в 1913 году — член Русского бюро ЦК, нарком путей сообщения (VII.1918 — III.1919), заместитель Председателя ВЦИК (1919—1920 гг.), ректор Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова, директор библиотеки имени В. И. Ленина.

** Коллонтай Александра Михайловна — член КПСС с 1915 года, в 1917 году — член Исполкома Петроградского Совета. После Октябрьской революции на ответственной государственной, партийной и дипломатической работе.

тийной организации В. И. Зофом. Группе товарищей было поручено сопровождать В. И. Ленина до Петрограда.

Готовилась к встрече Ильича и буржуазия. Накануне его приезда в Петроград буржуазные газеты усилили клевету на большевиков и их вождя. Английское и французское посольства в специальных документах предостерегали Временное правительство об «опасностях», связанных с возвращением в Россию Ленина. В записке английского посольства министерству иностранных дел Временного правительства от 3 апреля 1917 года было сказано: «Ленин — хороший организатор и крайне опасный человек, и, весьма вероятно, он будет иметь многочисленных последователей в Петрограде»².

Американский посол Дэвид Р. Френсис науськивал Керенского расправиться с большевиками, в первую очередь с Лениным. Это было заветной мечтой всей мировой буржуазии. Еще когда Ленин на пути в Россию проезжал Стокгольм, шведский барон Э. Пальмшерн позвонил из столицы Швеции в Петроград ревизионисту Карлу Брантингу: «Ты же знаешь Керенского. Скажи ему, что Ленин прибывает следующим поездом и должен быть застрелен или посажен в тюрьму при переезде границы...»³

К. Брантинг, швед, один из лидеров обанкротившегося II Интернационала, находясь в качестве министра финансов Швеции в апреле 1917 года в Петрограде, безусловно, встречался с А. Ф. Керенским.

К физическому устранению находившихся в эмиграции В. И. Ленина и его близких соратников были направлены усилия американских разведывательных органов. Это подтверждает книга американца Т. Джонсона. «Если бы эта операция (серия убийств. — Н. З.) была осуществлена, — пишет он, — то теперь не было бы ни Советской республики, ни красной опасности». Это свидетельство было подтверждено бывшим шефом американской разведки Алленом Даллесом, в свое время находившимся в Швейцарии. В своих воспоминаниях он прямо указывает, что из Вашингтона он имел указания обратить внимание на «русского эмигранта Ильина» (один из псевдонимов В. И. Ленина — Н. З.)⁴

Готовя встречу возвращавшемуся в Россию после долгих лет отсутствия Владимиру Ильичу, большевистская партия позаботилась о его безопасности, приняла меры против возможных провокаций.

На Финляндском вокзале. Охрану площади Финляндского вокзала взяли на себя красногвардейцы Металличе-

ского завода (ныне завод имени XXII съезда КПСС), Путиловского (ныне Кировского) завода, рабочая милиция, моряки Кронштадта*.

Задолго до приезда поезда № 12 из Гельсингфорса в Петроград на привокзальную площадь прибыли делегации рабочих, солдат и матросов со знаменами, транспарантами, горящими факелами. Тысячи и тысячи людей поздним апрельским вечером 1917 года встречали Ильича. У выхода из вокзала стояли броневики. Их направили для охраны Ленина большевики автобронемастерских бронедивизиона.

Перрон Финляндского вокзала украшали кумачовые лозунги. Был выстроен почетный караул. Солдаты, матросы, музыканты духового оркестра всматривались в огни приближавшегося поезда. Было 23 часа 10 минут. Когда поезд остановился, из вагона третьего класса вышел Владимир Ильич Ленин. Он совершенно не ожидал ни такой встречи, ни того, что ему к тому же придется обходить строй почетного караула. Ильичу и Надежде Константиновне преподнесли букеты первых весенних цветов.

Представители Выборгского райкома партии вручили прямо на платформе Владимиру Ильичу партийный билет. Инициатором этого решения была секретарь райкома партии латышка Евгения Николаевна Егорова. Любимица Выборгской стороны, она и подписала партийный билет Ильичу**.

Партийный билет № 600 Ленину вручил Иван Дмитриевич Чугурин, хорошо знавший Владимира Ильича. Еще в мае 1911 года рабочий-жестянщик Чугурин был направлен Сормовской партийной организацией в ленинскую школу во Франции, в местечко Лонжюмо. С тех пор Владимир Ильич знал «товарища Петро» (партийная кличка И. Д. Чугурина)***.

* Известие о приезде В. И. Ленина балтийские моряки встретили с большой радостью. На всех кораблях была пробита боевая тревога. На Якорной площади состоялся митинг. «Моряки решили взять В. И. Ленина под свою охрану, для чего выделили сводный отряд во главе с большевиком С. Г. Рошале» («Известия Кронштадтского Совета», 1917, 5 апреля, № 32). Отряд отплыл из Кронштадта на ледоколе, преодолевая льды, в Неве матросы пересели на катера.

** Настоящая фамилия и имя Е. Н. Егоровой — Элла-Марта Лиепинь. Профессиональная революционерка, член партии большевиков с 1911 года, с паспортом на имя Е. Н. Егоровой она совершила побег из царской ссылки.

*** Чугурин Иван Дмитриевич — член Президиума ВЦИК, ответственный секретарь ВЧК, с 1921 года — на хозяй-

«Прошло шесть лет, — вспоминал И. Д. Чугурин, — как мы с ним встречались. Он сразу меня узнал, крепко пожал руку, спросил: «Выставленный караул наш?» Я ответил: «Все вооруженные наши, а за вокзалом и броневик наш»⁵.

Ленин обратился к встречающим с приветствием, по его не было слышно. Тогда Ильич решил выступить с броневика. Сильные руки рабочих и солдат поддержали его, помогли подняться на площадку стальной пулеметной башни. «Ленин, — писал И. Д. Чугурин, — улыбнулся, шутливо сказал: с нее, мол, виден весь свет»⁶.

Площадь замерла в ожидании выступления вождя. Свою краткую речь он закончил историческими словами: «Да здравствует социалистическая революция!»

Броневик с развевающимся знаменем ЦК РСДРП (б) был окружен плотным кольцом рабочих, матросов, солдат, охранявших В. И. Ленина. Когда броневик двинулся в путь, Владимир Ильич сошел с пулеметной башни на площадку пониже, находившуюся между башнями, держась за пулеметные щитки. От вокзала к особняку Кшесинской, на броневике, дорога заняла около двух часов — значительно дольше, чем если бы Ленин проделал этот путь пешком.

Незабываемое. На всю жизнь сохранился в памяти людей, встречавших и охранявших Ильича, день 3 апреля 1917 года. Владимир Александрович Бородавкин *, токарь по металлу новоснарядной мастерской Путиловского завода, в тот памятный день имел на рукаве красную повязку рабочей милиции. Вместе с другими путиловцами он следил за порядком в колоннах на площади у Финляндского вокзала.

— Хотя был и пасхальный день, — вспоминал он, — вечером к вокзалу двинулись тысячи трудящихся Питера. Шли колоннами, делегациями и в одиночку. Шли рабочие и работницы, моряки и солдаты, старые и молодые.

ственной работе: председатель правления «Сибуголь», директор Свирской судостроительной верфи, директор завода «Электроприбор» Ленинграда.

* Бородавкин Владимир Александрович — член КПСС с 1909 года. После Февральской революции помощник начальника петергофской милиции Нарвского района Петрограда. Активный участник Великой Октябрьской социалистической революции, в 1918—1920 годах один из руководителей партизанского движения на Дальнем Востоке. В 1921 году помощник главнокомандующего народно-революционной армии ДВР. В последующие годы — на хозяйственной работе.

Конечно, далеко не все тогда знали, что не кто иной, как именно Ленин, укажет правильную дорогу, чтобы освободиться от пут капитализма, прекратить кровопролитную бойню, вернуть мужей и отцов из окопов, взять землю и фабрики в трудовые руки народа, начать строить новую жизнь...

До приезда Ленина в Россию 3 апреля 1917 года я ни разу его не видел, — продолжал свой рассказ В. А. Бородавкин. — Но в подполье мы читали некоторые работы Владимира Ильича, знали, что имеем в его лице испытанного вождя. Естественным было горячее желание увидеть товарища Ленина.

Над площадью по-праздничному неслись песни, недавно еще запрещенные. Тысячеголосое пение придало построению масс торжественность. Но мы помнили наказ своих руководителей: «У Ленина много, очень много друзей, но и много, очень много врагов. Его надо зорко охранять». Как только Владимир Ильич оказался на броневике, мы решили окружить его тремя живыми цепями, держа за руки один другого. Увы, действительность опрокинула наши планы. От трех рядов организованной нами живой цепи ничего не осталось. Народ не посмотрел, что у нас, блюстителей порядка, на рукавах красные повязки рабочей милиции. Люди мощной стеной в десятки рядов окружили броневик, на котором был Ленин. Это была действительно надежная охрана, созданная народом, за интересы которого Ленин боролся всю свою жизнь.

Броневик тронулся. Освобождая дорогу освещенному прожекторам, едущему тихо-тихо броневнику, мы шли впереди стальной машины. Лишь поздно ночью со своими знаменами и лозунгами мы вернулись к главным воротам Путиловского завода⁷.

— Встречать Ильича и оберегать его пришли не только большевики, но и беспартийные, — вспоминал участник встречи железнодорожный рабочий, в прошлом батрак, Андрей Макарович Толстопятов*. — Радость и ликование охватили меня и товарищей по паровозному депо — Ветошкина, Беляева, когда мы близко увидели Владимира Ильича. Его лицо было освещено прожекторами и факелами. Я еще не состоял в партии, был малогра-

* Толстопятов Андрей Макарович — член КПСС с октября 1917 года, чернорабочий участка тяги бывшей Николаевской железной дороги, впоследствии инженер, участник боев против банд Юденича, доброволец-ополченец дивизии имени Фрунзе в годы Великой Отечественной войны.

мотен, по горячую речь Ленина всем своим сердцем одобрил⁸.

Н. К. Крупская в воспоминаниях о В. И. Ленине отмечала, что такой встречи никто не ожидал. «Тот, кто не пережил революции, — писала она, — не представляет себе ее величественной, торжественной красоты. Красные знамена, почетный караул из кронштадтских моряков, рефлекторы Петропавловской крепости, освещающие путь от Финляндского вокзала к дому Кшесинской, броневика, цепь из рабочих и работниц, охраняющих путь»⁹.

В команде броневика был Михаил Константинович Евсеев*. Вместе со своими товарищами Ерофеевым и Лукиным он помог Ленину подняться на площадку стальной пулеметной башни броневика. «Возвращались мы, — вспоминал Евсеев, — во дворец Кшесинской в радостном настроении. Людей на улице было очень много. Несколько раз мы останавливались, Ленин отвечал на сердечные приветствия. Когда он вставал, то для устойчивости прижимался к пулеметным щиткам. Броневик был английский, фирмы «Остин». Такие машины поступали к нам в мастерские на ремонт с фронта в 1915—1917 годах.

Поздно ночью в особняке бывшей царской фаворитки Кшесинской Владимир Иванович Невский попросил нас напоить чаем Ленина и вернувшихся с ним из эмиграции товарищей. Взяли мы у капитанармуса в счет своего пайка 2 фунта сахара, сухарей и пачку морковного чая... Стол был маловат, больше 15 человек за ним не уместилось, остальные стояли. Ленин сидел посредине и оживленно беседовал с нами»¹⁰. После бессонной ночи в особняке Кшесинской рано утром 4 апреля Владимир Ильич и Надежда Константиновна отправились на квартиру Елизаровых.

В ней проживали старшая сестра Ленина Анна Ильична, ее муж Марк Тимофеевич Елизаров, их воспитанник, 11-летний мальчик Лозгачев-Елизаров, и младшая сестра Ильича Мария Ильична Ульянова.

В «свободной» России следовало соблюдать все правила конспирации. Сохранились записи в домовых книгах. На вопрос: «Откуда прибыли?» — со слов Анны Ильичны дан ответ, что ее брат с женой прибыли из Моск-

* Евсеев Михаил Константинович — член КПСС с 1917 года, солдат-пулеметчик автоброневых мастерских Западного автобронедивизиона, участник штурма Зимнего, воевал под Псковом, в Сибири, являлся военкомом бронечастей на Восточном фронте и в 1-й Кавказской армии.

вы. На вопрос: «На какие средства живет?» — сделана запись: «Живет капиталом, а его жена — при муже».

Прописка В. И. Ленина в домовой книге по адресу квартиры Елизаровых показывает, что он жил там легально.

Незримые часовые. Три месяца длилось легальное проживание В. И. Ленина на Широкой улице. Для Владимира Ильича это были месяцы сверхчеловеческой, гигантской работы по подготовке социалистической революции. Ленин встречался с членами ЦК, рабочими, солдатами, работниками «Правды», выступал на многочисленных собраниях и митингах. Его охраняли сами рабочие.

По инициативе ЦК РСДРП(б) и Петроградского комитета большевиков вокруг дома, где жил Владимир Ильич, было установлено непрерывное дежурство рабочих-коммунистов Выборгского района.

Кто выполнял весной 1917 года важнейшее поручение партии? Кузьма Михайлович Кривоносов* вспоминал:

— Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года застала меня на заводе «Старый Парвизайнен». Наша большевистская организация была немногочисленной, но в нее входили люди, зарекомендовавшие себя с самой лучшей стороны. Не случайно на заводах «Старый Парвизайнен» и «Новый Парвизайнен» раньше многих других предприятий были созданы отряды Красной гвардии. В первых числах мая 1917 года, уже в ночное время, Петербургский комитет партии вызвал работавшего на заводе старого коммуниста Василия Петровича Шуняка.

— Василий Петрович, — сказали ему, — мы тебя вызвали ночью по экстренному поводу. Ты, конечно, знаешь, как дорог для всей партии Владимир Ильич. Ты вступил в ряды партии в 1907 году и лучше других понимаешь, что значит для всех нас Ленин. Его жизнь очень дорога, и мы обязаны уберечь Ленина от наших врагов. Они бешено ненавидят Ильича и будут стараться учинить над ним расправу. Надо во что бы то ни стало сорвать коварные плапы буржуазии и ее наемных слуг. Надо из самих рабочих-коммунистов и особо проверенных беспартийных организовать надежную охрану Владимира Ильича. Решено, что эта охрана доверяется партийной организации

* Кривоносов Кузьма Михайлович — член КПСС с 1913 года, токарь предприятий Петрограда, участник гражданской войны.

завода «Старый Парвитайнен», которую городской комитет и Выборгский райком хорошо знают.

В группу часовых, выделенных для охраны Владимира Ильича у дома по Широкой улице, где он жил, вошли большевики Александр Петрович Ефимов, член партии с 1912 года, Павел Иванович Митьковец, член партии с 1916 года, и др. Старшим был А. П. Ефимов. Его инструктировала секретарь Выборгского райкома партии Е. Н. Егорова.

— Женья Егорова, энергичная, всегда горевшая на работе, всех и все знавшая, — рассказывал далее Кузьма Михайлович, — попевала повсюду. Ее инструктаж был предельно ясным. Она говорила А. П. Ефимову, что надо охранять Ильича круглосуточно, меняясь по сменам. Каждый из нас должен был иметь при себе оружие, но оно должно было быть скрыто — вообще все наши дежурства должны были сохраняться под большим секретом. Никто ни при каких обстоятельствах не имел права разгласить цели и задачи каждого из дежуривших. В каждой смене дежурило по два человека. Они должны были особо следить за теми квартирами, окна которых расположены против дома, где жили Елизаровы¹¹.

К дежурству у дома привлекался и Илья Митрофанович Гордиенко — рабочий завода «Новый Лесснер», член КПСС с 1905 года, член исполкома районного Совета.

— Особая сложность этой операции (охраны Ленина. — Н. З.) заключалась в том, чтобы не попасться Ильичу на глаза. Он терпеть не мог никакой охраны. Но однажды мы попались. Ленин уехал из дому рано утром и долго не возвращался. Сестра его, Мария Ильинична, знавшая об охране, позвала выборжцев, полдня простоявших на улице, попить чайку. И тут неожиданно появился Ленин. Он сразу догадался, что это за гости распивают чай, и сказал сестре с укоризной: «Маша, не отпирайся, ты с ними в заговоре, по глазам вижу...»¹².

Одним из рабочих, которому довелось организовывать охрану и самому охранять Владимира Ильича в Питере, был Н. П. Богданов*.

— Видные деятели партии большевиков Я. М. Свердлов, Е. Д. Стасова, Г. И. Бокий, — рассказывал он, —

* Богданов Николай Петрович — член КПСС с 1914 года, строитель, в 1917 году — профсоюзный деятель, депутат Петросовета. Активный участник Октябрьской революции, избирался членом ВЦИК и ЦИК СССР.

просили и нас, руководство профсоюзов, неусыпно следить за тем, чтобы рабочие надежно охраняли товарища Ленина во время всех его выступлений. А выступал Владимир Ильич очень часто. Вспоминается посещение им открытого рабочими клуба «Искра» на Выборгской стороне, в бывшем фешенебельном саду ресторана «Вилла Родэ».

К открытию клуба мы, члены Президиума Центрального бюро профсоюзов, активно готовились. Чтобы подчеркнуть значение ленинской «Искры», было решено присвоить это название клубу. Очень хотелось, чтобы на его открытие приехал Ильич. Шла Всероссийская партийная конференция. У Владимира Ильича, как и у всех делегатов, было свободное время только в обеденный перерыв. 25 апреля — именно во время обеденного перерыва на конференции — Ленин решил к нам приехать. Понадобилось срочно организовать охрану, что и было быстро сделано. Рабочие-красногвардейцы в полном вооружении были расставлены вокруг здания клуба. Часть людей получила задание наблюдать за порядком в помещении.

Я хорошо понимал, — продолжал рассказ Н. П. Богданов, — что на мне лежит главная ответственность за безопасность товарища Ленина, внимательно следил, чтобы в клубе не оказались посторонние, нежелательные люди. Всмотривался в лица, а поближе к Ильичу приставил дежурных по клубу — это были смелые товарищи, хорошо знавшие свои обязанности.

Владимир Ильич, беседуя в саду, дал высокую оценку инициативе рабочих, конфисковавших буржуазный ресторан, превратив его в политический клуб.

— Правильно, очень правильно сделали, товарищи, — сказал он в своем выступлении, — что заняли ресторан, где буржуазия прожигала жизнь. Теперь вы превратили его в помещение для культурно-воспитательной работы среди рабочих.

Владимир Ильич говорил о заслугах пролетариата Питера в революции, но подчеркивал, что революция только начинается. Остановился в связи с этим на задачах рабочего класса и его партии»¹³.

По поручению ЦК партии Ильича охранял и солдат В. В. Тржасковский*.

Как-то в особняке Кшесинской, куда он пришел за

* Тржасковский Вацлав Викентьевич — член КПСС с января 1915 года, в 1917 году — депутат Петросовета, вел революционную работу на Украине.

большевистскими газетами, в коридоре его остановил Владимир Ильич, живо интересовавшийся настроениями солдат. В начале разговора Тржасковский чувствовал себя скованно, но простота и теплота в обращении с ним Ленина рассеяли робость.

— Владимир Ильич спросил у меня, — рассказывал он, — фамилию, имя, отчество, состою ли в партии, где и когда вступал в ее ряды, где работал до армии, как попал в армию, имею ли связь с рабочими, холост или женат, имею ли детей, кто мой отец, мать и даже дед. Я рассказал, что отец был столяром, мать работала по найму прачкой, дед был кузнецом, а я сам одно время работал молотобойцем и кузнецом. Владимир Ильич заметил: «Так вы, батенька, потомственный пролетарий».

Накануне 1 Мая 1917 года Тржасковский вместе с другими солдатами-большевиками получил задание от Н. И. Подвойского неотступно находиться около В. И. Ленина в день праздника 1 Мая на митинге на Марсовом поле. По окончании митинга Тржасковскому поручалось сопровождать В. И. Ленина и Н. К. Крупскую в ЦК партии, в особняк Кшесинской.

— В день международной пролетарской солидарности, — вспоминал ветеран Октября, — на улицы Петрограда вышли огромные массы людей. Впервые в истории России вместе с рабочими в праздновании 1 Мая приняли участие и воинские части, в том числе полки бывшей царской гвардии.

Владимир Ильич шел в первой шеренге первомайской колонны рабочих Выборгского района. Они его и охраняли.

Митинги в тот день состоялись на Марсовом поле, Дворцовой, Исаакиевской и Театральной площадях, но самые большие митинги прошли именно на Марсовом поле. Огромная масса демонстрантов стекалась к центру Марсова поля и проходила мимо могил жертв Февральской революции, возлагая на могилы цветы¹⁴.

На Марсовом поле выступали представители различных партий, в том числе от меньшевиков, эсеров, анархистов. Но самыми популярными были выступления В. И. Ленина, Я. М. Свердлова, Е. Д. Стасовой, Н. И. Подвойского, В. И. Невского и других деятелей партии большевиков.

Выступление В. И. Ленина на Марсовом поле приковало всеобщее внимание.

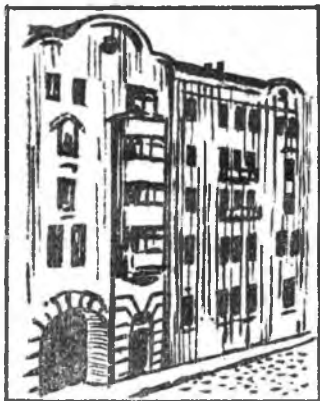
Я наблюдал, — продолжал В. В. Тржасковский, —

как огромные массы рабочих и часть солдат откалывались от других митингов и примыкали к нам. Выступая, В. И. Ленин привлекал к себе людей своей железной логикой, страстной убежденностью. Он буквально покори слушателей. По окончании митинга, как мне было поручено, я сопровождал Владимира Ильича и Надежду Константиновну. Вместе с ними в легковой машине был Яков Михайлович Свердлов. Я сидел рядом с шофером, при мне было оружие. Когда машина подъехала к зданию особняка Кшесинской, В. И. Ленин поблагодарил меня и спросил: «А вы, товарищ, куда направляетесь отсюда?» Я ответил Ильичу, что поеду в Царское Село, чтобы рассказать солдатам о первомайских демонстрациях в Петрограде, о большевистском митинге. Попутно напомню им, как рабочие праздновали 1 Мая в то время, когда полиция и казаки расправлялись с участниками демонстраций — ведь я сам на себе испытал все это. Ленин одобрил мое намерение. «Очень, очень хорошо», — сказал он. Затем он обратился к шоферу: «Отвезите товарища к Царскосельскому вокзалу и возвращайтесь обратно». Таковы внимание и забота, проявленные Ильичем к рядовому члену партии, солдату¹⁵.

21 мая 1917 года в 10 часов утра к рабочим Московской заставы вместе с Марией Ильиничной приехал Владимир Ильич. На этой встрече с Ильичем присутствовал и принимал участие в его охране знакомый читателю Н. П. Богданов.

— Состоялся большой митинг, — рассказывал он, — на него собралось более 1000 человек. О приезде Ленина мы знали заранее. Московский районный комитет РСДРП(б) выделил группу вооруженных рабочих, которым было поручено встретить Владимира Ильича и охранять его. Клуб, где началось выступление В. И. Ленина, был переполнен, а люди все подходили и подходили, всем хотелось увидеть и услышать Ленина. Тогда было решено перенести собрание во двор. Нам пришлось окружить Ильича плотным кольцом. Ленин говорил о текущем моменте и задачах пролетариата, подчеркивал гибельность политики буржуазного Временного правительства. Свою речь Ленин закончил под восторженные аплодисменты рабочих. Раздались возгласы: «Да здравствует товарищ Ленин!» После речи Владимир Ильич отвечал на вопросы рабочих. Мы заверили Владимира Ильича, что пролетарская Московская застава безоговорочно поддерживает и будет поддерживать большевиков¹⁶.

ПОДПОЛЬЕ В «СВОБОДНОЙ» РОССИИ

В июльские дни. По мере успехов большевиков, роста их влияния в массах контрреволюция прибегала к террористическим методам борьбы. Уже в середине апреля 1917 года так называемая «Лига борьбы с большевизмом» приняла секретное постановление: «Ульянова, именующего себя Лениным, лишить жизни... Типографию газеты «Правда» взорвать»¹. На Невском проспекте состоялась буржуазная манифестация с плакатами: «Долой Ленина»,

«Арестовать Ленина»².

4 июля 1917 года Временное правительство учинило кровавый разгром мирной демонстрации трудящихся Петрограда. По всему городу и в его пригородах начались массовые обыски и аресты. В ночь на 5 июля юнкера разгромили редакцию и типографию центрального органа большевистской партии — газеты «Правда», откуда, к счастью, незадолго до этого ушел Владимир Ильич.

В ночь с 6 на 7 июля юнкера организовали налет на квартиру Елизаровых по Широкой улице. Владимиру Ильичу повезло — там его также не оказалось. Юнкера штыками прокалывали матрацы, диваны, открывали сундуки и корзины, искали В. И. Ленина под кроватями, в шкафах, за шторами окон. Уходя из квартиры Елизаровых, юнкера и солдаты увели с собой Надежду Константиновну Крупскую, Марка Тимофеевича Елизарова, у которого нашли сходство с В. И. Лениным. По воспоминаниям сестры Ленина Анны Ильиничны, на ее квартире в июльские дни было восемь обысков.

«Пятьдесят офицеров ударного батальона поклялись

найти Ленина или умереть», — возвестила одна из газет.

«Где Ленин?» — вопрошала другая буржуазная газета.

Партия приняла меры для безопасности Владимира Ильича. Накануне налета юнкеров на квартиру, где он жил, пришел Яков Михайлович Свердлов и увел Владимира Ильича на квартиру большевички М. Л. Сулимовой*, проживавшей на набережной реки Карповки, в доме № 25, квартира 18.

— Владимир Ильич останется у вас, — сказал Свердлов Сулимовой, — и вы должны быть начеку³.

На квартире М. Л. Сулимовой Владимир Ильич написал статьи «Где власть и где контрреволюция?», «Гнусные клеветы черносотенных газет и Алексинского», «Злословие и факты», «Новое дело Дрейфуса?», в которых разоблачал клевету на него бульварно-черносотенной газеты «Живое слово».

По свидетельству Семена Михайловича Буденного, в то время председателя полкового комитета, солдаты рассуждали по-своему: «Раз все мироеды клеветуют на Ленина, значит, он противник их, значит, он наш!»

На квартиру М. Л. Сулимовой приходила Надежда Константиновна Крупская, приносила что-нибудь поесть.

«Владимир Ильич еле притрагивался к еде, — вспоминала Мария Леонтьевна, — а все нас заставлял уничтожать... Так как в бюро по созыву июньской военной конференции я секретарствовала, то почти везде встречалась либо моя подпись, либо фамилия. Владимир Ильич сделал предположение, что могут ко мне явиться с обыском. Помню его слова: «Вас, товарищ Сулимова, самое большее арестуют, а меня подвешат»⁴.

Только один день — 5 июля — провел здесь Владимир Ильич. Из города поступали тревожные вести. Аресты и обыски захватывали все новые и новые районы Петрограда. Готовилось вторжение в штаб большевиков — бывший особняк Кшесинской, где работала Сулимова**. Остаться В. И. Лепину на ее квартире было опасно.

Центральный Комитет партии принял дополнительные

* Сулимова Мария Леонтьевна — член КПСС с 1905 года, в 1917 году — секретарь военной организации большевиков.

** Юнкера ворвались в особняк Кшесинской утром 6 июля 1917 года.

меры к охране Владимира Ильича. Утром 6 июля В. И. Ленин вместе с Н. К. Крупской, соблюдая все меры предосторожности, ушел на Выборгскую сторону к рабочему В. Н. Каюрову (Языковский переулок, 2, ныне Белоостровская ул.).

Сопровождавший Ильича В. Н. Каюров вспоминал, что по дороге к себе домой, увлекаясь разговором, он изредка по привычке прибавлял ходу, несмотря на замечания Ленина, что Надежда Константиновна быстро идти не может. Шли втроем, не обращая внимания на прохожих, «среди которых, вероятно, немало было таких, которые с наслаждением разорвали бы в клочки ненавистного им Ленина».

На квартире Каюрова Владимир Ильич пробыл всего около двух часов, так как выяснилось, что сын Каюрова — анархист, возится с бомбами, а это рано или поздно могло привлечь внимание властей.

Покинув эту квартиру, Ленин находился некоторое время в помещении завкома (сторожки) завода «Русский Рено». Здесь он участвовал в совещании Исполнительной комиссии Петербургского комитета РСДРП(б), беседовал с рабочими, а затем выехал на квартиру М. В. Фофановой* (Сердобольская ул., д. 1/92, кв. 41).

Об обстоятельствах этой поездки вспоминал рабочий завода «Русский Рено» в Петрограде И. С. Ашкенази, член партии большевиков с марта 1917 года. Во время июльских событий он был членом бюро фракции большевиков Петроградского Совета. С вечера 3 июля до утра 6 июля ему было поручено организовать переезд Ленина в безопасное место.

И. С. Ашкенази удалось получить в штабе Петроградского военного округа пропуск для проезда на автомобиле, принадлежащем директору завода «Русский Рено» — французу. На этом автомобиле В. И. Ленин был перевезен из Выборгского райкома партии на квартиру М. В. Фофановой. Состоявшееся здесь совещание членов ЦК партии большевиков обязало В. И. Ленина оставаться на нелегальном положении, скрываясь от ищек Временного правительства.

Из квартиры М. В. Фофановой Владимир Ильич вечером 6 июля переехал в другой район города, на кварти-

* Фофанова Маргарита Васильевна — член КПСС с 1917 года, депутат Петросовета, одна из связных между В. И. Лениным и ЦК РСДРП(б).

ру рабочего Н. Г. Полетаева* (Мытнинская ул., д.33/19, кв. 1), с которым встречался за границей, и в частности на Пражской партийной конференции в 1912 году.

Условия безопасности, однако, не позволили В. И. Ленину оставаться на квартире Н. Г. Полетаева, так как она находилась в очень людном месте, при конторе одного из заводов.

Побыв у него всего одну ночь — с 6 по 7 июля, — Владимир Ильич утром 7 июля перешел на квартиру рабочего-большевика С. Я. Аллилуева**. «После июльских дней, — писал впоследствии Ленин, — мне довелось, благодаря особенно заботливому вниманию, которым меня почтило правительство Керенского, уйти в подполье. Прятал нашего брата, конечно, рабочий...»⁵

Сергей Яковлевич Аллилуев свою квартиру снял незадолго до прихода туда В. И. Ленина. С точки зрения конспирации она выгодно отличалась от квартиры Н. Г. Полетаева, имела два выхода, находилась на последнем этаже, под чердаком. Сергей Яковлевич и его жена, Ольга Евгеньевна, мало находились дома, а их дети жили за городом.

Позднее Владимир Ильич писал о семье Аллилуевых: «Во время июльских дней, когда... приходилось прятаться и опасность была очень велика, меня прятала именно эта семья»⁶.

Приказ об аресте В. И. Ленина. 7 июля 1917 года буржуазное правительство Керенского издало приказ об аресте и о привлечении к суду В. И. Ленина.

В тот же день в кадетской «Речи» появилось официальное сообщение «От ЦК партии народной свободы» с поддержкой немедленного ареста Ленина. Буржуазная бульварная газета «Живое слово» 7 июля сообщила, что Ленин уже арестован***.

* Полетаев Николай Гурьевич — член КПСС с 1904 года, бывший депутат от петербургских рабочих в III Государственной думе.

** Аллилуев Сергей Яковлевич — член КПСС с 1896 года, в 1917 году — член заводского комитета петроградской электростанции.

*** Вот это ложное сообщение: «Вчера в 3 часа дня, — писала газета, — арестован вождь большевиков Ленин. Опасаясь народной мести, Ленин вместе с большевиками — своими соучастниками решил скрыться. В то время когда из Петропавловской крепости выходили большевики вместе с преданными им пулеметчиками, Ленин с семьей своими соучастниками сел на пришедший из Кронштадта крейсер. Но уехать в Кронштадт им не удалось — они были арестованы».

7 июля 1917 года Владимир Ильич написал небольшую статью «В опровержение темных слухов». Отвечая на вопросы: «Верны ли слухи об аресте Ленина... и других?» — он заявил: «Нет, эти слухи *неверны*... Еще и еще раз просим всех честных граждан не верить грязным клеветам и темным слухам»⁷.

11 июля 1917 года «Живое слово», сообщая об очередном обыске на квартире Елизаровых, куда «явилось около 50 человек солдат и офицеров», утверждало об аресте Н. К. Крупской. «Арест жены Ленина» — таким был заголовок буржуазной газеты.

Некоторые большевики сразу не разобрались в обстановке и считали, что Владимиру Ильичу следует явиться на затеянный буржуазией суд и перед широкими массами разоблачить грязную клевету правительства помещиков и капиталистов.

Но кто мог гарантировать безопасность Ленина? Никто!

Вот мнение В. И. Ленина: «Действует военная диктатура. О «суде» тут смешно и говорить... Не суд, а травля интернационалистов, вот что *нужно власти*...»⁸.

13—14 июля 1917 года вопрос о явке Ленина на суд был предметом обсуждения на совещании ЦК РСДРП(б) с представителями Петербургского комитета, военной организации при ЦК РСДРП(б), Московского областного бюро, Московского комитета и Московского окружного комитета РСДРП(б).

Решение этого совещания было безоговорочным: партия большевиков не может выдать Ленина на растерзание контрреволюции⁹.

Вопрос о явке В. И. Ленина на суд обсуждался на VI съезде партии — 27 июля 1917 года. Докладчиком был Г. К. Орджоникидзе. Отражая волю всей партии, рабочего класса, Серго заявил, что Владимир Ильич не должен являться на суд*. Его полностью поддержали Ф. Э. Дзержинский и другие товарищи. Съезд решительно высказался против явки Ильича на судилище, устраиваемое Временным правительством.

* Серго Орджоникидзе в своих воспоминаниях о В. И. Ленине подчеркивал, что в случае его ареста и водворения в тюрьму не было никаких гарантий, что он не будет «растерзан озверевшими юнкерами». При аресте и заключении в тюрьму «его прикончили бы, если бы этой величайшей преступной глупости суждено было совершиться» (См.: Воспоминания о В. И. Ленине, т. 2, с. 417.).

В Разливе. События складывались так, что нужно было принять дополнительные меры для того, чтобы уберечь Ильича от грозившей ему опасности.

Оставаться Владимиру Ильичу в Петрограде, где повсюду усиленно рыскали ищeyки Временного правительства, нельзя было ни одного дня. Центральный Комитет партии решил поселить Ильича неподалеку от финляндской границы, у рабочего Сестрорецкого завода Н. А. Емельянова*.

Николай Александрович Емельянов, которому партия поручила укрыть Владимира Ильича в тревожные июльские дни, был хорошо известен Центральному Комитету. Потомственный пролетарий, большевик, он в годы первой русской революции нелегально перевозил литературу из Финляндии в Россию. С Владимиром Ильичем Н. А. Емельянов познакомился осенью 1905 года. После Февральской революции рабочие Сестрорецка послали его депутатом в Петроградский Совет. В октябрьские дни 1917 года Н. А. Емельянов активно участвовал в вооруженном восстании.

О том, что ему доверено укрыть Владимира Ильича в Сестрорецке, Николаю Александровичу по поручению ЦК партии сообщил руководитель сестрорецких большевиков, член КПСС с 1913 года Вячеслав Иванович Зоф.

Шалаш и сенокосная полянка в Разливе, в 32 километрах от Ленинграда, навечно вошли в историю. Здесь с 10 июля по 6 августа 1917 года скрывался от преследований контрреволюционного Временного правительства В. И. Ленин.

Перед отъездом от С. Я. Аллилуева Владимир Ильич попросил его достать план Петрограда и тщательно изучил маршрут следования. Несмотря на то, что до Приморского вокзала было около девяти с половиной километров, идти решили вечером, не прибегая к транспорту.

Владимир Ильич постарался изменить внешность: сбрил бороду, усы, на нем были кепка и старое пальто С. Я. Аллилуева. Н. К. Крупская вспоминала, что, когда она уходила из квартиры Аллилуевых 7 июля 1917 года, Владимир Ильич сказал ей: «Давай попрощаемся, может, не увидимся уж». Мы обнялись¹⁰. С. Я. Аллилуев отмечал, что, несмотря на тревожное время, Ленин был ровен и спокоен. Накануне отъезда В. И. Ленин в записке одно-

* Емельянов Николай Александрович — член КПСС с 1904 года, питерский рабочий, в 1917 году — депутат Петросовета.

му из членов ЦК просил в случае своей гибели издать его материалы «Марксизм о государстве»¹¹. За Ильичем зашел моряк-латыш. Его направил ЦК партии. Из квартиры Аллилуевых они ушли 9 июля.

Н. А. Емельянов ждал Владимира Ильича в условленном месте, на набережной, у привокзальной площади. «Всю дорогу Н. А. Емельянов надежно охранял Владимира Ильича: прикинувшись изрядно выпившим, он развалился в тамбуре в такой позе, что пассажиры при виде сильно пьяного человека предпочитали садиться в другие вагоны или устраиваться на почтительном расстоянии в противоположной стороне вагона»¹².

Время приезда Владимира Ильича в рабочую семью Емельянова совпало с ремонтом его дома. Семья жила в саду, в тесовом сарае. На чердаке сарая оборудовали жилье Ленину. Постелью служило свежескошенное сено. Поставили стол и два стула. Дети Емельяновых не знали, кого прячет отец. Гости называли «дядей Костей». Надолго оставаться в многолюдном поселке было крайне опасно, и Центральный Комитет партии согласился с предложением Н. А. Емельянова укрыть Владимира Ильича за озером Сестрорецкий Разлив под видом напятого на время сенокоса финна-косца. На сенокосном участке, арендованном «за схожую цену», оборудовали шалаш из ветвей и сена. Под покровом ночи Владимира Ильича переправили на лодке в его новое убежище.

Наем финна-косца надо было оправдать перед соседями и проживавшими у них дачниками. Муж и жена Емельяновы объясняли это весьма убедительно: «Семья большая, продукты дорожают, купим корову». Кто не знает, что для кормилицы требуется сено!

С точки зрения конспирации было все предусмотрено. Ну а как быть, если на сенокосном участке появятся подозрительные лица? Во избежание неприятностей была организована «дозорная служба». Она была порученамышленому двенадцатилетнему Коле Емельянову.

Условились, что по его первому сигналу Владимир Ильич должен был сразу приступить к своему «делу» — уборке сена или удалиться в поросшую ивняком мшистую равнину. Другие сыновья Емельяновых, в первую очередь шестнадцатилетний Кондратий, сопровождали на лодке за озеро тех, кто по делу навещал «Константина Петровича».

В шалаш к Ильичу по поручению ЦК партии приезжали Я. М. Свердлов, Ф. Э. Дзержинский, Г. К. Орджо-

пикидзе, А. В. Шотман, Э. А. Рахья*. Посланцы партии сообщали Ильичу о событиях в Петрограде, о деятельности большевистских организаций, получали от него указания по работе ЦК РСДРП(б), привозили в Петроград статьи и письма В. И. Ленина.

Сначала они приезжали в поселок Разлив, откуда на лодках, как правило, когда кончался сенокос, ночью переплывали озеро.

О том, как добирались в лодке по озеру Разлив к месту, где партия скрывала своего вождя, сам Н. А. Емельянов вспоминал так: «...Ночь. Ни зги не видно. Отчаливаешь от берега, погружаешься в какую-то тьму, напрасно напрягаешь зрение, чтобы увидеть хоть малейшее очертание берегов, и так едешь, как в бесконечную даль. Проходит с три четверти часа, и только в момент причаливания замечаешь берег. А затем так же лесом, при полнейшей тишине, только так же слышно лишь стрекотание кузнечиков. Через $\frac{1}{4}$ часа выходишь на поляну и только при осведомлении узнаешь, что пришли к месту»¹³.

По воспоминаниям Н. А. Емельянова, как-то перевернулась лодка, на которой плыл Ф. Э. Дзержинский, но все обошлось благополучно.

Шалаш на озере Разлив был седьмым по счету убежищем В. И. Ленина в «свободной» России.

Власти принимали все меры к розыску вождя большевиков. Еще 14 июля 1917 года распоряжение прокурора Петроградской судебной палаты — арестовать и доставить в столицу Ленина, скрывающегося будто бы на линкоре «Заря свободы», — было передано шифрованной телеграммой коменданту Кронштадтской крепости.

Усиленный наряд войск Временного правительства разыскивал Ленина на даче В. Д. Бонч-Бруевича в деревне Нейвола, близ станции Мустамяки и соседних с ней дачах¹⁴.

Командующий Петроградским военным округом генерал Половцев с наглым цинизмом заявлял: «Офицер, управляющийся в Териоки с надеждой поймать Ленина,

* Рахья Эйно Абрамович — член КПСС с 1903 года, смелый и мужественный солдат революции, охранял В. И. Ленина, в 1918 году командовал отрядами Красной гвардии в Финляндии, участник гражданской войны в СССР, член ЦК Финляндской компартии. В. И. Ленин отмечал, что Э. А. Рахья лично ему «давно известен и заслуживает, как старый надежнейший партийный товарищ, полного доверия» (Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 50, с. 131.).

меня спрашивает, желаю ли я получить этого господина в цельном виде или в разобранном... Отвечаю с улыбкой, что арестованные очень часто делают попытку к побегу».

В бешеной травле Ленина, большевиков буржуазные газеты соревновались в клевете и измышлениях. Писали, что Ленин оказался в Германии, что налеты на квартиру Елизаровых, где он жил, как и следовало ожидать, ничего не дали, так как Ленин скрылся на подводной лодке. Из «достоверных источников» сообщалось, что он вылетел на аэроплане, что его вывез броненосец и т. д.

Н. А. Емельянов в своей статье «Таинственный шалаш» вспоминал, что Владимир Ильич от души смеялся, читая выдумки буржуазных газет о его местонахождении.

«Гороховые шуты» — так называл Владимир Ильич буржуазных газетчиков»¹⁵.

В. И. Ленин сообщал в одном из писем Я. М. Свердлову: «На пленуме мне, видно, не удастся быть, ибо меня «ловят»¹⁶.

Тем временем на многочисленных рабочих собраниях, в воинских частях принимались резолюции с приветствиями В. И. Ленину и протестом против «грязной буржуазной клеветы» на вождя партии, с требованиями привлечения к ответственности клеветников.

Вечерами в Разливе донимали комары. Владимир Ильич говорил Емельянову:

— Вот, Николай Александрович, от Керепского мы укрылись хорошо, а от комаров никак не спрятаться — везде находят.

Провизию для Ленина привозила петроградская работница А. Н. Токарева*. «Шура-маленькая» — так вошла в историю эта большевичка, которую выбрали для связи с Разливом Н. К. Крупская и секретарь Выборгского райкома партии Е. Н. Егорова.

Владимир Ильич, скрываясь в Разливе, напряженно работал над выработкой новой тактической линии партии. Этого требовала изменившаяся политическая обстановка в стране. Поляну перед шалашом он шутя называл «зеленым кабинетом»**.

* Токарева Александра Николаевна — член КПСС с 1904 года, работала на табачной фабрике в Москве, на заводе «Айваз» в Петрограде, затем в ВЧК — ОГПУ.

** Н. А. Емельянов в воспоминаниях о пребывании Владимира Ильича в Разливе писал: «Художники иногда рисуют Владимира Ильича сидящим на пне возле шалаша. На самом деле было несколько не так. Ленину для работы рядом с шалашом,

В Финляндию. Буржуазные газеты не прекращали травли Владимира Ильича. Грязные бульварные листки патравливали, торопили ищеек Керенского, призывали во что бы то ни стало пайти и арестовать Ленина. Пребывание Владимира Ильича в Разливе не могло гарантировать его безопасности. К тому же кончилась сенокосная пора, наступила осень, а место было сырým. Нужно было перевезти Ильича в другое, более безопасное место. Решили переправить Ленина в Финляндию. Осуществить эту задачу ЦК партии поручил упомянутым выше А. В. Шотману и Э. А. Рахья. Роль этих людей в охране жизни и безопасности Ленина была огромной*.

Постановление ЦК партии о переправе Ленина в безопасное место передал Серго Орджоникидзе.

Существовало несколько проектов перехода через финляндскую границу. В конце концов было решено раздобыть для Ленина документ на имя сестрорецкого рабочего — многие из них жили на финляндской территории и для перехода через границу имели упрощенные паспорта или заводские пропуска.

А. В. Шотман и Э. А. Рахья блестяще справились с выполнением важного задания ЦК партии. В этом им помог паровозный машинист Г. Э. Ялава**.

Пренебрегая опасностью, Г. Э. Ялава и раньше перевозил на паровозе оружие, подпольную революционную литературу, русский шрифт для тайной типографии большевиков в Гельсингфорсе. О новом, чрезвычайно важ-

в густом кустарнике, я расчистил небольшую площадку, напоминающую собой беседку из живого кустарника. Пня там не было. Стоял чурбан, служивший табуреткой. Возле шалаша была устроена кухня, на колыях висел котелок». (См.: Воспоминания о В. И. Ленине, т. 2, с. 412.).

* Шотман Александр Васильевич — профессиональный революционер, потомственный питерский рабочий. Член партии с 1899 года. После Октябрьской социалистической революции находился на советской и партийной работе. В ноябре 1917 года был назначен членом Коллегии Наркомпочтеля. В 1923—1924 годах был председателем ЦИК Карельской АССР. В 1926—1937 годах работал в ВСНХ уполномоченным Президиума ВЦИК по особым делам. На XIII, XIV, XV и XVI съездах партии избирался в члены ЦКК. В. И. Ленин писал о нем: «...тов. Шотман, старый партийный товарищ, лично мне превосходно известный и заслуживающий абсолютного доверия» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 65).

** Ялава Гуго Эрикович — участник дореволюционных марксистских кружков, член КПСС с 1925 года, личный друг А. В. Шотмана и Э. А. Рахья, почетный железнодорожник. После ухода на пенсию работал в ЦИК Карельской АССР.

ном задании партии Гуго Эрикович вспоминал: «В один из июльских вечеров ко мне на квартиру пришли два хорошо известных мне большевика (А. В. Шотман и Э. А. Рахья. — Н. З.). Войдя, они плотно прикрыли дверь и опустили шторы на окнах. Я понял, что разговор будет особо серьезным.

— Надо сделать «сплав через реку», — сказал один из них.

— Какой сплав? — спросил я, не понимая.

— Переправить одного человека в Финляндию.

Тогда я понял, что означал «сплав». Граница проходила по реке Состре.

— Ну а кого перевезти?

— Ленина, Владимира Ильича.

Я взволнованно посмотрел на них. Такого доверия я не ожидал. Мне вручили жизнь самого дорогого трудящимся человека¹⁷.

Идея нелегального проезда Владимира Ильича под чужим именем в Финляндию на паровозе Ялавы возникла после тщательного изучения системы проверки документов на границе. Прежде чем обратиться к Ялаве, Шотман и Рахья, пройдя по берегу пограничной реки Состры, непосредственно на себе испытали внимание чинов пограничной стражи. В их лица придирчиво всматривались при просмотре личных документов. По всему было видно, что по всей границе усилено наблюдение. Действовала строжайшая инструкция — ни в коем случае не выпустить из России В. И. Ленина.

Под видом кочегара. На квартире Ялавы обсуждались различные варианты проезда Владимира Ильича через границу. В конечном итоге было решено, что Ялава перевезет его на паровозе дачного поезда № 76 под видом кочегара. Поезд отправлялся вечером, проверка документов производилась в вагонах.

Гуго Эрикович Ялава в своих воспоминаниях рассказывал об условиях переезда в Финляндию В. И. Ленина:

«1. Ильич должен ехать со мной на паровозе. Тов. Рахья и Шотман поедут в первом вагоне, близко к первой площадке, и будут иметь на всякий случай карманное оружие.

2. Тов. Ленин, Шотман и Рахья сядут в поезд не в городе, а на станции Удельная. Шотман и Рахья сядут в вагон на самой станции, а Ильич поднимется на паровоз у переезда, в конце платформы. Он должен был при остановке быстро влезть на паровоз и на мой вопрос:

«Кто и куда?» — предъявить удостоверение помощника машиниста... Он — финн, ни слова не знает по-русски. Раз я разрешаю ему ехать на паровозе, то делаю это и силу предоставленных мне прав. Так нужно для отвода глаз.

3. Ленин должен быть одет очень просто.

4. По приезде в Белоостров я отцеплю паровоз и поеду под водоналивную колонку. Задержусь там до второго звонка и возьму поезд перед самым отправлением. При этом условии на присутствие на паровозе трех лиц никто не обратит внимания. Все покажется в порядке вещей»¹⁸.

Не позднее 6 августа 1917 года вечером приступили к выполнению намеченного плана. В сопровождении Н. А. Емельянова, Э. А. Рахья и А. В. Шотмана Владимир Ильич покинул шалаш и пешком направился в сторону ближайшей железнодорожной станции. Не доходя до станции, сопровождавшие Ленина сбились с дороги и вышли к реке, которую пришлось переходить вброд. Затем попали в полосу горящего торфа¹⁹.

Наконец вышли к приграничной станции Дибунь, сели на поезд и доехали до станции Удельная. Неподалеку от нее Ленин и Рахья (как и было намечено) переночевали, а затем отправились на квартиру финского рабочего, токаря завода «Айваз» Э. Г. Кальске*. Это был дом № 11 по Ярославскому проспекту.

В момент прихода Владимира Ильича на эту квартиру Эмиль Кальске отсутствовал, был на работе, а его жену Софью (Сохва) Густавовну Кальске болезнь уложила в постель. Хозяйина и хозяйку дома заменила жена Эйно Абрамовича Рахья, Л. П. Парвйайнен**. Она разогрела ужию для гостей, приготовила им чистые постели. Владимир Ильич, ссылаясь на то, что он и Рахья с дороги оба мокрые, в грязи, наотрез отказался лечь в чистую постель и примостился где-то на полу.

На другой день вечером Ленин направился к станции Удельная. Он был в рабочем костюме и парике, без усов и бороды. В кармане у него было удостоверение на имя

* Кальске Эмиль Георгиевич — член КПСС с апреля 1917 года, участник Великого Октября, красногвардеец, в дальнейшем на партийной и советской работе в Петрограде и Карелии.

** Парвйайнен Лидия Петровна — член КПСС с 1917 года, участница первых отрядов Красной гвардии, связанная В. И. Ленина.

рабочего Сестрорецкого оружейного завода Константина Петровича Иванова. Фотография была сделана по поручению партии специально приехавшим в Разлив фотографом-любителем Д. И. Лещенко*.

Г. Э. Ялава подъехал на паровозе № 293 к пересезду станции. Навстречу быстрой походкой шел плотный, коренастый, среднего роста человек. Он взялся за поручни паровоза и влез в паровозную будку. Ялава, по его словам, был смущен внешним видом Владимира Ильича — во всяком случае, он его представлял иначе.

«Ильич увидел, что мой помощник подкидывает дрова в отверстие тендера. Он засучил рукава и влез на тендер, а помощнику велел сесть и раскуривать свою трубку. Когда отверстие тендера было полно, Ильич пересаживается ко мне на стул и перекидывается несколькими фразами о ходе событий и о возможности революции в Финляндии. Быстро прошла первая часть пути. Мы не заметили, как приехали в Белоостров.

Все шло прекрасно. Отцепили паровоз, простояли дольше обычного у водокачки (было уже два часа утра). Затем перед самым отправлением поезда подъехали к составу и через несколько минут были уже в Финляндии. В Териоках, в 49 километрах от Петрограда, В. И. Ленин сошел с паровоза и крепко пожал мне руку. Мы расстались»²⁰.

Эйно Абрамович Рахья так описывал этот переезд. «Поезд загрохотал. Окна были закрыты. Мы сидели, тревожно прислушивались. На каждой остановке выглядывали. Мы знали, что, если Ленина будут брать, будем стрелять. Ялава находился на паровозе, мы — в первом от паровоза вагоне, готовые выскочить и помешать задержанию Ленина. Я был вооружен, Шотман тоже. Арестовать Ленина не дали бы, все бы сделали для его защиты»²¹.

В пути Владимир Ильич работал как опытный кочегар, подбрасывая дрова в топку паровоза. Когда в Териоках «кочегар» сошел с паровоза, было 2 часа 45 минут ночи.

Через пару месяцев, в октябре 1917 года, на этом же паровозе, также под видом кочегара Владимир Ильич вернется обратно в Петроград. Гуго Эрикович Ялава вторич-

* Лещенко Дмитрий Ильич — член КПСС с 1900 года, делегат V (Лондонского) съезда РСДРП, в 1917 году работал в Выборгской районной думе.

но тайно перевезет вождя революции. Паровоз № 293 правительством Финляндии передало Советскому Союзу. Ныне исторический локомотив, подобно броневнику и крейсеру «Аврора», находится на вечной стоянке в Ленинграде.

Итак, Владимир Ильич Ленин после почти месячного пребывания в Разливе направился в Финляндию. Финляндия была хорошо знакома В. И. Ленину, который посещал эту страну в годы первой русской революции. В частности, в декабре 1905 года Владимир Ильич руководил большевистской конференцией в Таммерфорсе, а в марте 1906 года под именем «доктора Вебера» приезжал туда по делам предстоявшего IV съезда партии.

По пути в Гельсингфорс Ленин остановился в деревне Ялкала, ныне поселок Ильичево Выборгского района Ленинградской области, на квартире рабочего-финна Петра Генриховича Парвйайнена, отца Лидии Петровны. От деревушки Ялкала до Териок 12 километров. А. В. Шотман не сошел в Териоках, этим же поездом направился в Гельсингфорс, где предстояло подготовить надежное убежище для В. И. Ленина.

Связная Ильича. Владимир Ильич, Эйно Рахья и его жена Лидия Парвйайнен направились в деревню. Километра три прошли пешком за повозкой, которой правил брат Лидии Парвйайнен. Из деревни Ялкала связь с Петроградом Ленин поддерживал через Лидию Петровну Парвйайнен*.

Своему отцу Петру Генриховичу Лидия Петровна представила Владимира Ильича как писателя: «Константин Петрович» действительно все дни пребывания у Парвйайненов не расставался с пером и бумагой — работал над книгой «Государство и революция», писал письма в Центральный Комитет партии.

Почту Владимира Ильича в Петроград и письма на его имя из Петрограда возила Лидия Петровна.

— Владимир Ильич, — рассказывала она, — пересылал через меня короткие записки к Надежде Константи-

* В 1968 году Лидия Петровна показывала автору фотокопии ленинских документов. На одном из них на бланке Председателя Совнаркома, датированном 30 декабря 1918 года, знакомым ленинским почерком написано:

«В ВЧК и в Питерскую ЧК

Прошу выдать разрешение на ношение браунинга члену РКП большевиков (еще до революции) товарищу Лидии Петровне Парвйайнен, лично мне известной, за которую я ручаюсь.

Пр. СНК В. Ульянов (Ленин)».

новне. От нее я везла Ильичу свежие газеты, почту²².

Семья Парвиайненов была большая — десять человек. Хлопотливая хозяйка Анна Михайловна гордилась, что у нее шесть сыновей и две дочери. Приехавшему из Петрограда «писателю» были представлены все члены семьи, даже самые младшие — восьмилетний Эверий и шестилетний Вернер. Владимир Ильич подружился с мальчуганами. Они сопровождали его в лесных прогулках. Все вместе собирали грибы, бруснику. Бывали на озере Кафи-Ярви. В переводе на русский язык озеро называлось Красавица.

— Мой отец Петр Генрихович Парвиайнен догадался, что у него гостит никакой не писатель, а сам Ленин и сразу об этом ему сказал, — рассказывала Лидия Петровна. — Но в нашем доме ничто не угрожало Владимиру Ильичу.

Из Ялкалы в Териоки, к поезду на Гельсингфорс, Владимир Ильич не ушел, пока не дождался из Петрограда Лидию Петровну Парвиайнен, которая должна была привезти письмо Н. К. Крупской и взять ответ Владимира Ильича.

Вернувшись поздно вечером из очередной поездки в Петроград с письмом для В. И. Ленина, Лидия Петровна не узнала его. Владимир Ильич был в одежде финского пастора. Костюм и парик привезли ему двое молодых рабочих-финнов, которых прислал А. В. Шотман из Гельсингфорса. Там им уже была подготовлена конспиративная квартира для В. И. Ленина.

Ни «пастора», ни двух неизвестных ей людей Лидия Петровна не знала и встревожилась. Вскоре, однако, все прояснилось.

— Я услышала смех «пастора» и сразу же узнала Константина Петровича, — рассказывала она. — Двое молодых людей оказались замечательными исполнителями важного поручения партии. Их имена были: Густав Каллио и Карл Куусел.

Владимир Ильич передал Л. П. Парвиайнен очередную корреспонденцию в Петроград и исписанную школьную тетрадь для Н. К. Крупской.

— Я спросила у Владимира Ильича, что это за тетрадь. В ответ мне было сказано, что это некоторые главы его будущей книги*.

* Речь идет о книге В. И. Ленина «Государство и революция».

Рассказ Карла Куусела *. «Однажды в августе прошлого, 1917 года — день я не помню (предположительно 7—8 августа. — Н. З.) — поздно вечером ко мне пришла моя давняя знакомая. Она была чем-то очень взволнована. Пригласив ее присесть, я в шуточной форме посоветовал ей успокоиться.

— В чем дело?

— Слушай, имеешь ли желание попасть в Сибирь? А в тюрьму «Кресты»?

— Нет, я такого желания не имею. Почему ты рекомендуешь мне именно эти два места?

— Видишь ли, «они» назначили Густава сегодня вечером поехать в Петроград за «живым чемоданом».

— Кто он?

— Точно не знаю. Я опасаясь, что Густава арестуют и отвезут в Сибирь или посадят в «Кресты». Ведь он в этих делах неопытен, а ты уже бывалый человек. В тебе никогда никто не усомнится. К тому же у тебя нет семьи. Поезжай-ка ты. Ты привык путешествовать и хорошо знаешь каждый уголок Финляндии.

— А разве обязательно провалиться? — опять-таки шутя спросил я ее. — Пусть Густав поедет со мной помощником, и я убежден, что вместе мы обеспечим удачу. Я привык к тому, что дело, за которое я берусь, всегда удается.

— Значит, ты согласен, не так ли?

— Согласен.

Таким образом, в тот же вечер вместе с Густавом на скором поезде мы отправились на восток. Поездка проходила без всяких происшествий, но в пути Густав заподозрил, что два русских офицера следят за нами. Следили ли, не знаю, но, во всяком случае, в полной безопасности мы вышли на станции Териоки.

Здесь же мы решили, что в случае, если нам будет угрожать какая-либо опасность, Густав должен удалиться, не признавая меня. На станции нас ждали. Лошадь оказалась уже запряженной, нам осталось расположиться на телеге и проехать несколько километров по дрянной дороге.

До самого места мы не доехали, остановившись на перекрестке дороги, начерченной карандашом на нашей карте. Отпустив лошадь, мы пошли пешком по дороге,

* Карл Куусел — финский артист, затем директор театра в финском городе Васа.

которая должна была довести нас в Ялкалу. Но это оказалось не так просто, как мы предполагали, ибо нет-нет и нам встречались все новые разветвления дороги. Но все же мы дошли до цели.

Но какое разочарование — никакой дачи не оказалось. Стояло строение, напоминающее невзрачную избушку. Там как будто мелькнула у дверей женская фигура. Это позволило нам сделать вывод, что кто-то дома. Мы вошли. Нас встретила женщина средних лет.

Я спросил:

— Дома ли господин П.?

— Его нет.

— Дома ли госпожа Лидия П.?

— Ее нет.

Это меня сначала несколько озадачило, ибо согласно полученной нами инструкции в случае непризнания нас мы обязаны вернуться, бросив всю заготовку.

Но я решил пренебречь инструкцией и действовать самостоятельно. Угадав во встретившей нас женщине хозяйку дома, я сказал ей:

— Хозяйшкa, послушайте, я честный и миролюбивый человек, я убежден, что мой друг находится в этом доме, и мне необходимо обязательно с ним встретиться. Я имею к нему письмо, которое обязан вручить ему лично.

Хозяйка оглядела нас и удалилась. Не прошло и минуты, как в комнату вошел мужчина средних лет.

Я встал. С минуту мы пристально разглядывали друг друга. Человек, которого я увидел, вовсе не был похож на того, кого мне описывали. Да я толком и не знал, кого именно мне следовало выручать. И ему я не был знаком совершенно.

Приблизившись к нему, я сказал:

— Не знаю, кто вы, и вы не называете своего имени. Для нашего общего дела будет лучше, если я не буду знать вашего имени. Но тем не менее я ваш друг и мною будет сделано все, чтобы выручить вас и увести в надежное место.

День, проведенный с Лениным, никогда не забуду.

Сначала я намеревался немного поспать, так как за все это время вовсе не отдыхал. Ленин постелил мне на своей кровати, уселся возле меня, и началась беседа. Ну смог ли я уснуть? Нет, понятно. Мы пошли прогуляться в лес. Тем для беседы хватало надолго.

Я рассказал Ленину о положении в Финляндии, об

обычаях финского народа, особенно в южной ее части, где я жил последние десять лет.

Таким образом, день быстро приближался к вечеру. Мы уже стали беспокоиться, где задержалась г-жа П., которая должна была привезти из Петрограда деньги, паспорт и прочее. За это время мы изготовили грим, он удался очень хорошо.

Только после десяти часов вечера приехала г-жа П. Мы быстро собрались. Марш в путь-дорогу. Сначала на лодке через озеро, а затем пешком девять километров по пыльной дороге.

Ленин, очевидно, очень устал бы, если бы Густав не уговорил его помочь ему и не взял бы пакет с вещами.

На станцию мы подошли к прибытию скорого поезда. Я едва успел купить билеты, пришлось прыгать на ходу. Мы заняли первое попавшееся купе. Разговаривать между собой не осмеливались. Движением руки я показал Ленину, чтобы он устраивался на верхней полке. Я произвел осмотр всего вагона на случай, если бы пришлось нам бежать. Уснуть не пытался и полагал, что Густав тоже присоединится к моему бодрствованию, хотя не знал, успел ли он сесть в поезд. В половине шестого я умылся и разбудил Ленина.

Но ужас! Грим сполз на подбородок и щеку, оставляя глубокие следы, борода местами отклеилась. Грим мы успели кое-как исправить, но с бородой ничего не смогли сделать, ибо пузырек с клеем остался в кармане у Густава, а где он — так и не выяснили.

— Теперь остался единственный выход — снять грим и выщипывать волосы из бороды, — сказал я Ленину.

— Это опасно.

— Да, если бы это было в Петрограде, но не здесь. Мы ведь далеко в Финляндии.

Приступили к смыванию грима с лица. Но это было нелегко, потому что под рукой не было ни вазелина, ни теплой воды. Нам пришлось торопиться, так как поезд подходил к станции Лахти, на которой мы должны сойти с поезда. Все же мне удалось довольно-таки тщательно очистить лицо Ленина от наложенного грима. Мы вышли на платформу, весело беседуя по-фински. Так предložил Ленин. По-фински говорил, конечно, только я, а Ленин ограничивался смехом, что звучало вполне по-фински»²³.

Лахти. Мальм. Гельсингфорс. Покинув затерявшуюся между озерами деревушку Ялкала (в ней было всего семь

хозяйств), Владимир Ильич со своими спутниками приехал в финский городок Лахти. Здесь убежищем стала квартира часового мастера, корреспондента социал-демократической газеты А. Коски. Сестра его жены, в прошлом петербургская работница Мерскю, была первой, кто встретил Владимира Ильича в маленьком одноэтажном деревянном домике. Она переехала на постоянное жительство в Финляндию и стала жить у сестры в Лахти за несколько лет до Февральской революции. В воспоминаниях А. В. Шотмана рассказывается, что Владимира Ильича гостеприимно встретила и вкусно накормила питерская работница. Это и была Мерскю.

Прожив день 9 августа в Лахти, В. И. Ленин переехал в пригород Гельсингфорса — Мальм, на дачу Карла Вийка*. Об этом у А. В. Шотмана была договоренность с финскими социал-демократами. Карл Вийк встречал Ильича в Лахти и, как свидетельствует дневник Вийка, «с трудом узнал Ленина, который сильно изменил свою внешность».

Вийк, который был известен Владимиру Ильичу со времени VIII международного социалистического конгресса (Копенгаген), вел дневник. Все записи о пребывании Ленина в Гельсингфорсе производились шифром и были расшифрованы и дополнены Вийком в 1939 году. Копия дневника было получена Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС из архива рабочего движения в Стокгольме в 1971 году.

В поезде, по словам Вийка, он усадил Ленина поближе к окну, «прикрыл голову занавеской, как будто он спит, взял его билет и вручил... кондуктору, так что последнему не было необходимости видеть его»²⁴.

На следующий день, 10 августа, вечером Владимир Ильич в сопровождении Вийка приехал в Гельсингфорс, поселившись у финского социал-демократа Г. С. Ровио (Хагнесская пл., д. 1, кв. 22), а затем на квартирах финских рабочих А. Усениуса (ул. Фредкрикинкату, д. 64) и А. Блумквиста (ул. Т. Шаленкату, д. 46)²⁵.

Выбор А. В. Шотманом квартиры Ровио не был случаен. Г. С. Ровио** вплоть до финской революции в ян-

* Вийк Карл Харальд — один из руководителей социал-демократической партии, депутат финского сейма многих созывов.

** Ровио Густав Семенович — член КПСС с 1905 года, токарь, был секретарем ЦК социал-демократического союза молодежи Финляндии, в 1917 году — начальник милиции Гельсинг-

варе 1918 года являлся полицмейстером в столице Финляндии. Александр Васильевич в разговоре с Ровио даже пошутил:

— Приеду в Питер, скажу нашим, что поместил Ленина у гельсингфорсского полицмейстера. Вот уж, наверное, будут удивляться и смеяться, когда узнают. И я убежден, что ни один черт из агентов Керенского и не подумает заглянуть в твою квартиру²⁶.

Квартира Г. С. Ровио была небольшой (одна комната и кухня), к нему никто не приходил, а жена в то время проживала в деревне.

Г. С. Ровио до этого никогда не видел Владимира Ильича. В своих воспоминаниях «Как Ленин скрывался у гельсингфорсского «полицмейстера» он писал: «Я чувствовал некоторое легкое возбуждение, став вдруг квартирохозяином Ленина. Конечно, я не мог и подозревать в то время, что через четыре месяца Ленин будет руководителем великой державы, но, читая ежедневно русские буржуазные и соглашательские газеты и видя, какое внимание уделяется в них «шпионажу» Ленина, я понимал вполне конспирацию Шотмана и не мог не чувствовать легкого напряжения. Тем более что мне по службе чуть ли не каждый день приходилось иметь дело с контрразведкой Керенского, а иногда и с финляндским генерал-губернатором, октябристом М. М. Стаховичем»²⁷.

По просьбе Владимира Ильича Ровио организовал доставку ему петроградских газет — сам ходил на вокзал к приходу почтового поезда и покупал все газеты, а также договорился о доставке Ленину корреспонденции с финским социал-демократом Кесси Ахмала, работавшим в почтовом вагоне курсировавшего между Петроградом и Гельсингфорсом скорого поезда. Через других социал-демократов Ровио организовал и обмен для Владимира Ильича русских денег на финские, что представляло в то время нелегкую задачу, — деньги нужны были на покупку газет и на питание. Ровио предложил приносить обеды из кооперативной столовой, где он сам обедал, но Владимир Ильич категорически отказался от этой услуги и готовил себе пищу сам.

До поздней ночи он просиживал над свежими газе-

фorsa. После поражения рабочей революции в Финляндии работал в Петрограде секретарем финской секции Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б), проректором Ленинградского отделения Коммунистического университета национальных меньшинств Запада, с июля 1929 года — секретарем Карельского обкома ВКП(б).

тами и своими статьями, которые на следующий день передавал Ровио для пересылки в Петроград. Много работал Ильич и над начатым еще в Разливе трудом «Государство и революция».

Условия конспирации обязывали не задерживаться на одном месте. Прожив у Ровио недели полторы, Владимир Ильич с его помощью поселился на другой квартире, затем снова вернулся к Ровио, прожил еще с неделю и был устроен на квартиру машиниста Артура Блумквиста. Э. Блумквист, его жена, вспоминала: «Владимир Ильич был очень осторожен. Выходя на прогулку (одного мы никогда не отпускали его на улицу), он прежде всего тщательно знакомился с окружающей обстановкой. Да это и понятно. Тогда везде и всюду кишели шпионы...»

Однажды Ленин перевел хозяевам квартиры содержание одного из сообщений полученной газеты. В нем говорилось, что сыщики в Петрограде напали на след Ленина, арест которого неминуем в ближайшие дни. Многозначительно улыбнувшись, Ленин проницательно, лукаво прищурился и сказал: «Жаль, жаль Ленина. Вот, оказывается, какие дела!»²⁸

В Гельсингфорс к В. И. Ленину дважды приезжала Надежда Константиновна. Связной Ильича Кесси Ахмала привез от него нарисованный им план квартиры Блумквиста.

Соблюдая все правила конспирации, Н. К. Крупская с помощью Николая Александровича Емельянова запаслась пропуском для проезда через границу на имя умершей тетки Емельянова Агафьи Николаевны Атамановой, а знакомый читателю Д. И. Лещенко снабдил пропуск фотографией Надежды Константиновны, повязанной ситцевым платком.

В Выборге. В. И. Ленин не мог оставаться вдали от стремительно развивавшихся в Петрограде событий. Для того чтобы быть ближе к городу, он решил переехать в Выборг. При помощи Ровио одному из парикмахеров заказали парик. Владимир Ильич просил парикмахера подобрать парик с сединой примерно так, чтобы быть похожим на шестидесятилетнего. Парикмахер был крайне удивлен и стал всячески убеждать Ленина, чтобы тот сохранил свой молодой вид. В конце концов пришлось выполнить требование заказчика — в шкафу был найден готовый седой парик. Когда Ровио на следующий день зашел к Владимиру Ильичу, тот учился ходить в парике...

Вскоре Ровио достал краску для бровей, финский пас-

порт, и Владимир Ильич 23 или 24 сентября 1917 года прибыл в Выборг на квартиру редактора местной рабочей газеты «Тюэ» («Труд») Эверта Хуттунена (ул. Вилкенкату, д. 17 — ныне ул. Тургенева, д. 8).

В тот же день вечером (23 или 24 сентября. — *И. З.*), как только стемнело, Хуттунен на извозчике отвез Владимира Ильича в рабочее предместье Таликкало (ныне поселок имени Ленина) на квартиру Юкка Латукки (ныне Рубежная, д. 15).

Юкка Латукка* вспоминал о первой встрече с Лениным на кухне квартиры Хуттунена, где Владимир Ильич сидел у стола и завтракал. «Меня зовут Иваповым», — потихоньку сказал он мне, причем по его глазам можно было прочесть: «Не спутайте меня, Иванова, с кем-нибудь другим, разыскиваемым по всей России Керенским и его компанией».

«Комната и в особенности книжный шкаф и полка с большим количеством русской подпольной литературы понравилась Ильичу, — вспоминал далее Юкка Латукка. — Получив утвердительный ответ на свой вопрос: «Значит, эту квартиру, вы, товарищи, предоставляете мне?» — Ильич пожал мне руку и сказал: «Здесь я смогу хорошо поработать».

И действительно, в своем новом кабинете Владимир Ильич работал по обыкновению до глубокой ночи. «Хотя мы и требуем для рабочих восьмичасового рабочего дня и даже шестичасового в некоторых отраслях, мы, как партийные работники не считаемся со своим рабочим временем»²⁹.

Владимир Ильич, внимательно следивший за развитием событий в Питере, рвался в столицу. Получив отказ, он потребовал от А. В. Шотмана письменного подтверждения решения ЦК, которое стремилось в целях безопасности не допустить преждевременного возвращения Ленина в Петроград.

Воспоминания финской работницы Альмы Матвеевны Раухийнен живописуют некоторые детали пребывания Ильича в Финляндии осенью 1917 года.

«В это время мы с мужем Андреем, — вспоминала она, — занимали квартиру в доме № 35 на улице Матанкату города Выборга, принадлежавшую Ахола Юсси. Ахола Юсси был большевиком. До 1907 года работал в Пе-

* Латукка Ю. К. — член социал-демократической партии Финляндии с 1904 года, журналист, в 1917 году — депутат Выборгского Совета.

тербурге. Там связал свою судьбу с большевистской партией, состоял в рабочих кружках, в которых получил настоящее марксистское образование. Однажды Ахола мне сказал:

— Альма, не выполнишь маленькое поручение? Только, чур, между нами. Если левая рука что делает, правая об этом не должна знать.

Я согласилась. И уже через день направилась в продуктовую лавку потребительского общества, где наша семья отоваривала карточки. Здесь переговорила наедине со знакомой продавщицей Эвой Перякоюля и передала ей просьбу Юсси. Следует добавить, что та просьба в голодную пору имела важное значение. Эва должна была сэкономить некоторую часть отпускаемых продуктов, а затем вручить их мне, чтобы отнести для одного приезжего человека, который ненадолго остановился на квартире Латукки. Кто этот приезжий, Юсси не пояснил.

— Я тебя ждала, — заметила Эва, встретив меня в лавке. — Дай сюда карточки и кошелку.

Она незаметно уложила с моими продуктами аккуратно свернутые пакеты, проводила меня за дверь на улицу.

«Вот тебе па, — подумала я, — Эва хотя и социал-демократка, а посвящена в такие же тайны, что и большевики».

Пакеты я занесла к себе домой. Дождалась вечера. Как только стемнело, направилась в Талликала, кирпичную часть Выборга, на улицу Александровскую. Так называлась рабочая окраина города. Дом Латукки № 15 находился в самом конце улицы.

Раньше в доме Латукки я никого постороннего не встречала. А тут захожу к ним как старая знакомая, решительно. Открываю дверь на кухню. Меня у порога встречает хозяйка дома Лююли Латукка. Почему она была встревожена?

— Ах, ты пришла, — растерянно произнесла она.

Я смекнула, в чем дело, и нарочито громко назвала пароль.

— Привет от Эвы!

После этих слов Лююли вроде вздохнула облегченно. И тут вижу, на кухне умывается посторонний, которого я никогда не встречала на наших улицах ни раньше, ни после. Был он небольшого роста, широкоплечий, в белой нижней рубашке, с засученными рукавами выше локтей. На голове заметно выделялась лысина. Незнакомец кон-

чил умываться, тщательно утерся полотенцем и пристально посмотрел на меня, словно пропизывая насквозь. До сих пор не изгладились в моей памяти его чуть влажные, прищуренные, но очень ясные, со смешинкой глаза. Предполагаю, что человек с первого взгляда определил, кто я, зачем пожаловала в такой поздний час. А может, он был предупрежден заранее о моем приходе? Не знаю. Только незнакомец спокойно еще раз смерил нас своим внимательным взглядом и, не говоря ни слова, торопливо направился в свою комнату.

На следующий день, когда я снова пришла в лавку, не сдержала женского любопытства, спросила у Эвы: — Он, верно, партийный руководитель оттуда (значит, из России)?

Эва приставила палец к губам, давая понять, что говорить об этом не следует. Мол, молчи, считай, что знать ничего не знала и видеть ничего не видела. Действительно, я долго не знала, для кого носила тогда продукты, пакеты.

...Наступил 1927 год. Мы с Эвой в составе финских туристов впервые приехали в Ленинград. Как только вышли из поезда на перрон Финляндского вокзала, мне бросился в глаза большой памятник.

— Постой! — Я схватила свою подругу за плечо и, обрадовавшаяся, громко вскрикнула: — Эва, вот человек, которого я встречала у Латукки. Неужели это был тогда Ленин?

Эва и на этот раз не дала договорить до конца.

— Верю ты узнала, — прошептала она мне, улыбаясь. — Однако учти, мы не одни, рядом наши туристы. И пока мы с тобой живем в буржуазной Финляндии, это имя у нас повсюду еще небезопасно произносить.

И старая коммунистка оказалась права: вот почему я еще долго, пока жила в Финляндии, ни с кем из посторонних не делилась своей радостью по поводу того, что я тоже видела дорогого Ильича и помогала его верным соратникам в создании для него необходимых условий работы в глубоком подполье в сентябре 1917 года»³⁰.

Красные финны. Закономерен интерес к судьбе некоторых товарищей, помогавших скрываться В. И. Ленину в Финляндии. После установления там весной 1918 года власти буржуазии жизнь этих красных финнов сложилась трагически.

Густав Каллио, который ездил за Лениным из Гельсингфорса в Ялкаулу, был расстрелян во дворе Выборг-

ской крепости; Аксель Коски, приютивший Владимира Ильича в Лахти, был приговорен к смертной казни, замененной долголетним тюремным заключением.

После установления дипломатических отношений между Советской Россией и Финляндией жена Коски, Амалия, обратилась к Владимиру Ильичу с письмом, в котором просила заступиться за мужа. В результате Коски был освобожден из тюрьмы, но долгое время нигде не мог получить работу (его устроили в хозяйственную часть советского представительства в Гельсингфорсе).

Артур Блумквист, в квартире которого В. И. Ленин скрывался почти полтора месяца, также был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным тюремным заключением.

Кесси Ахмала, организовавший перевозку в почтовом вагоне поезда Гельсингфорс — Петроград писем и статей В. И. Ленина, после занятия белыми Выборга был расстрелян вместе с другими красногвардейцами. «Да здравствует революция!» — с этим возгласом пал сраженный пулями человек, имя которого связано с именем В. И. Ленина³¹. Дочери К. Ахмала, коммунистке Хилкке, пришлось много лет сидеть в финской тюрьме.

Финские белогвардейцы заочно приговорили к 20 годам каторги Гуго Эриковича Ялава, машиниста паровоза № 293, дважды, в августе и в октябре 1917 года, перевозившего через границу Владимира Ильича.

Один из руководителей социал-демократической рабочей партии Финляндии, сенатор Вийк, у которого Владимир Ильич побывал в Мальме, после Октябрьской революции посещал нашу страну и встречался с Лениным.

Весной 1922 года у Владимира Ильича в Кремле побывал Гуго Эрикович Ялава.

— Такие люди, как Ленин, — рассказывал по возвращении домой бывший машинист паровоза № 293, — никого не забывают. Он сразу узнал меня. Спросил, как живу, откуда еду, работаю ли еще на железной дороге, в чем нуждаюсь. На прощание Ильич пожал мне крепко руку, проводил до дверей и сказал: «Заходите ко мне обязательно каждый раз, когда будете в Москве»³².

Владимир Ильич всегда помнил о своих друзьях и радушно их принимал. Семилетнему сынишке Ровио он прислал из Москвы посылочку с игрушками³³.

Последнее убежище. Последней конспиративной квартирой В. И. Ленина, последним убежищем, где партия

скрывала Ильича от грозившей ему опасности, была квартира большевички, депутата Петроградского Совета М. В. Фофановой. Ее квартира находилась в старом, неприметном районе рабочего Петрограда — в доме № 192 по Сердобольской улице Выборгской стороны.

Маргарита Васильевна была агрономом. Формально не состоя еще в рядах партии большевиков, вела революционную работу в Красноуфимске, Архангельске, Тверской губернии, в Крыму и Петербурге. В апреле 1917 года она вступила в ленинскую партию. Фофанова работала вместе с Н. К. Крупской в культкомиссии районной думы Выборгской стороны и однажды, 6 июля 1917 года, предоставила свою квартиру для узкого совещания членов ЦК, которое проводил В. И. Ленин. Характеристику Маргариты Васильевны мы находим у самого Владимира Ильича. «М. В. Фофанову я знаю, — писал он, — как энергичную и преданную большевичку с лета 1917 года. Осенью того же года, перед Октябрем, в самые опасные времена, она меня прятала у себя на квартире. С революции Октября 1917 года работает все время не покладая рук»³⁴.

В конспиративном отношении ее квартира была очень удобной. Она состояла из трех комнат с небольшим балконом и находилась неподалеку от железнодорожной станции Ланская. Окна квартиры выходили в сад соседнего дома. Улица не освещалась. В доме также не было электричества. В случае острой необходимости можно было незаметно оставить квартиру и без промедления уехать из Петрограда.

Готовясь к своему возвращению из Финляндии в Петроград, Владимир Ильич по доставленному ему Н. К. Крупской плану улицы, где проживала М. В. Фофанова, пришел к выводу, что знакомая ему квартира вполне отвечает требованиям конспирации.

— О том, что Владимир Ильич должен поселиться у меня, — рассказывала М. В. Фофанова, — мне сообщила Женья Егорова. Секретарь Выборгского райкома вела со мной разговор в присутствии Надежды Константиновны Крупской. С ней я познакомилась сразу после возвращения Владимира Ильича в Россию — в апреле 1917 года. Мы стали вместе с ней работать в Выборгском районе, подружились. Разговаривая со мною о том, чтобы снова использовать мою квартиру для нужд партии, Женья Егорова спросила меня: «Но как быть с твоими ребятами? Вот это у нас с тобою задача...» Я жила с

детьми, Галей и Сергеем, и их действительно надо было куда-то отправить. Мои родители жили тогда в Уфимской губернии. Моя сестра в конце августа увезла детей.

Владимир Ильич пришел на квартиру М. В. Фофановой в один из дней между 3 и 10 октября 1917 года. Вслед за ним появилась и Надежда Константиновна.

— Моя встреча с Владимиром Ильичем, — продолжала М. В. Фофанова, — произошла только утром следующего дня. Приехав на квартиру со станции Удельная, он сразу прошел в отведенную для него комнату, наскоро поужинал и принялся за какую-то работу.

Утром Владимир Ильич вышел из своей комнаты без гарика, который попросту забыл надеть. Он просил называть его Константином Петровичем, то есть по имени рабочего Сестрорецкого оружейного завода, на чье имя, как известно, он имел удостоверение.

Владимир Ильич внимательно осмотрел всю квартиру, балкон, поинтересовался нахождением водосточной трубы — «на случай, если придется по ней спускаться», — и остался доволен³⁵.

Было условлено, что Маргарита Васильевна должна будет каждое утро доставлять Владимиру Ильичу все выходящие в Петрограде газеты для того, чтобы он был в курсе всех политических событий.

За буржуазными газетами приходилось ездить в центр города, так как в районе решением Совета запрещалось их распространение.

Маргарита Васильевна Фофанова регулярно поддерживала связь с Надеждой Константиновной, посылала ей письма и приносила от нее ответы.

Тем временем Временное правительство Керенского принимало все меры к розыску В. И. Ленина. Незадолго до того, как он возвратился из Финляндии в Петроград, а именно 14 сентября 1917 года, рассылается секретная телеграмма пачальника Петроградской городской милиции всем комиссарам города о получении предписания о немедленном аресте В. И. Ульянова (Ленина), принятии мер к его розыску и приводу для допроса в качестве обвиняемого. В телеграмме предписывалось выполнить это распоряжение³⁶.

В то время когда Владимир Ильич находился в квартире М. В. Фофановой, в меньшевистской газете «Новая жизнь» появилась статья Каменева и Зиновьева, в которой они выступили против вооруженного восстания. Выдав тайну врагу, они тем самым поставили в известность

Временное правительство о том, что В. И. Ленин скрывается где-то в Петрограде.

Через два дня — 20 октября 1917 года — в той же меньшевистской газете появилось следующее сообщение:

«Министр юстиции П. Н. Малянтович предписал прокурору судебной палаты немедленно сделать распоряжение об аресте Ленина. Прокурор судебной палаты во исполнение этого распоряжения обратился к главнокомандующему войск Петроградского военного округа с просьбой приказать подведомственным ему чинам оказать содействие гражданским властям в производстве ареста и о доставлении Ленина в случае задержания его военными властями судебному следователю по особо важным делам П. А. Александрову»³⁷.

Рано утром 24 октября Временное правительство пыталось закрыть центральный орган большевиков — газету «Рабочий путь». Вооруженные юнкера разыскивали В. И. Ленина в помещении редакции газеты. Красногвардейцы и солдаты Литовского полка и 6-го запасного саперного батальона взяли под защиту помещение газеты и организовали охрану Смольного.

Со времени ухода Ленина в подполье не было ни одного дня, когда бы его жизни не угрожала опасность. Во время пребывания Владимира Ильича на квартире М. В. Фофановой за его безопасность перед ЦК отвечал Выборгский райком РСДРП(б) во главе с Е. Н. Егоровой. О местонахождении Ленина, кроме Н. К. Крупской и Э. А. Рахья, знали два-три человека.

Особые меры предосторожности предпринимались, когда Владимир Ильич участвовал в заседаниях ЦК РСДРП(б) 10 и 16 октября или встречался с членами ЦК по не терпящим отлагательства вопросам и вынужден был на время уходить из своей последней конспиративной квартиры.

Историческое заседание ЦК 10 октября состоялось на Петроградской стороне, в доме № 32 по набережной реки Карповки. С точки зрения конспирации квартира была выбрана очень удачно. Она находилась вне всяких подозрений, так как в ней жил Н. Н. Суханов — меньшевик, один из редакторов меньшевистской газеты «Новая жизнь», пользовавшийся у Временного правительства надежной репутацией. Суханов в тот момент был в отъезде, а его жена Г. К. Флаксерман, большевичка, работала в Секретариате ЦК большевиков. По просьбе Я. М. Свердлова она охотно предоставила

квартиру для заседания. Набережная реки Карповки находилась недалеко от квартиры М. В. Фофановой, что облегчало путь В. И. Ленина. Адрес дома и номер квартиры, где было назначено заседание ЦК, был сообщен его участникам незадолго до самого заседания.

В. И. Ленин пришел на заседание вечером. Его сопровождал Э. А. Рахья *. Владимир Ильич впервые после трехмесячного подполья присутствовал на заседании ЦК.

«Многие члены ЦК не видели его с июльских дней. Когда Ильич появился, все поднялись со своих мест, потянулись к нему, шумно, дружески приветствуя его. Товарищи были поражены неузнаваемым видом Ленина: у него не было бороды и усов, на голову был надет седой паричок, который он частенько по привычке приглаживал обеими руками»³⁸.

Во время заседания, на котором Ленин выступил с докладом и на котором была принята историческая резолюция о вооруженном восстании (против резолюции выступили и голосовали Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев), вокруг дома патрулировал... юнкер... Им был брат Г. К. Флаксерман, член партии большевиков с 1917 года — Ю. К. Флаксерман.

— Участие в охране этого заседания, — вспоминал он, — мне поручила Елена Дмитриевна Стасова. Днем я был в Кронштадте и не смог вернуться пораньше. Сестра Галина дождалась меня, когда уже стали приходиться люди. Всех угощали чаем. Следя за тем, чтобы самовар не остывал, я то и дело его разогревал и выходил на улицу. Моя форма юнкера являлась какой-то гарантией от проявления интереса к дому со стороны ищеек Керенского. Очень важно было, чтобы к моменту входа и выхода участников заседания их не видели дворники. Обычно они обязаны были обо всем «подозрительном» сообщать охране. Заседание затянулось далеко за полночь. Из квартиры выходили по двое.

Владимир Ильич был в парике, без усов и бороды. Ведь это был «Константин Петрович Иванов»...³⁹

С Лениным вышли Рахья и Дзержинский.

На улице моросил дождь. Феликс Эдмундович снял с себя брезентовый плащ и накинул его на плечи Владимиру Ильичу. Неподалеку от Карповки была квартира

* Э. А. Рахья в своих воспоминаниях писал, что на все собрания и заседания в канун Октября он сопровождал Ильича «в качестве его «телохранителя», «конвоира» (см.: Воспоминания о В. И. Ленине, т. 2, с. 432—433).

Эйно Абрамовича Рахья. Здесь Владимир Ильич переночевал, а утром в сопровождении Рахья отправился на квартиру М. В. Фофановой. Дождя уже не было, и плац Дзержинского был оставлен на квартире Рахья*.

Вечером 16 октября под руководством Ленина проходит расширенное заседание ЦК партии с представителями Петербургского комитета, Военной организации, Петроградского окружного комитета большевиков, большевистской фракции Петросовега профсоюзов, фабрично-заводских комитетов и некоторых других организаций. В повестке дня вопрос о вооруженном восстании. Подавляющее большинство выступавших поддержало резолюцию ЦК, принятую 10 октября.

Узнав от М. В. Фофановой, что по указанию Временного правительства разводят мосты через Неву, В. И. Ленин направил ее в город с запиской, испрашивая разрешение ЦК РСДРП(б) на приход в Смольный. Оберегая Ильича, ЦК партии не дал ему такого разрешения. В тот же день М. В. Фофанова отнесла в Выборгский райком Н. К. Крупской для ЦК письмо с требованием решительных действий против правительства Керенского. В этом историческом документе Владимира Ильича было написано: «Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно... История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять все»⁴⁰. Когда Маргарита Васильевна около одиннадцати часов вечера вернулась домой, она уже не застала Владимира Ильича. На столе была оставлена им записка: «Ушел туда, куда Вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич»⁴¹. Через многие годы вспоминая об этом в беседе с автором на своей московской квартире, Маргарита Васильевна испытывала глубокое волнение. «Совершенно не могу выразить свои переживания, когда я его не застала у себя», — призналась она.

С утра 5 июля до вечера 24 октября 1917 года, более 100 тревожных дней и ночей для партии, рабочего класса длилось подполье Ленина в «свободной» России.

* Лидия Петровна Парвайнен сообщила автору, что после смерти ее мужа в 1936 году она переслала плац Н. К. Крупской. Плац экспонируется в Центральном музее В. И. Ленина в Москве.

Путь из рабочего Выборгского района в штаб победоносной социалистической революции был сопряжен с большими опасностями. В. И. Ленин сопровождал Рахья. По его совету Ильич повязал щеку платком, как при зубной боли, надел старое пальто и «завалывшуюся кепку».

Миновав опасные районы города, такие, как Финляндский вокзал, где круглосуточно дежурили агенты контрразведки Временного правительства, Ленин и Рахья пробились на Литейный проспект, вышли на Шпалерную улицу (ныне улица Воинова), а оттуда двинулись к Смольному. Путь им преградил конный юнкерский патруль. Надо было предъявить пропуски, а их не было. Вместо настоящих пропусков в кармане Рахья были два грубо подделанных, с подчистками, пропуска, но зато и два заряженных револьвера. Прикинувшись подвыпившим гулякой, Рахья вступил в пререкания с юнкерами, доказывая им, что «никому не известно о том, что введены пропуска». Юнкера угрожали ему нагайками, требовали следовать за ними, а он категорически отказывался⁴². Перепалкой с патрулем воспользовался В. И. Ленин и скрылся в темноте. Вскоре юнкера отпустили Рахья. Около 9 часов вечера 24 октября 1917 года В. И. Ленин появился в Смольном, взяв в свои руки руководство вооруженным восстанием*.

* Елена Дмитриевна Стасова — в прошлом секретарь ЦК партии, говоря о великой заслуге партии, сумевшей в канун Октября уберечь народного вождя от грозивших ему опасностей, отдавала должное осторожности, находчивости, конспиративности профессиональных революционеров ленинской школы, и прежде всего самого Ленина.

— В переписке ЦК с местными организациями, — напомнила она, — редакция «Искры» именовалась «Нестор», «Иван», «Михаил»; нелегальная литература — «Меховое пальто», «Чай»; нелегальная типография — «Магазин»; типографское клише — «Совы», «Воробьи»; чемодан с двойным дном — «Журнал» и т. д. и т. п. Владимир Ильич задолго до революции во многих документах учил партию свято соблюдать конспирацию, вести дело «архиконспиративно» (см., например, его записку о подготовке VI Пражской Всероссийской партконференции). В 1906 году при поездках по Питеру он менял извозчиков, жил у разных лиц под фамилией доктора Вебера. В переписке Берлин называл Одессой, Кенигсберг — Варшавой, «Южный рабочий» — Женей, «Северный союз РСДРП» — Семеном Семеновичем. Свое письмо из Швейцарии в марте 1917 года с просьбой найти шведа, похожего на него (письмо Я. С. Ганецкому. — *И. З.*), Владимир Ильич монтировал в переплет книги... Конспиративность, умение как зеницу ока хранить партийную тайну — эти качества Ленина еще ищут своего исследователя, — подчеркнула Е. Д. Стасова. (*Архив автора.*)

ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Вряд ли кто-либо предполагал, что здание, в котором свыше 100 лет находилось «Воспитательное общество благородных девиц», или Смольный институт благородных девиц, навеки войдет в историю. В штабе Октябрьской революции проходил II Всероссийский съезд Советов, провозглашено свержение власти помещиков и капиталистов, создано первое в мире рабоче-крестьянское правительство во главе с великим Лениным.

После отъезда Советского правительства в Москву Владимир Ильич дважды — в 1919 и 1920 году — приезжал в Петроград и оба раза посещал Смольный.

В октябрьские дни в Смольном Ленин двое суток провел без сна и отдыха. После взятия Зимнего дворца и ареста министров Временного правительства Владимир Ильич поздно ночью 26 октября на несколько часов пошел отдохнуть в находившуюся неподалеку квартиру В. Д. Бонч-Бруевича, в доме № 5 по Херсонской улице.

На время пребывания здесь Ленина дом охраняли красногвардейцы во главе с эстонским большевиком Н. В. Сальмом*.

Поздно вечером 25 октября (7 ноября) 1917 года, вспоминал он, когда весь Петроград... был в руках восставшего пролетариата, в Рождественский райком партии поступило из Смольного секретное предписание выде-

* Сальм Николай Васильевич — член КПСС с августа 1917 года, рабочий Воскресенской электростанции в Петрограде, председатель завкома, в дальнейшем работал в Смольном.

лить наряд красногвардейцев для патрулирования Херсонской улицы. На этой улице в доме № 5 жил старый большевик Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич. Я его хорошо знал, неоднократно бывал у него на квартире. Работник райкома отозвал меня в сторонку и шепнул: «Пойдешь за старшего. Гляди в оба, туда может ночью прибыть товарищ Ленин...»

В помощь мне дали трех красногвардейцев. Рассовав по карманам патроны, тщательно осмотрев винтовки, мы вышли на улицу. Ночь была сырая, темная. Лишь кое-где мерцали фонари.

Херсонская словно вымерла, ни души. Но мы были настороже. Наискосок от дома № 5 находился бывший полицейский участок, и в последние дни там происходили какие-то загадочные сборища. Райком подозревал, что это сборища контрреволюционного отребья.

Наш маленький отряд разделился на две части. Я со своим напарником взял на себя Херсонскую улицу, а наши товарищи — прилегающие к ней переулки. Час за часом мы обходили свои районы. Около дома № 5 не останавливались, чтобы ненароком не привлечь к нему внимания...

В четвертом часу ночи выстрелы в центре города усилились.

Вскоре мы услышали рокот автомобильного мотора. В конце улицы показалась большая черная машина с горевшими вполнакала фарами. Мы поспешили ей навстречу. Не доезжая до углового дома, машина остановилась...

Среди приехавших Н. В. Сальм сразу узнал Ленина, так как несколько раз слушал его на митингах.

«Заметив направлявшихся к ним вооруженных людей, — продолжал эстонский большевик, — Владимир Ильич тихо, но так, что я расслышал, спросил у Бонч-Бруевича:

— Кто это?

Бонч-Бруевич, наклонившись к Владимиру Ильичу, что-то ответил. Я счел нужным доложить:

— Мы из Рождественского райкома партии...

Владимир Ильич понимающе кивнул и вместе с Бонч-Бруевичем вошел в дом № 5. Мы патрулировали до самого рассвета...»¹.

Как известно, Ленин только к рассвету лег спать: до этого он писал проект исторического Декрета о земле.

Воспоминания солдата. Хочется познакомить читателя и с воспоминаниями бывшего солдата царской армии, директора исторического музея в Каховке В. Я. Ушатского*. Они представляют большой интерес, не нуждаясь в комментариях. В них рассказывается о том, как беспартийному солдату довелось стать ходоком к Ленину, как охранялся Смольный в период II съезда Советов в Петрограде, колыбели революции.

«Октябрьская революция застала меня на Северо-Западном фронте, — пишет В. Я. Ушатский. — На митинге 16-го кавалерийского полка солдаты высказались за то, чтобы послать делегацию ходоков к Ленину и узнать из его уст правду. Комитетчики-эсеры старались отвергнуть это решение. Говорили, что и так ясна гибельность программы Ленина. Большевики поддержали солдат и их предложение. Встал вопрос: кого послать? От какой партии? Эсеры настаивали, что послать делегатов надо только от них, большевики, мол, и так знают программу Ленина. Большевики разоблачали эсеров, мотивируя тем, что эсеры нам правды не скажут и не передадут Ленину наши вопросы. Тогда решили послать беспартийных, независимых товарищей из числа солдат, которые были на фронте с начала войны.

Выбрали меня, Вольдемара Ушатского, и Ивана Петрова, то есть двух ходоков от полка, а от всей дивизии было избрано 16 человек. Я и Петров никогда на митингах не выступали, и эсеры не знали о нашем сочувствии большевикам, поэтому никто не сделал нам отвода. Среди офицеров шел разговор: «Пусть едут, все равно ничего по приезде не скажут, и мы их заключаем». Большевики, зная наше настроение, не возражали против нашей поездки.

Из-за плохой работы железной дороги ехали долго. Утром 23 октября 1917 года мы прибыли в Питер на Балтийский вокзал. От моряков узнали, что штаб большевиков находится в Смольном, узнали, как дойти до Смольного. Моряки посоветовали идти строем под командой, иначе караулы могут нас задержать, особенно эсеровские разъезды. Тем более если они увидят документ, говорящий о том, что мы идем к Ленину. Мои спутники выбрали меня старшим команды, и я повел их к Смольному. Мы шли стройно, в ногу, как старые солдаты, и

* Ушатский Вольдемар Янович — член КПСС с апреля 1918 года, участник штурма Зимнего дворца, сотрудник ВЧК.

юнкерские патрули не осмелились нас задержать, поскольку мы были с оружием, при полной боевой экипировке. Когда мы подошли к Смольному, нас остановили, проверили документы и, узнав, что мы к Ленину, без всяких возражений пропустили в Смольный».

В Смольный ходоки пришли 23 октября. В. И. Ленина там не было, Ф. Э. Дзержинский повел их к Я. М. Свердлову. Яков Михайлович внимательно выслушал солдат, которые сообщили, что они приехали для того, чтобы передать своим товарищам фронтовикам «живое слово Ленина».

— Товарища Ленина здесь пока нет. Временное правительство Керенского, отдало приказ о его аресте, и он находится в подполье, — сказал Свердлов.

— Мы поднимем весь фронт, всех солдат против Керенского и встанем на защиту товарища Ленина, — с возмущением ответили солдаты.

Получив от Дзержинского бумагу о размещении в Смольном, ходоки с Северо-Западного фронта поселились в одной из больших комнат на нижнем этаже здания. Здесь состоялась их встреча с товарищами с других фронтов. «Все они были настроены против Керенского, — пишет В. Я. Ушатский, — вооружены винтовками, гранатами, а кое-кто и саблями. В то время оружия из рук не выпускали. Попались и солдаты-однопольчане: после выздоровления они пришли сюда из госпиталя. Были и земляки-латыши. У всех было одно настроение: скорее покончить с Временным правительством и войной!»

На следующий день, 24 октября 1917 года, рано утром солдатам сказали, чтобы никто из них не расходился, что с ними будут говорить. Вскоре появились Я. М. Свердлов, Ф. Э. Дзержинский, Н. И. Подвойский. Они сказали, что собирается II съезд Советов и на съезде решится судьба мира, вопрос о земле и власти Советов.

— Вам, ходокам, придется подождать результатов решения съезда, и тогда вы обо всем расскажете своим товарищам на фронте, которые вас прислали.

Мы задали вопрос:

— А товарищ Ленин на съезде будет?

— Наверное, будет, без Владимира Ильича Ленина съезд не может быть полноценным, и вы, фронтовики-солдаты, должны обеспечить его охрану.

Мы ответили:

— Грудью встанем на его защиту, пусть только по-

пробуют его тронуть. Давайте нам задание, и мы пойдём его выполнять как солдаты революции; мы любой приказ товарища Лепина выполним во имя революции и во имя мира.

Ф. Э. Дзержинский добавил:

— Вас тут, фронтовиков, собралась довольно большая сила, все вы вооружены и имеете большой опыт войны, все вы, как и мы, недовольны Временным правительством. Мы предлагаем вам от имени товарища Ленина включиться в несение караулов по охране города в районе Смольного, обеспечить нормальную работу съезда Советов.

Вопрос был поставлен на голосование. Все единодушно проголосовали «за»².

Рассказывают красногвардейцы. Сто двадцать четыре дня находился в Смольном Владимир Ильич. В Смольном, штабе большевиков, великий Ленин, став у руля пролетарского государства, закладывал основы, фундамент Советской власти... Здесь принимались знаменитые ленинские декреты, в том числе Декрет о создании Красной Армии, постановление о создании ВЧК. В Смольном разрабатывались планы обороны Советского государства...

Нужно было обеспечить должную охрану Смольного, Ленина. Эту почетную и ответственную задачу сразу после победы Октября выполняли рабочие — участники Красной гвардии. Среди них был И. Ф. Еремеев*.

Когда штаб Красной гвардии Путиловского завода приступил к вооружению рабочих, Еремееву как бывшему пулеметчику старой армии было поручено организовать на заводе пулеметную дружину. Всего было отобрано 48 человек. Часть из этих людей во главе с И. Ф. Еремеевым была направлена на охрану Смольного.

— В ночь на 25 октября 1917 года в штабе Красной гвардии нашего Занарвского района, — рассказывал И. Ф. Еремеев, — мне вручили маршрут по затемненным улицам Петрограда. Мы ехали с выключенными фарами и чуть не столкнулись с патрулями Керенского. Когда мы подъехали к Смольному, то увидели его залитым электрическими огнями. У ворот разгрузились, расставив пулеметы в заранее приготовленных для них местах. У каждого пулемета было по два красногвардейца-пуле-

* Еремеев Иван Федорович — член КПСС с июня 1917 года, молотобоец Путиловского завода, принимал участие в охране VI съезда партии.

метчика. Для свободных от вахты пулеметчиков в Смольном отвели на втором этаже комнату, в которой находились красногвардейцы других районов. Никакой мебели в этой комнате не было, кроме висевшего на стене телефона. Красногвардейцы с винтовками в руках беседовали между собой, другие, обняв винтовку, спали тут же, на полу.

Мы немедленно, — продолжал И. Ф. Еремеев, — воспользовались телефоном и сообщили в штабы Красной гвардии района и Путиловского завода о благополучном прибытии в Смольный. Смольный, набитый в это время вооруженными красногвардейцами, революционными солдатами, кронштадтскими матросами и делегатами съезда Советов, гудел как пчелиный улей. Это было вечером, накануне штурма Зимнего дворца... Вскоре стало известно, что Ленин в Смольном. Это вселило в нас радость и уверенность, стало ясно, что, раз Ленин прибыл в Смольный, значит, победа над Временным правительством будет обеспечена. ЦК партии и ВРК очень беспокоились за жизнь В. И. Ленина, а многие с тревогой говорили, что как это он один, без должной охраны, пришел в Смольный, в то время когда на каждом шагу шныряли шпики Керенского.

В Смольном тоже могла возникнуть опасность для жизни В. И. Ленина, ведь там были и меньшевики, и эсеры, и представители других партий. В 2 часа утра 25 октября (7 ноября) дежурный по караулу направил меня в 10-ю комнату первого этажа Смольного. В комнате было три человека — Яков Михайлович Свердлов, Феликс Эдмундович Дзержинский (которого я уже знал со времени VI съезда партии) и Николай Ильич Подвойский. Они сидели за небольшим столом и о чем-то разговаривали. Я взял под козырек и доложил, что я начальник пулеметной дружины Путиловского завода, что прибыл в Смольный по вызову. Сидящий слева Дзержинский сказал, что ЦК партии и ВРК решили поручить боевой дружине путиловцев охрану Владимира Ильича Ленина, чтоб к нему без сопровождения членов ЦК партии и ВРК никого не пропускать.

Я внимательно слушал инструктаж, в котором участвовал и Свердлов. Для меня была ясной поставленная задача, о чем я тут же сказал, добавив, что встречал Ленина на Финляндском вокзале и хорошо понимаю ответственность и доверие, оказанное путиловцам.

После свержения Временного правительства Ленин

стал вызывать связных из районов, которые дежурили в Смольном и поддерживали связь с районами во время свержения буржуазного правительства. Меня тоже вызвали к Ленину, чтобы рассказать ему об участии в событиях путиловских рабочих. Я был малограмотным, недостаточно подготовленным для того, чтобы сделать дельный доклад. В уме я держал все, что хотел рассказать Ленину о путиловцах, но заученный мною рапорт мне не понадобился. Когда я зашел к Ленину, он усадил меня к своему письменному столу и стал сам расспрашивать меня...³

Среди других красногвардейцев, которым довелось охранять Смольный, был и П. А. Абразумов*. О своем вступлении в партию большевиков он заявил на митинге 18 апреля 1917 года, посвященном празднованию 1 Мая. На митинге, как отмечалось, выступал В. И. Ленин. Н. А. Абразумов после этого стал активным участником Октябрьской революции, одним из тех, кто штурмовал Зимний.

Утром 26 октября 1917 года его вызвали к коменданту Смольного П. Д. Малькову.

Павел Дмитриевич Мальков, стройный, по-военному подтянутый матрос в бескозырке с надписью на ленте «Диана», был немногословен. Объяснил, что нести службу в комендатуре Смольного могут только самые надежные, самые преданные революции люди.

— Товарищ Абразумов, — сказал комендант Смольного, — пойдете на пост к комнате № 67.

«Признаюсь, в тот момент, — вспоминает Абразумов, — у меня перехватило дыхание: комната № 67 — это же кабинет Владимира Ильича! И вот я на самом важном посту — у дверей комнаты № 67, что на третьем этаже Смольного.

В кабинет Ленина почти непрерывно заходят его ближайšie соратники, идут представители фабрик, заводов, чаще группами в два-три человека, крестьянские ходоки. Иногда через открытую дверь краем глаза вижу склоненную над столом фигуру Ильича, Ленин работает... Как хорошо, что он на посту, у руля нашего рабоче-крестьянского государства...

Вспоминая о прошлом, красногвардеец с Выборгской стороны как бы мимоходом замечает: «Вестибюль и ко-

* Абразумов Николай Алексеевич — член КПСС с мая 1917 года, солдат, затем рабочий в Петрограде.

ридоры Смольного словно растревоженный улей. И днем и ночью люди снуют туда и обратно. Попробуй разберись, кто свой, а кто враг. Тут глаз должен быть особенно зорким...»⁴

Рабочий-столяр Э. К. Звиргздинь*, один из красногвардейцев завода «Лоренц», снятый фотографом Петром Оцупом у кабинета № 67 в Смольном, вспоминал:

«Однажды нескольких красногвардейцев, в том числе Юргайтиса и меня, вызвал начальник караула.

— Почетное задание поручается вам — стоять на часах у кабинета Председателя Совнаркома Ленина, — сказал он.

С особым чувством какой-то душевной приподнятости, волнения шли мы в этот день в Смольный. Ведь нам доверяли охранять вождя революции, нам предстояло увидеть его совсем рядом, а быть может, и говорить с Владимиром Ильичем. С тем же чувством волнения заняли мы свой пост у дверей исторического кабинета № 67.

Прошло часа два, когда мы увидели Ильича, который шел по коридору. Подойдя к нам, он спросил:

— Вы не устали? Вот стулья. Почему бы вам не присесть?

— Что вы, Владимир Ильич, — смущенно ответил я. — Ведь мы часовые, нам сидеть не положено.

Ильич улыбнулся и вошел в кабинет⁵.

Приведем воспоминания Николая Романовича Дождикова, радиста царскосельской радиостанции, посещавшего в те незабываемые дни Смольный и передававшего в эфир первые ленинские декреты.

«...У дверей стояли два вооруженных красногвардейца.

— Здесь занимается товарищ Ленин? — спрашиваю я.

— А тебе на что? — в свою очередь, задает мне вопрос часовой.

— Нужно видеть по срочным делам, — отвечаю я.

— Здесь несрочных дел нет, все срочные. Что у тебя?

— Пакет с важными бумагами!

— Ну, сейчас товарищ Ленин читать твои бумаги не будет, нет времени, — резюмирует один из красногвардейцев. — Ты ведь знаешь, что происходит?

* Звиргздинь Эдуард Карлович вывозил задания латышской секции Петроградской организации РСДРП, участник: штурма Зимнего, гражданской войны.

— Знаю. Вот поэтому и пришел сюда.

— Ну так сдай свои бумаги кому-нибудь.

— Такие бумаги кому-нибудь не сдают, мне нужно передать их самому Ленину, — настаиваю я.

— А ты кто? Откуда?

— Вот с этого ты и начинал бы, — говорю я. — Я с главной российской радиостанции привез важные радиотелеграммы.

— Что-то не верится, по шинели ты на юнкера похож, — говорит красногвардеец.

— Ловко ты определяешь, — отвечаю часовому. — Ты, быть может, по усам и в генералы меня произведешь?

— Генералов тут нет, они в «Крестах» сидят, — сообщает мне часовой.

— А ты на шинель не гляди, ты вот пакет посмотри, — говорю я, раскрыв разносную книгу и показывая толстый пакет, опечатанный сургучными печатями. На конверте крупные надписи, напечатанные типографским шрифтом: «Совершенно секретно», «По военным обстоятельствам», «Весьма срочно», «Радиотелеграммы». Оба красногвардейца посмотрели на пакет и решительно сказали: «Проходи!»⁶

Н. Р. Дождиков, сын кузнеца, из рук В. И. Ленина получил для передачи по радио воззвание «К гражданам России»⁷.

II Всероссийский съезд Советов закончился в 5 часов 15 минут утра 27 октября (9 ноября) под пение «Интернационала» и возгласы «Да здравствует революция!», «Да здравствует социализм!».

После окончания заседания Владимир Ильич и Надежда Константиновна поехали на квартиру В. Д. Боч-Бруевича. С ними были Яков Михайлович Свердлов и Феликс Эдмундович Дзержинский.

27 октября 1917 года Владимир Ильич написал инструкцию под названием «Обязанности часового при Председателе Совета Народных Комиссаров». Вот ее текст:

«1. Не пропускать никого, кроме *Народных Комиссаров* (если вестовой не знает их в лицо, то должен требовать билеты, т. е. удостоверения от них).

2. От всех остальных требовать, чтобы они на бумаге записали свое имя и в двух словах цель визита. Эту записку вестовой должен передавать председателю и без его разрешения никого не пускать в комнату.

3. Когда в комнате никого нет, держать дверь приоткрытой, чтобы слышать телефонные звонки и приглашать кого-либо из секретарей к телефону.

4. Когда в комнате председателя кто-либо есть, — держать дверь всегда закрытой»⁸.

На следующий день, 28 октября, Ленин вместе с В. Д. Бонч-Бруевичем «лично осмотрел ту часть здания, где разместился Совет Народных Комиссаров. Владимир Ильич предложил коренным образом улучшить охрану Смольного...»⁹.

За перегородкой, отделявшей кабинет В. И. Ленина в Смольном, был телефонный коммутатор с дежурным телефонистом. Последний одновременно выполнял обязанности по охране Владимира Ильича. Личными его телефонистами посменно являлись красногвардейцы Трубочного завода: П. А. Половинкин, П. Д. Дмитриев, Н. В. Воробьев, Д. П. Ершов.

Н. П. Горбунов * в своих воспоминаниях «Как создавался в октябрьские дни рабочий аппарат Совета Народных Комиссаров» отмечал, что работники аппарата Совнаркома «наряду с секретарскими обязанностями выполняли и функции охраны Владимира Ильича»¹⁰.

В Смольном находились Центральный Исполнительный Комитет Советов, Совнарком, Петроградский Совет, Военно-революционный комитет. В охране Смольного принимали участие солдаты-пулеметчики. В частности, два пулемета стояли у окон секретариата Совнаркома. Из секретариата одна из дверей вела в кабинет В. И. Ленина. У входа в кабинет Ильича круглые сутки дежурили, как было сказано, красногвардейцы.

Н. К. Крупская вспоминала: «Работа Ильича шла в обстановке тогдашнего Смольного, всегда переполненного народом. Все туда тянулись. Смольный охраняли солдаты пулеметного полка. Этот пулеметный полк стоял летом 1917 года на Выборгской стороне и находился целиком под влиянием выборгских рабочих. 3 июля 1917 года пулеметный полк первым выступил и готов был ринуться в бой. Керенский решил примерно наказать восставших. Обезоруженных, их вывели на площадь и клеймили, как изменников. Пулеметчики еще крепче стали ненавидеть Временное правительство. В октябре они

* Горбунов Николай Петрович — член КПСС с 1917 года, с первых дней Октября был секретарем Совнаркома, а в последующие годы Управляющим делами СНК РСФСР (затем СНК СССР и Совета Труда и Оборона).

боролись за Советскую власть и затем взяли на себя охрану Смольного»¹¹.

Надежда Константиновна упомянула пулеметчика Желтышева, крестьянина Уфимской губернии, он был приставлен к Ильичу, которого очень любил, относился к нему с большой заботой, обслуживал его, носил обеды из столовой, «готов был за него идти в огонь и воду».

— В один из октябрьских дней, — вспоминал Желтышев, — меня вызвали к Ленину как старшего пулеметной команды. Я, конечно, был взволнован и с трепетом в сердце постучался в дверь его кабинета. Послышался голос: «Войдите».

Я вошел. Товарищ Ленин приветливо взглянул на меня и поздоровался со мной за руку. Я сбивчиво отрекомендовался. Посмотрев на меня, Ильич сказал, что требуется один человек для выполнения разных поручений. «Сумеете ли вы подобрать такого товарища?» — спросил Ленин. Я ответил, что постараюсь подобрать человека. Вернувшись, я рассказал о поручении Ленина. Мы посоветовались и решили, что среди нас нет такого товарища, который бы справился с этими обязанностями. На следующее утро я пошел с докладом к Ленину, чтобы доложить о нашем мнении. Не успел войти, как он сказал: «Здравствуйте, товарищ Желтышев, ну как, подобрали товарища?»

Я ответил, что среди нас нет товарища, который бы справился с такими обязанностями.

— Я считаю, что вы не правы, — ответил Владимир Ильич, — если уж вы не сумели подобрать товарища, то придется вам самому выполнять эти обязанности.

Неся службу в Смольном, я часто встречался с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной Крупской. Меня поражала неисчерпаемая энергия Ленина. В первые дни революции он почти совершенно не спал, но, несмотря на непрерывную работу, всегда был неизменно бодр и жизнерадостен.

Владимир Ильич был очень вежлив, предупредителен, внимателен к окружающим: бывало, утром встретишь его, и хочется первым поздороваться с ним, но не всегда это удавалось. Еще издали Владимир Ильич приветствовал: «Здравствуйте, товарищ Желтышев, как дела?» Огромная работоспособность Ленина удивляла всех, кто сталкивался с ним. Он часто забывал вовремя поесть, нередко бывало так: идет продолжительное заседание, в перерыве все стараются отдохнуть, походить по коридору

дору, а Ильич и во время перерыва не прекращал работу.

«Почему вы, Владимир Ильич, не отдыхаете?» — спросил я однажды. «Нет времени», — ответил он¹².

24 декабря 1917 года по настоянию ЦК Владимир Ильич на несколько дней выехал на отдых в санаторий «Халила» на Карельском перешейке (ныне санаторий «Сосновый бор»). Его сопровождали два красноармейца и Эйно Рахья.

А. М. Коллоштай (в то время пародный комиссар государственного призрения) вспоминала, что решено было ехать в простом вагоне. Вместе с Лениным были Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Владимир Ильич уселся возле окна, в самый угол, чтобы быть менее заметным. «Вся окружающая публика и понятия не имела, что едет Председатель Совета Народных Комиссаров, как обыкновенный пассажир второго класса»¹³.

Перерыв в работе составил всего четыре дня, в течение которых В. И. Ленин все больше работал, в частности написал статью «Как организовать соревнование»*.

После революции из Смольного были выселены все лица, не имевшие отношения к новой власти рабочих и крестьян: классные дамы, проживавшие на нижнем этаже, и даже... штаб женского ударного батальона. Кроме того, была реорганизована, вернее, заново создана комендатура Смольного. Введена новая, строгая система выдачи постоянных и временных пропусков. Список лиц,

* С поездкой на кратковременный отдых был связан характерный эпизод, о котором В. И. Ленин рассказал в докладе на III Всероссийском съезде Советов:

«Я позволю себе рассказать один происшедший со мной случай. Дело было в вагоне Финляндской железной дороги, где мне пришлось слышать разговор между несколькими финнами и одной старушкой. Я не мог принимать участия в разговоре, так как не знал финского языка, но ко мне обратился один финн и сказал: «Знаете, какую оригинальную вещь сказала эта старуха? Она сказала: теперь не надо бояться человека с ружьем. Когда я была в лесу, мне встретился человек с ружьем, и вместо того, чтобы отнять у меня мой хворост, он еще прибавил мне».

Когда я это услышал, я сказал себе: пускай сотни газет, как бы они там ни назывались — социалистические, почти социалистические и пр., пускай сотни чрезвычайно громких голосов кричат нам: «диктаторы», «насилыники» и т. п. слова. Мы знаем, что в народных массах поднимается теперь другой голос; они говорят себе: теперь не надо бояться человека с ружьем, потому что он защищает трудящихся и будет беспощаден в подавлении господства эксплуататоров» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 269).

имеющих право заказывать пропуск в Смольный, был сведен к минимуму.

По инициативе ЦК партии и правительства проводились другие меры по усилению охраны Смольного. Для того чтобы попасть в кабинет Ленина, надо было пройти несколько внутренних караулов. Однако все это не гарантировало от беды. В Смольный к Ленину устремлялся нескончаемый поток делегаций и отдельных ходяков.

Естественным было чувство волнения, громадной ответственности при пропуске людей к Владимиру Ильичу.

Об одном случае, который мог иметь губительные последствия, рассказала М. Н. Скрыпник*.

Случай в декабре. Этот случай относится к декабрю 1917 года. В приемной Совнаркома к Скрыпник подошел молодой человек в студенческой форме, сказал, что ему надо пройти к Ленину. Студент добавил, что он уже был у Владимира Ильича с письмом от Артема (Сергеева) и что Ленин просил снова прийти в семь часов вечера.

Мария Николаевна зашла к Ленину и доложила о пришедшем студенте. Владимир Ильич выразил удивление.

— Я его не просил ко мне приходиться. Действительно, он привозил письмо от Артема, — сказал Ленин.

Владимир Ильич тут же добавил, что студент голодает, что ему надо помочь денежным пособием и выдать на руки письмо в Наркомпрод.

М. Н. Скрыпник поспешила выполнить указание Ленина, но студент отказался получить пособие. Взяв рекомендательное письмо в Наркомпрод, он оставил приемную Ленина, но вскоре снова в ней появился. Он стал настаивать на том, чтобы его пропустили к Ленину, которого он плохо рассмотрел. Студент еще ранее произвел на М. Н. Скрыпник неприятное впечатление, вызвав у нее тревогу. При его новом появлении она обратила внимание на то, что он странно держал руку на борту своего пальто. Между тем студент бесцеремонно стал настаивать на своем и, усевшись на стул, устремил взгляд на дверь кабинета Ленина.

М. Н. Скрыпник дала знак дежурному матросу, и навязчивый посетитель был выведен из приемной.

«...Оказывается, этот студент, после того как его вы-

* Скрыпник Мария Николаевна — член КПСС с 1905 года, в 1917 году — член Рождественского райкома РСДРП(б) в Петрограде, один из секретарей Совнаркома в Смольном.

проводили из Смольного, остановился у подъезда и пристально всматривался в людей, садящихся в автомобили. На это обратил внимание стоящий в карауле латышский стрелок и направился к нему. В это время студент заложил руку за борт пальто, где у него было скрыто оружие, и раздался выстрел. Он тотчас же был задержан охраной.

Я разъяснила Бонч-Бруевичу, что дала студенту рекомендацию по поручению Ленина. Однако Бонч-Бруевич упорно продолжал вертеть перед моими глазами злополучной бумажкой, упрекая меня в неосмотрительности. Что же все это значило по сравнению с тем, что студент не был вторично допущен к Ленину и опасность миновала! Упреки Бонч-Бруевича мне казались неуместны, несправедливы и вызвали у меня обиду. Я решила рассказать об этом Ленину. К тому же мне хотелось в эти минуты своими глазами увидеть его невредимым. Было совершенно невозможно удержаться, чтобы не посмотреть на Ленина в этот вечер.

— Правда, он произвел на меня страшное впечатление, — сказал Владимир Ильич о студенте, — когда я говорил с ним, он вдруг встал, побледнел и зашатался. Я подумал, что он голоден, и предложил ему пособие и работу. Он дико на меня посмотрел и вышел. Мне и в голову не могло прийти, что тут что-то пеладное... По-видимому, он в первый раз не решился и пришел вторично, — добавил Ленин после небольшой паузы...»¹⁴

О происшедшем М. Н. Скрышник, по ее словам, сообщила Ф. Э. Дзержинскому, который лично занимался этим делом.

— Феликс Эдмундович сказал мне, что студент оказался психически больным. Но я не поверила этому. Дзержинский, думаю, попросту хотел всех нас успокоить¹⁵.

Артем действительно передал через студента письмо Ленину, но потом очень сожалел об этом.

В. И. Ленину еще не раз угрожала опасность. Писатель И. Вольный записал рассказ солдата-эсера тяжелого артиллерийского дивизиона, направленного в Смольный для разговора с Лениным.

По своим документам солдат был пропущен в Смольный, имея при себе две шершаво-круглые «японские» гранаты. Солдат, разговаривая с Лениным, держал руку в кармане, где лежала граната. Беседовал Ильич с ним больше часа и очень сердился, если кто-то мешал им. Вначале солдат, по собственному признанию, раздумывал:

«Сейчас стукнуть гранатой об стол или подождать?», но потом увлекся разговором, правдой ленинских слов. Как дым, рассеялось все, о чем нашептывали ему противники большевиков. Впрочем, предоставим слово самому солдату: «Говорил он очень просто... Если бы он хоть одно злое слово, я бы... Мы бы оба взлетели... А он говорил вроде товарищ с товарищем... И я поверил ему всей душой, что разогнать Учредительное собрание необходимо... И ушел с радостью в сердце... А вышел, прошел, подумал: а как же товарищи? Разве поверят, что он доказал мне? «Струсил, — скажут, — сволочь, только дело испортил...» А я теперь на всю жизнь думаю: не струсил и дела не испортил...»¹⁶

Из протоколов ВРК. В протоколе вечернего заседания Военно-революционного комитета 12 ноября 1917 года есть такая запись:

«Тов. Бонч-Бруевич вручил Военно-революционному комитету письмо Онухиной, в котором говорилось, что тов. Ленину угрожает покушение со стороны контрреволюционеров. Письмо было передано Следственной Комиссии»¹⁷.

Эти опасения имели под собой основания, поскольку контрреволюционеры не оставили без внимания Смольный. Ярый монархист, вожак «Союза русского народа», Пуришкевич в письме мятежному генералу Каледину писал: «Необходимо... ударить в тыл и уничтожить их беспощадно: вешать и расстреливать публично в пример другим. Надо начать со Смольного».

Были приняты дополнительные меры к тому, чтобы укрепить безопасность Смольного. Для этой цели, в частности, с минного заградителя «Амур» были выделены балтийские моряки. По воспоминаниям члена КПСС с апреля 1917 года И. С. Кобозева, «не было тогда ни одного матроса, который бы не стремился охранять Ленина».

Вопрос об охране Смольного обсуждался и на заседании правительства. Вот, например, выписка из протокола заседания Совета Народных Комиссаров от 20 ноября 1917 года.

«...СЛУШАЛИ: Вопрос об охране Смольного в связи с новыми предосторожностями и угрозами.

7. ПОСТАНОВИЛИ: Передать этот вопрос в Военно-революционный комитет. Поручить Антонову и Дыбенко в Военно-революционном комитете следить за прохождением этого вопроса там.

Завтра, 21.XI, представить соответствующий доклад...»

На вечернем заседании ВРК 22 ноября в связи с протестом делегации служащих против инструкции об очистке Смольного от нежелательных элементов, без участия самих работников Смольного, Ф. Э. Дзержинский сделал следующее заявление:

— ВРК нашел необходимым устроить проверку не только служащих, но и вообще лиц, имеющих прямое или косвенное отношение к Смольному, поэтому не может быть предоставлено комиссии от служащих право самим произвести эту работу¹⁸.

Джон Рид в книге «10 дней, которые потрясли мир» свидетельствует, что после реорганизации охраны Смольного «попасть туда было уже нелегко», цвет бумаги пропусков менялся в сутки несколько раз.

Латышские стрелки. В обеспечении безопасности В. И. Ленина большую роль сыграли красные латышские стрелки.

История латышского пролетариата богата славными революционными традициями. Уже в первой русской революции под руководством латышской социал-демократической партии он показал образцы героизма и самоотверженности в борьбе с царизмом.

После Февральской буржуазно-демократической революции объединенный съезд латышских стрелков (12—17 мая 1917 г.) принял резолюцию против Временного правительства Керенского и поддерживавших его соглашательских партий меньшевиков и эсеров. Резолюция заканчивалась словами: «Вся власть Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов». Съездом было послано приветствие В. И. Ленину, «испытанному вождю революционной борьбы»¹⁹.

По образному выражению соратника Ленина Петра Ивановича Стучки, в борьбе за Советскую власть, в защите революции латышские стрелки стояли непоколебимо, как скала.

Отважные, бесконечно преданные революции, латышские стрелки образцово охраняли Смольный, а затем и Кремль. Велика была роль в этом исполнительного комитета объединенного Совета депутатов латышских стрелковых полков (Исколастрел). По его указаниям для охраны Смольного латышские полки выделили лучших из лучших стрелков, смелых и мужественных солдат революции. По воспоминаниям латышского стрелка К. Ренцберга, в дни Октября он находился в Цесисе,

в 3-м Курземском латышском стрелковом полку. Полк охранял город и вокзал, чтобы не дать возможности контрреволюционным силам двинуться на Петроград в помощь Временному правительству Керенского.

В Смольный латышские стрелки прибыли во главе с К. А. Петерсоном*.

Бесконечно дороги нам воспоминания рядовых латышских стрелков.

Я. П. Калнин** в письме, датированном декабрем 1972 года, писал: «Для меня по-настоящему началась счастливая жизнь 17 мая 1917 года. В этот день на II съезде латышских стрелков принималось решение о том, что мы идем с Лениным, с ленинской партией. В этот день я первый раз проголосовал за Ленина и определил свой жизненный путь — навсегда с Лениным. 3 июня 1917 года я получил билет члена ленинской партии, или, вернее, путевку на всю жизнь. Меня зачислили в сводную роту красных латышских стрелков, которой была доверена охрана первого Советского правительства и Владимира Ильича.

26 ноября 1917 года наша рота прибыла в Смольный, разместилась на втором этаже. Живя в Смольном, почти рядом с Лениным, мы словно чувствовали его дыхание. Все мы знали, что Владимир Ильич отдает все свои силы Советской власти»²⁰.

В упомянутом письме Я. П. Калнина есть такие строки, воспроизведенные на обложке книги:

«Находиться рядом с Лениным, охранять его, учиться у него работать, жить и побеждать — в этом заключается счастье».

А. Я. Шубин***, также стоявший на посту у кабинета В. И. Ленина, вспоминал: «Нам было приказано пропускать по удостоверениям только народных комиссаров — членов правительства. Вот подошли три наркома, у одного из них не было с собой удостоверения, и я отказался его пропустить. В это время к нам приблизился еще

* Петерсон Карл Андреевич — член КПСС с 1898 года, в 1917 году — член ВРК, делегат II Всероссийского съезда Советов, член ВЦИК.

** Калнин Ян Петрович — член КПСС с июня 1917 года, конный разведчик царской армии, делегат II съезда латышских стрелков в мае 1917 года, участник Великой Отечественной войны.

*** Шубин Арнольд Янович — член КПСС с сентября 1917 года, рабочий, участник гражданской войны, в дальнейшем педагог.

один человек. Я узнал в нем Владимира Ильича Ленина. Он назвал всех трех наркомов и сказал: «Прошу пропустить...» Шло время. Мы еще ближе узнали и полюбили Ильича. А не любить его было нельзя...»²¹

Также состоявший в составе сводной роты латышских стрелков, охранявших Смольный, Э. Э. Смилга * подчеркивал нечеловеческую загрузку Ленина, который «никогда не показывал, что устал или чем-то огорчен».

«Мы всегда видели его, — продолжал Э. Э. Смилга, — внешне спокойным, уравновешенным. Обращался Ленин со всеми одинаково, но разговаривал по-разному. Он умел поговорить и с неграмотным человеком, и с ученым. И его все хорошо понимали. Очень заботился Ленин о нас, солдатах. Помню, как он несколько раз приходил проверять пищу, которую готовили для нас. Однажды Владимиру Ильичу не понравился обед, он тут же дал распоряжение приготовить его более качественно. Ленин иногда заходил к нам в общежитие, интересовался, как мы живем...»²²

Петр Петрович Плесумс в партию большевиков вступил вскоре после Февральской революции 1917 года, когда был стрелком латышского запасного полка. Вместе с другими латышскими стрелками получил почетное и ответственное задание по охране Смольного. «С ноября 1917 года по март 1918 года, — вспоминал он, — я видел Ленина почти каждый день. Помещение в Смольном, где разместились охрана, находилось напротив комнаты Ленина. Нас всех поражала необыкновенная работоспособность Владимира Ильича. Уходил он из Смольного очень поздно, иногда в 3—4 часа ночи, а в 10 часов утра уже опять был за работой»²³.

К. Ренцберг в своих воспоминаниях «Как мы охраняли Смольный» писал, что латыши отвечали за безопасность всего Смольного, «начиная с кабинета В. И. Ленина и кончая всеми наружными и караульными постами»²⁴.

В середине декабря 1917 года В. И. Ленин принял П. Д. Малькова ** и А. О. Лаицена — члена комиссии по внутренней охране Смольного (он был избран сводной

* Смилга Эдуард Эдуардович — член КПСС с 1943 года, участник гражданской и Великой Отечественной войн.

** Мальков Павел Дмитриевич — член КПСС с 1904 года, матрос, член Центробалта, с октября 1917 года — комендант Смольного, с марта 1918 года — комендант Кремля, в дальнейшем на хозяйственной работе.

«Дом-корабль»
на ул. Широкой,
в котором в апреле — мае
1917 года на квартире
Елизаровых жили
В. И. Ленин и Н. К. Крупская.

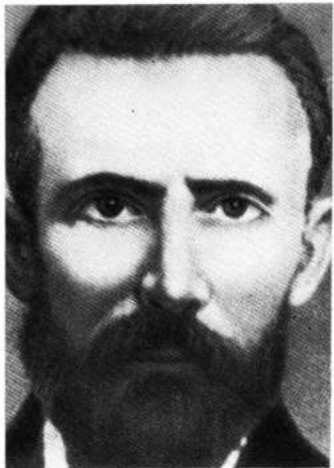

Особняк Кшесинской,
в котором располагался
ЦК РСДРП(б).

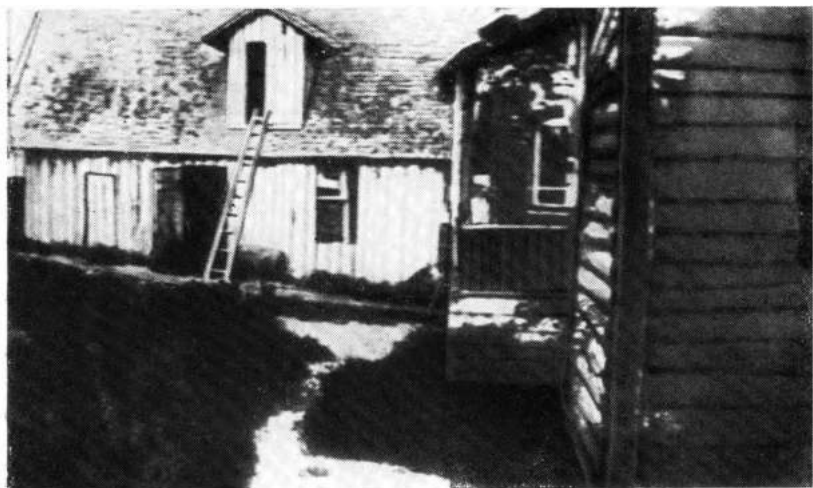
Я. М. Свердлов.

Е. Д. Стасова.

Ф. Э. Дзержинский
М. В. Фофанова.

Н. И. Подвойский.
С. Я. Аллилуев.

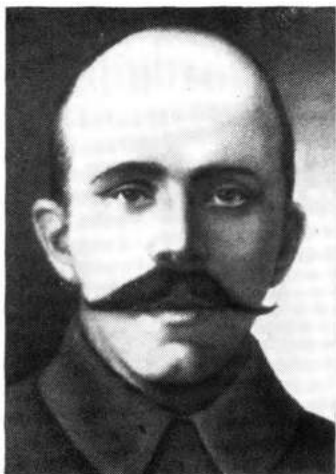
Здесь, на квартире
Н. А. Емельянова,
скрывался от ищек
Временного правительства
В. И. Ленин.

Н. А. Емельянов.

В. И. Ленин в парике.
Разлив, 29 июля 1917 г.

Удостоверение В. И. Ленина
на имя Константина
Петровича Иванова.

Э. А. Рахья.

А. П. Токарева.

А. В. Шотман.

Г. Э. Ялава.

Л. П. Парвипейнен.

Паровоз № 293,
на котором В. И. Ленин
под видом кочегара был
переправлен через
русско-финляндскую границу.

Дом К. Вийка в Мальми,
в котором в августе
1917 года жил В. И. Ленин.

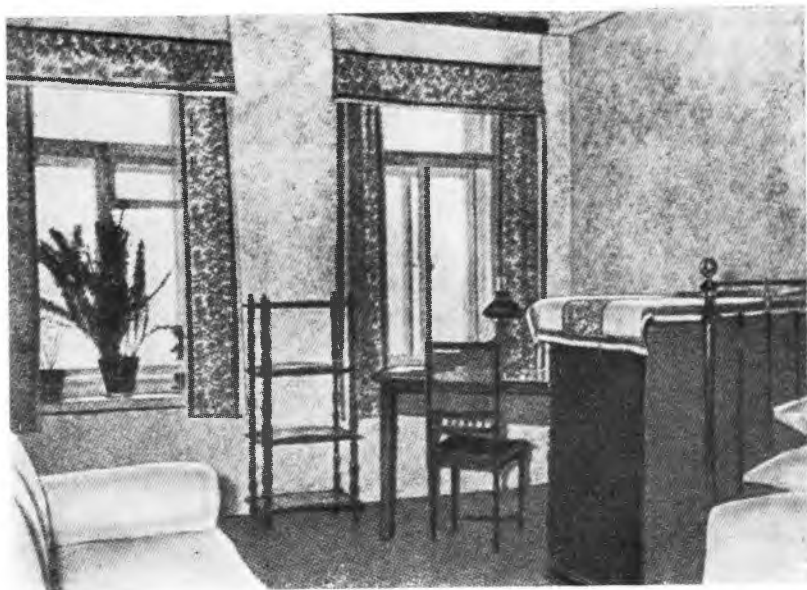
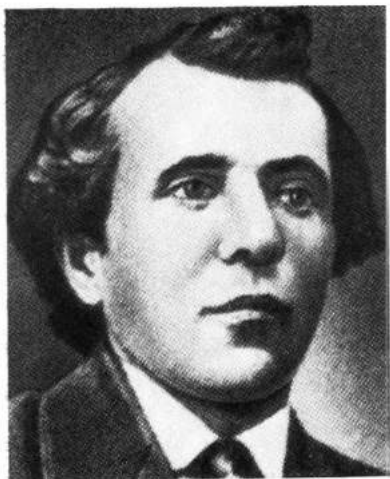
К. Вийк.

К. Куусела.

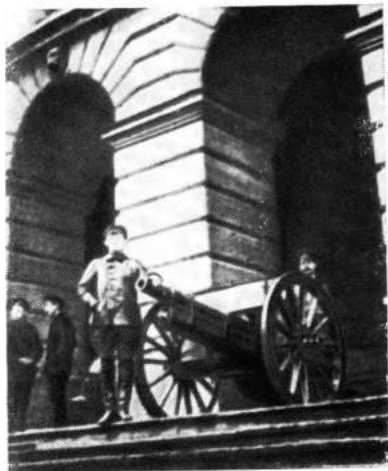
Г. Ровио.

Гельсингфорс,
Хагнесская площадь, д. 1.
На пятом этаже этого
дома в квартире Г. Ровио
скрывался В. И. Ленин.

В. И. Певский.
Ф. Платтен.

Дом по Невскому, 17.—
последняя конспиративная
квартира Ильича. Отсюда,
из квартиры М. В. Фофановой,
В. И. Ленин ушел в Смольный.

У входа в Смольный.
Февраль, 1918 г.

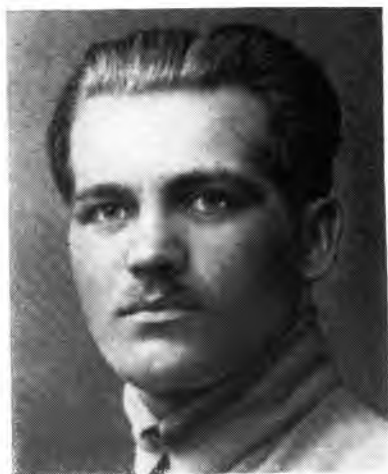
Н. П. Богданов.

В. В. Тржасковский.

С. П. Желтышев.

Красногвардейцы на посту
у кабинета В. И. Ленина
в Смольном.
Слева — Э. И. Юргайтис.
Справа —
Э. К. Звиргздыньш.

В. Я. Ушатский.
П. Н. Пташинский.

А. А. Безайс.
К. А. Дунд.

В. И. Ленин после ранения
на заседании Совета
Народных Комиссаров
в Кремле, Москва.
17 октября 1918 г.

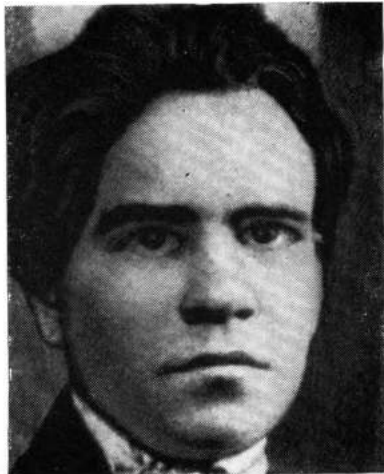
Медицинский бюллетень
о выздоровлении В. И. Ленина
после ранения и приписка
Владимира Ильича на нем.

С. К. Гиль.

Р. М. Габалин.

Н. М. Есян.

В. И. Ленин и Я. М. Свердлов
на открытии памятника
К. Марксу и Ф. Энгельсу.
Москва, 7 ноября 1918 г.

Я. П. Калинин.
Я. Х. Петерс.

ротой латышских стрелков). Беседа касалась организации охраны Смольного.

Необходимость новых мер диктовалась обстановкой. ВЧК раскрыла антисоветскую организацию «Военная лига». Это совпало со следствием по делу Пуришкевича (23—28 декабря 1917 г.). Монархическая организация (в нее входили князь Мансыров, генерал Скалоп и др.) имела связь с калединцами, а также английским, американским и французским посольствами... Следствие вел Ф. Э. Дзержинский²⁵.

«В столовой». Так озаглавил свои интересные воспоминания бывший член Петросовета, адъютант коменданта Таврического дворца в Петрограде в 1917 году Алеев Юрий Александрович. Вот их текст: «В один из дней конца 1917 года Владимира Ильича Ленина на обычном его рабочем месте не оказалось. И каждый, кто заходил в кабинет, с тревогой спрашивал сотрудников Совнаркома: «Где Ленин? Не видели ли Владимира Ильича?» И слышал в ответ: «Не видел. Не знаю».

Комендант Смольного тов. Мальков П. Д. сбился с ног, разыскивая Владимира Ильича. Всем было понятно его волнение. Дежурия в этот день по Смольному и проходя с этажа на этаж, я решил заглянуть в столовую. И здесь увидел Владимира Ильича. Ленин не разрешал, чтобы для него готовили отдельно. Он ел то же, что и служащие Смольного и его охрана.

Был обеденный перерыв. В зале столовой выстроилась длинная очередь красногвардейцев, солдат, матросов из охраны, сотрудников Смольного. А в стороне от нее в углу возле печки стоял товарищ Ленин и оживленно беседовал с двумя солдатами с фронта, которые, усиленно дымя закрутками, опираясь на винтовки, перебывая друг друга, отвечали на вопросы Ленина.

Я подошел к Ильичу: «Товарищ Ленин, а вас все разыскивают». Несколько смутившись, Владимир Ильич, как бы оправдываясь, сказал, что он стоит в очереди за обедом и скоро будет у себя...

Я невольно задал вопрос: «А где ваша очередь?» Владимир Ильич засуетился и ткнул пальцем в сторону одного матроса, стоявшего в очереди. Я улыбнулся: впереди матроса было не менее ста человек. Я настойчиво попросил Ленина оставить очередь и подняться к себе в кабинет, куда ему принесут обед и чай. «Нет, нет, я буду, как и все, стоять в очереди», — запротестовал Владимир Ильич. Наконец он сдался, и, быстро попрощавшись с сол-

датами, пошел к себе. Я вслед за ним. В кабинете мы застали взволнованных товарищей Свердлова и Дзержинского, а также совершенно растерявшегося Малькова. Все они в один голос начали «отчитывать» Ильича за уход, который поднял на ноги весь Смольный.

— Ну разве это плохо, что я занял очередь? Я такой же человек, как и все.

— Нет, дорогой Владимир Ильич, стоять в очереди мы вам не позволим, — решительно заявил товарищ Дзержинский, — все, что вам нужно, доставит товарищ Мальков.

Я взглянул на Ленина, который продолжал ходить по комнате. И на его прекрасном лице уловил хитринку, говорящую: «Что вы там ни говорите, а я поступил как и каждый человек». Но, чтобы поскорее успокоить Дзержинского и Свердлова, Ильич с виноватым видом сказал:

— Ну что ж, подчиняюсь вашему распоряжению.

Все заулыбались, а Феликс Эдмундович дал указание коменданту т. Малькову в дальнейшем не пускать Владимира Ильича из кабинета в столовую...»²⁶.

Архивы хранят трогательные документы о фактах глубокого уважения и любви к Ленину. В письмах на имя Владимира Ильича рабочие и солдаты призывали его беречь себя, не переутомляться, хорошо питаться.

Мария Николаевна Скрипник и другой работник секретариата Совнаркома Елизавета Константиновна Кокшарова привели такой факт. Во время приема В. И. Лениным очередных ходяков-крестьян один из них вынул из котомки каравай хлеба и, передавая Ильичу, сказал:

— Хлебом-то вы нуждаетесь здесь.

— У меня и времени не хватит, чтобы все это съесть, — пошутил Владимир Ильич²⁷.

Для защиты завоеваний Октябрьской революции по инициативе В. И. Ленина 20 декабря 1917 была создана ВЧК — Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, саботажем во главе с Ф. Э. Дзержинским. Одно из первых дел ВЧК — раскрытие в Петрограде крупной контрреволюционной организации. В нее входили «Белый крест», «Военная лига», «Союз белого орла», «Лига личного примера». Они ставили своей задачей захват Смольного, убийство Ленина.

С созданием ВЧК охрана Владимира Ильича и других членов правительства заметно улучшилась. Раскрывая контрреволюционные заговоры, чекисты срывали планы

покушения на Ленина еще до того, как инициаторы приступали к их осуществлению. В этой работе чекистам помогали все честные люди. Так, один из контрреволюционеров, правый эсер, член «Комитета георгиевских кавалеров», пытался уговорить молодого солдата убить Ленина, а тот явился в ВЧК...

Первое покушение. 1 января 1918 года около 19 часов 30 минут вечера в Петрограде на В. И. Ленина было совершено покушение.

Владимир Ильич в автомашине возвращался в Смольный с митинга в Михайловском манеже (Манежная ул., д. 6). Там он выступал с речью перед отрядом новой, социалистической армии, отправлявшимся на Западный фронт.

Рядом с шофером сидела сестра Ленина — Марья Ильинична, а за заднем сиденье автомашины, отделенном от водителя стеклянной перегородкой, были Владимир Ильичи швейцарский социалист Ф. Платтен*.

Когда автомобиль съезжал по Симеоновскому мосту (ныне мост Белинского) через реку Фонтанку, раздались выстрелы. Кузов автомобиля в нескольких местах оказался продырявленным, некоторые из пуль пробили переднее стекло.

О первом покушении на В. И. Ленина Марья Ильинична Ульянова вспоминала: «Выйдя после митинга из Манежа, мы сели в закрытый автомобиль и поехали в Смольный. Но не успели мы отъехать и нескольких десятков саженей, как сзади в кузов автомобиля как горох посыпались ружейные пули. «Стреляют», — сказала я. Это подтвердил и Платтен, который первым долгом схватил голову Владимира Ильича (они сидели сзади) и отвел ее в сторону...»²⁸.

Швейцарский революционер, который прикрыл собой Ильича и спас его, много позже рассказывал, что в ответ на упреки, что Ленин подвергает себя опасности, тот ему заявил: «В настоящее время ни один большевик в России не может уклониться от опасности»²⁹.

Посетивший в это тревожное время Смольный видный деятель рабочего движения Эгgede-Ниссен Адам вспоминал: «Времени — два часа ночи. Только возвратился из Смольного, где встречался с Лениным. Он не казал-

* Платтен Фриц — в революционном движении с 1904 года, участник первой русской революции в Латвии, организатор переезда политэмигрантов во главе с В. И. Лениным в Россию в 1917 году.

ся взволнованным после покушения, которому недавно подвергся. Было произведено четыре выстрела — по крайней мере один из них попал в машину и задел швейцарского товарища Платтена, который сидел с Лениным. «Это покушение показывает, что власть Ленина непрочна», — говорили враги.

Ленин со своей стороны сказал мне, пригласив к чаю в скромной столовой Смольного, что внутреннее положение правительства очень хорошее...»³⁰.

Итак, не прошло и двух месяцев после победоносной социалистической революции, как жизнь В. И. Ленина могла оборваться.

Накануне покушения правозэсеровские газеты «Дело народа» и «Набат» открыто призывали к «решительным действиям», «к физическим методам борьбы». На следующий день после покушения «Дело народа» заявило, что речь идет об... «инсценировке» покушения.

Буржуазная печать — она существовала легально — с первых же дней Октябрьской революции вела разнужданную травлю большевиков и ее вождя.

В ходе следствия было установлено, что существовала офицерская террористическая группа, которая ставила своей задачей похитить Ленина, держать заложником, а если это не удастся — убить его.

Повторяю, только счастливая случайность спасла Владимира Ильича. Громадную роль сыграло и то, что шофер Т. И. Гороховик* не растерялся, дал полный газ и быстро свернул в переулок. Это спутало планы террористов — об этом они говорили на следствии. Они надеялись на то, что автомобиль сразу остановится и, если Ленин будет невредим, попытка его убить будет повторена.

Следствие по делу о покушении на жизнь В. И. Ленина привело в гостиницу «Астория», где тогда проживали многие офицеры. Уже 2 января 1918 года по ордеру, подписанному Дзержинским и Ксенофонтовым, в гостинице был произведен обыск и задержан ряд лиц. Допрашивавший вечером 2 января драгунского поручика Штырева К. Е. Ворошилов вспоминал, что арестованный офицер был агентом французской разведки, поручившей ему слежку за Лениным. Арест и показания Штырева привели к непосредственным участникам покушения.

* Гороховик Тарас Митрофанович — из крестьян бывшего Клиновского уезда Гомельской губернии, участник гражданской войны.

По окончании следствия все они обратились к В. И. Ленину с просьбой направить их на фронт. Владимир Ильич удовлетворил просьбу. Дело было прекращено, арестованные освобождены и посланы на фронт³¹.

По свидетельству работников Смольного, Владимир Ильич не обращал внимания на предупреждения товарищей и предпочитал обходиться без всякой охраны. Весьма характерным было отношение Ленина к своей безопасности в период Учредительного собрания. Несмотря на то что большинство его участников не скрывало своей враждебности по отношению к Советской власти, Владимир Ильич свободно прогуливался по Таврическому дворцу.

Большевики, однако, своевременно позаботились о безопасности Ильича: охрану дворца осуществляли моряки-балтийцы с крейсера «Аврора» и бронепоезда «Республика» во главе с Анатолием Железняковым.

В период работы Учредительного собрания военная организация правых эсеров готовила антисоветское вооруженное восстание. В ответ на это Советское правительство приняло контрмеры. Петроград был объявлен на осадном положении; назначены Чрезвычайная комиссия по охране города и военный штаб. В него вошли Я. М. Свердлов, Н. И. Подвойский и др.

Сохранилось чрезвычайно мало снимков Ленина в эти первые дни и месяцы Советской власти. И неудивительно — Ильич всячески избегал подобных «мероприятий». Впервые главу первого в мире рабоче-крестьянского правительства удалось сфотографировать в Смольном в январе 1918 года. Сделаны были эти исторические снимки М. С. Наппельбаумом. По воспоминаниям фотографа, он имел самые смутные представления о большевиках и о Ленине и когда впервые увидел его, был поражен, с каким вниманием слушал Владимир Ильич двух рабочих в своей приемной. «Я был бы не точен, — отмечал М. С. Наппельбаум, — если бы сказал, что Ленин произвел на меня впечатление доброго человека. Под словом «доброе» подразумевается такая благодать, милосердие. Решительно ничего от милосердия нельзя было найти в лице Ленина. Но оно покоряло своей человечностью. В выражении его лица, в каждом жесте, в том, как он разговаривал с рабочими, со своими сотрудниками, как смотрел на них, как слушал, в брошенном на них взгляде — во всем чувствовалось неподдельное глубокое уважение к человеку. Ни малейшего оттенка своего

превосходства, ни капли нарочитой простоты, фамильярности. С кем бы он ни говорил, он разговаривал как с равным, полный самого серьезного внимания и интереса к словам, мыслям, взглядам и нуждам собеседника»³².

Переезд в новую столицу. 26 февраля 1918 года В. И. Ленин в Смольном, председательствуя на заседании Совета Народных Комиссаров, пишет проект постановления о переезде Советского правительства в Москву. Переезд был вызван реальной угрозой Петрограду со стороны наступавших немцев и тем, что Москва географически лучше связана со всей страной.

В первых числах марта Председатель ВЦИК Яков Михайлович Свердлов вызвал к себе коменданта Смольного П. Д. Малькова и сообщил, что он назначается комендантом поезда.

— Учтите, в поезде Совнаркома поедет Владимир Ильич, — сказал Яков Михайлович. — О безопасности Ильича в пути надо особо побеспокоиться.

Решение о переезде Советского правительства во главе с В. И. Лениным в Москву обязывало принять все меры предосторожности против возможных неожиданностей.

9 марта 1918 года П. Д. Мальков получил приказ Управления делами Совнаркома, в котором было сказано: «Охранять весь поезд вместе с паровозом, на тендере которого должен быть поставлен караул. Кругом поезда все подходы к нему должны охраняться. Никто из посторонних не должен быть допускаяем в поезд... С этим поездом поедет 100 человек латышей, которые должны будут нести охрану поезда во время движения...»³³.

Один из латышских стрелков, выделенных для охраны поезда, Э. Э. Смилга (состоял в охране Смольного и Кремля), в своих воспоминаниях приводит примечательный эпизод: «Случай этот произошел с одним из самых молодых наших бойцов — 17-летним Юлием Соловьевым. Мне не раз приходилось стоять с ним на посту и учить его нести службу. Несмотря на молодость, он был смелым и старательным.

Когда 10 марта мы с Юлием заступили на пост у двери кабинета Ленина, сборы к отъезду были в полном разгаре. Вокруг все спешили, собираясь в дорогу. Сосредоточенно работал в своем кабинете лишь Владимир Ильич.

Пришла и нам пора собираться. Получив приказание коменданта Малькова смениться с поста и собираться в

дорогу — в Москву, я заметил, как побледнел Соловьев. Это, по-видимому, заметил и Павел Мальков, который тут же успокоил Юлия, заявив, что он с ним поедет туда же позже.

Сменившись, Юлий не мог успокоиться. А как же! Те, с кем он охранял Ленина, уезжают, а он остается. Я старался как мог его успокоить, опираясь главным образом на авторитет Малькова, слову которого мы привыкли верить. И вот, когда мне показалось, что Юлий уже вроде успокоился, я вдруг заметил его с винтовкой у двери, ведущей в кабинет Ленина. На мой вопрос, зачем он здесь, Юлий Соловьев, как бы извиняясь, но довольно настойчиво заявил, что он должен получить от Владимира Ильича Ленина документ на винтовку, а то ведь отберут да еще задержат, когда придется отправиться в Москву.

Не успел я ему объяснить, что не дело обращаться к товарищу Ленину за документом, который ему выдадут в роте, как в дверях показался Ленин.

Юлий весь подался вперед. Удержать его я не успел, и он обо всем рассказал Владимиру Ильичу. Ленин не перебивал Соловьева и, выслушав до конца, похвалил за то, что он заботится об оформлении права на ношение оружия.

— Порядок есть порядок, — сказал Владимир Ильич. — Каждый сознательный боец должен поддерживать законы Советской власти и следить за тем, чтобы они строго соблюдались. Особенно те, которые определяют, кто имеет право защищать Советскую власть с оружием в руках.

Затем Владимир Ильич открыл дверь и пригласил в кабинет Юлия Соловьева. Когда восторженный Юлий вышел от Ленина, в руках у него на бланке Совета Народных Комиссаров было разрешение на право иметь с собой винтовку, которое было написано и подписано Лениным».

В ленинском документе было сказано: «Разрешается Юлию Николаевичу Соловьеву иметь с собой и вывезти из Петрограда принадлежащую ему винтовку за № 52604, помеченную 1915 годом. Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)»³⁴.

В газете «Известия» 10 марта 1918 года было напечатано сообщение о том, что правительственный поезд отправится в Москву 11 марта. В действительности вся подготовка к переезду в Москву велась с таким расче-

том, чтобы поезд отбыл за сутки до объявленного срока, то есть 10 марта, причем не с Николаевского (ныне Московского) вокзала, а с платформы «Цветочная площадка», одной из глухих станций окраины Петрограда. Именно туда к вечеру 10 марта в обстановке секретности был подан поезд № 4001, который уже ждали латышские стрелки. Одновременно в целях конспирации к перрону Николаевского вокзала подошел другой поезд.

Для того чтобы сбить с толку разного рода недругов и явных врагов, В. Д. Бонч-Бруевич сообщил деятелям эсеро-меньшевистского Вижеля, что правительство намерено переехать на Волгу. Болтуны не замедлили распространить эту «новость» по Петрограду.

Вечером 10 марта шел дождь. Прежде чем подъехать к платформе «Цветочная площадка» (название платформы происходит от находящейся вблизи Цветочной улицы), автомашины с членами правительства долго кружили по городу. В автомашине с В. И. Лениным были Надежда Константиновна, Мария Ильинична и управляющий делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич. Машину вел шофер В. И. Рябов. Автомобиль проехал по безлюдной Шпалерной улице, Литейному проспекту, пересек Невский проспект, проехал по Загородному проспекту, повернул на Забалканскую улицу, миновал московские Триумфальные ворота и вскоре был у железнодорожной платформы.

Ровно в 22 часа вечера поезд без свистков и огней отправился в Москву. Перед выходом поезда на основную магистраль были тщательно проверены железнодорожные пути.

На станции Малая Вишера на поезд попытались напасть анархистски настроенные, самовольно возвращавшиеся с фронтов матросы, но их отогнала охрана.

Одним из тех, кому была поручена охрана поезда № 4001, был упомянутый выше Ян Петрович Калнин. «10 марта 1918 г., — отмечал он, — пришлось стать на вахту по охране поезда № 4001 при переезде Ильича и других советских руководителей в Москву. Обстановка была сложная, и мы готовы были встретить любую неприятность в пути».

В то время как Советское правительство готовилось к переезду в Москву, у террористов из партии правых эсеров в деталях отработывался план организации крушения поезда, на котором должен был ехать В. И. Ленин.

Из показания на следствии по делу ЦК партии правых эсеров террористки Лидии Коноплевой видно, что эсеры намеревались взорвать поезд Совнаркома. Этот вопрос ставился в Петроградском комитете партии эсеров, где получил полную поддержку. На процессе в 1922 году государственный обвинитель Н. В. Крыленко, касаясь планов эсеров в связи с переездом правительства в Москву, ссылаясь на показания Коноплевой и членов ЦК партии эсеров Гоца, Гендельмана. Гоц всячески увиливал от прямых вопросов, а член ЦК Гендельман подтвердил, что он «что-то слышал о намерении взорвать поезд Совнаркома». Другой обвиняемый признал, что «некая группа имела намерение взорвать паровоз... а если это не удастся, то взорвать бомбой железнодорожный путь».

Обвиняемая Елена Иванова показала, что «предполагалось облить маслом рельсы, чтобы задержать движение поезда Совнаркома».

Такого рода попытку намечалось предпринять не в Петрограде до отправления поезда, а на какой-то маленькой станции под Петроградом, через которую поезд должен был проходить.

В БОРЬБЕ И ТРЕВОГЕ

В новой столице. В Москве Владимир Ильич и Надежда Константиновна, как и семьи других членов правительства, поселились в 1-м Доме Советов (Моховая ул., д 17, ныне проспект Маркса, д. 14/3, гостиница «Националь»).

В небольшом двухместном номере 107 Ленин с женой прожили несколько дней (с 11 до 19 марта).

Вечером 11 марта Владимир Ильич встретился со старыми товарищами по партии,

советовался с ними по очередным задачам строительства новой жизни.

Утро 12 марта было солнечным. В газете «Известия ВЦИК» появилась написанная Лениным в поезде статья «Главная задача наших дней».

Владимир Ильич придавал большое значение этой программной статье, намечавшей пути движения молодого Советского государства, и был рад, что статья уже напечатана. Днем Владимир Ильич посетил Кремль, где должен был разместиться Совет Народных Комиссаров. Осмотр Кремля и его башен занял около трех часов.

12 марта Ленин также совершил первую поездку по Москве, ставшей новой столицей.

Вместе с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной он побывал в ряде городских районов. На обратном пути в Дом Советов автомобиль В. И. Ленина был задержан.

Вот как об этом сообщала петроградская «Красная газета»:

«Поздно ночью 12 марта патруль красноармейцев под

командованием комиссара Городского района задержал автомобиль. При задержании патруль для острастки произвел несколько выстрелов в воздух. Один из седоков заявил, что он — Председатель Совета Народных Комиссаров Ленин. Комиссар заявил, что он Ленина лично не знает, и предложил задержанному отправиться для выяснения личности в Благородное собрание, (Дом союзов. — Н. З.) Там недоразумение выяснилось. Отпуская патруль, Ленин благодарил солдат за революционную службу». ¹.

19 марта 1918 года Ленин и Крупская переехали в Кремль.

Упомянутый в книге Эдуард Эдуардович Смилга вспоминал:

«Для семьи Владимира Ильича подыскали три небольшие комнаты с кухней, маленькой передней, ванной и комнатой для домработницы.

Бонч-Бруевич отдал распоряжение оборудовать эти комнаты. Когда с ремонтом было покончено, нам дали задание обставить квартиру мебелью. Так как в нашем распоряжении был весь Кремль, мы натаскали в новую квартиру самую лучшую мебель, какую только можно было найти, обставили квартиру Ильича позолоченными стульями и креслами, обитыми шелком и бархатом, зеркальными шкапами, массивными столами и т. д. Уж очень нам хотелось доставить любимому человеку удовольствие.

Но когда Ленин осмотрел приготовленную для него квартиру, то ему не понравилась роскошная мебель, и он распорядился заменить ее простой.

Мы были разочарованы: старались, старались, и оказалось, что перестарались. Ленин посмеялся над нашим огорчением и подбодрил нас. Поступок Владимира Ильича мы восприняли как урок: быть в жизни всегда скромными, никогда не гнаться за роскошью» ².

Первыми на охрану Кремля стали латышские стрелки из отряда бывшего батрака, впоследствии видного командира Красной Армии Яна Яновича Лациса.

Биографии людей, которым поручили охранять вождей партии, говорят сами за себя.

Кисис Роберт Иванович (Роберт Янович) в партию большевиков вступил в 1913 году. В 1917 году член Военно-революционного комитета 2-го латышского стрелкового полка, делегат II Всероссийского съезда Советов, секретарь Исполкома объединенного Совета депутатов

трудящихся латышских стрелковых полков (Искола-стрел). В 1918 году — секретарь парткома латышского подразделения, охранявшего Кремль. В 1919—1921 годах — на политических и командных должностях в Красной Армии. В последующем на партийной и советской работе — секретарь Енисейского губкома ВКП(б), секретарь Сибирского крайкома ВКП(б), заместитель наркома внешней и внутренней торговли СССР и др. С 1960 года — председатель парткомиссии ЦК КП Латвии.

Берзин Эдуард Петрович — член большевистской партии с 1918 года. В Кремле — командир легкого артиллерийского дивизиона. Принимал активное участие в подавлении левозсеровского мятежа в Москве и разоблачении «Заговора послов» (Локкарт и др.). Участник гражданской войны. В тридцатых годах руководил строительством целлюлозно-бумажного комбината в Вишере, затем был начальником треста Дальстрой.

Рубин Ян Янович — член КПСС с апреля 1917 года. С семи лет — пастух, с 16 — батрак В конце 1915 года добровольно вступил в один из латышских полков. С октября 1917 года в охране Смольного. С переездом правительства в Москву вошел в команду самокатчиков Кремля. Участник гражданской войны. С апреля 1919 года по март 1920 года работал в тылу немецких войск, был арестован и приговорен к смертной казни. В сентябре 1920 года приговор был отменен, и Рубина выслали в Советскую Россию. До 1937 года служил в пограничных и внутренних войсках СССР.

Вот таким преданным революции людям была поручена охрана Ленина.

Не ранее 19-го — не позднее 27 марта Владимир Ильич подписал «Инструкцию выдающим и подписывающим пропуска в помещения Управления делами Совета Народных Комиссаров»³.

Н. К. Крупская в своих воспоминаниях отмечала, что в тот период у красноармейцев, охранявших Кремль, не было определенной формы — кто в чем пришел в армию, в том и ходил. Не было еще твердого распорядка. Но каждый боец горел энтузиазмом, усердно учился.

«Ильич любил спать с открытыми окнами, — отмечала Н. К. Крупская. — И каждое утро врываются в окно со двора песни живших в Кремле красноармейцев. «И как один умрем за власть Советов», — пели молодые голоса.

«Часовой около кабинета Владимира Ильича обычно сидел за столиком и читал, — вспоминала далее Надежда Константиновна. — Ильич особенно приветливо всегда здоровался с часовыми. Знал их настроение, их готовность умереть за власть Советскую»⁴.

Латышские стрелки стремились на фронт, и вскоре после того, как их желание было выполнено, охрана Кремля перешла к кремлевским курсантам. От них требовалась неусыпная революционная бдительность.

Вот, например, отрывок из воспоминаний кремлевского курсанта Николая Дмитриевича Лебедева: «Наше пребывание в Кремле и учеба в военной школе проходили в сложных условиях. Помню, однажды глубокой ночью стоял я на посту на кремлевской стене неподалеку от Тайницкой башни. Я явственно услышал свист пули со стороны Замоскворечья. Это враги революции в бессильной злобе и ненависти стреляли по Кремлю. Такая обстановка воспитывала в нас высокую политическую и боевую бдительность»⁵.

Начальник команды кремлевских самокатчиков И. В. Громушкин вспоминал о нападении на одного из кремлевских курьеров-самокатчиков, которые в кожаных сумках на ремне через плечо возили пакеты⁶.

Захар Абрамович Семиц, член КПСС с октября 1917 года, курсант Московских пулеметных курсов, неоднократно стоявший на посту у квартиры и у служебного кабинета В. И. Ленина, вспоминал: «Я видел, как много работает Владимир Ильич. Откуда только у него бралось столько энергии и сил? В девять часов утра, как всегда, он был уже в своем кабинете. Днем очень часто уезжал на заводы, фабрики и в красноармейские казармы, где выступал перед рабочими и красноармейцами, а вечером вновь усаживался за письменный стол. И так день за днем, сутки за сутками. Очень часто он не оставлял своего кабинета до трех-четырех часов утра. Стоишь, бывало, часовым на посту у служебного кабинета Ленина. Глубокая ночь, а работа в Совнаркоме кипит. Вот открывается дверь, из кабинета выходит Владимир Ильич. Как всегда, пройдет быстро, иногда остановится, скажет на ходу два-три приветливых слова часовому и пойдет дальше, а ты стоишь и думаешь: когда же он спит и отдыхает?»⁷.

В праздничное утро 1 мая 1918 года Владимир Ильич поднялся на кремлевскую стену, откуда хорошо были видны приближавшиеся к Красной площади колонны

демонстрантов. Увидя, как рабочие и курсанты обвили веревками памятник великому князю С. А. Романову, убитому в 1905 году эсером И. П. Каляевым, Владимир Ильич спустился и, взявшись за веревку, помог сбросить памятник на землю.

«От рабочих нас охранять нечего». По решению Московского комитета партии еженедельно по пятницам в районах, на предприятиях проходили митинги с докладами на злободневные политические темы. Выступления на митингах В. И. Ленина имели огромное значение для мобилизации масс и разъяснения политики Советской власти. 28 июня 1918 года Ленин выступал на трех митингах с речью «Гражданская война», — в 18 часов на митинге трудящихся Рогожского района (Б. Семеновская ул., Советский сад), в 19 часов 30 минут на митинге рабочих завода АМО в Симоновском подрайоне (Тюфелева роща, завод АМО, Кузовной корпус, 2-й этаж, помещение столярной) и в 20 часов 30 минут на митинге рабочих Замоскворецкого района (3-й Шипковский пер., бывший завод Михельсона, гранатный цех).

На митинг в гранатный цех завода Михельсона собралось несколько тысяч человек. Охрана митинга была поручена военному комиссару и начальнику гарнизона Замоскворечья Александру Дмитриевичу Блохину*. Вооружившись двумя револьверами, маузером и наганом, Блохин встретил приехавшего на завод Ленина по-военному, рапортом. Поздоровавшись, Владимир Ильич спросил:

— А что это значит? — и показал на красноармейцев.

— Я ответил, — рассказывал Александр Дмитриевич Блохин, — что это охрана митинга. На это Ильич сказал:

— Уберите эту охрану, от рабочих нас охранять нечего, ведь мы представители партии рабочего класса, — и сел, ожидая, пока я не сниму охрану. Тогда по телефону я связался с товарищем Дзержинским. Ведь это он обязал районных военкомов и начальников гарнизонов организовать охрану митингов. Феликс Эдмундович заинтересовался, какая именно мною выставлена охрана, и приказал снять ее только со сцены, а Ильичу сказать, что это «распоряжение Дзержинского». Указание мною

* Блохин Александр Дмитриевич — член КПСС с 1903 года, участник трех революций и гражданской войны. Входил в состав исполкома Московского Совета. Был начальником Центрального Дома авиации имени М. В. Фрунзе.

было выполнено. Владимир Ильич вышел на сцену и стал говорить. Рабочие его встретили радостно.

— На другой день, — вспоминал Блохин, — меня вызвал Дзержинский. Он детально расспросил о расстановке охраны при выступлении на митинге Ленина. При этом Феликс Эдмундович поинтересовался, как именно я был вооружен. Я ответил. «Владимир Ильич больше всего испугался твоего личного вооружения, — полусерьезно сказал Феликс Эдмундович, — если в Москве — говорил он о тебе — такие «страшные комиссары», то что тогда делается на периферии?!»⁸.

Состоявший в охране Кремля П. П. Плесумс вспоминал: «В. И. Ленин должен был выступить на митинге. К Кремлю подъехал грузовик для стрелков и легковая машина для В. И. Ленина. Владимир Ильич в шутку посадил в легковую машину нескольких стрелков, а сам уселся в грузовик и всю дорогу весело беседовал с нами».

Надо отметить, что за пределами нашей страны сочиняли всякие небылицы об охране Кремля, недоступности В. И. Ленина и т. д. В связи с этим уместно привести свидетельство английского общественного деятеля Вильяма Гуда. В 1919 году он приехал в Москву в качестве корреспондента «Манчестер гардиан», был принят Лениным.

«Получить интервью у Ленина, — писал он в книге «Большевизм в действии», — было не так-то легко, и не потому, что он недоступен, — он скромнен и непосредственен в общении с людьми, — а потому, что его время очень дорого. Ленин постоянно за работой, он трудится даже больше остальных комиссаров.

Однако я наконец улучил момент и направился из моего жилища через весь город к одним из ворот Кремля... Вход в Кремль, естественно, охранялся — здесь находится правительство, но формальностей здесь не больше, чем в Букингемском дворце или в Палате общин. Небольшое деревянное помещение перед мостом, где проходят гражданские посетители, несколько солдат, простых русских солдат, один из которых проверяет пропуска, — вот и все, что можно было увидеть у этого входа... Я прошел, поднялся в гору и направился к зданию, где живет Ленин... Внизу у лестницы стояли еще два русских солдата, русские юноши...»⁹.

Подавление мятежа. 4—10 июля 1918 года Ленин руководил работой V Всероссийского съезда Советов. По отчету ВЦИК и Совнаркома съезд большинством голосов

одобрил внешнюю и внутреннюю политику Советского правительства.

Резолюция левых эсеров о недоверии Советскому правительству, расторжении Брестского мирного договора была отвергнута съездом. 6 июля 1918 года, совершив убийство германского посланника в Москве графа Мирбаха, левые эсеры подняли антисоветский мятеж. Мятежники опирались на конный полк ВЧК под командованием левого эсера Д. И. Попова. Последний со своими сообщниками арестовал Ф. Э. Дзержинского (он приехал в полк для розыска убийцы Мирбаха эсера Я. Г. Блюмкина) и ряд других видных деятелей революции.

Подавлением мятежа руководил лично Ленин. Активное участие в разгроме выступления левоэсеровских авантюристов приняли делегаты съезда Советов — большевики.

6 июля 1918 года, как только стало известно о начале мятежа, по личному распоряжению В. И. Ленина была усилена охрана Кремля. «У всех четырех ворот выставлены взводные посты, три роты с пулеметами поставлены на кремлевские стены... В. И. Ленин лично проверил охрану Кремля и беседовал со стрелками»¹⁰.

Поздним вечером 6 июля Ленин дает указание В. Д. Бонч-Бруевичу самому проверить все караулы в Кремле. Коменданту П. Д. Малькову приказано привести 9-й латышский полк, охраняющий Кремль, в боевую готовность. Одновременно Ленин знакомится с планом усиления охраны Кремля. При подавлении мятежа самоотверженными защитниками Советской власти показали себя стрелки латышской советской стрелковой дивизии, которой командовал И. И. Вацетис.

В день мятежа Владимир Ильич встречался с наркомом юстиции П. И. Стучкой, И. И. Вацетисом, К. А. Петерсоном и другими товарищами из командования латышской дивизии, выслушал и одобрил план подавления мятежа. Вацетис заверил Ленина, что мятеж будет подавлен не позднее 12 часов 7 июля¹¹.

«Около 14 часов (7 июля) весь район, занятый левыми эсерами, был в наших руках, — вспоминал Вацетис. — Все войска, бывшие под нашей командой, собрались около здания ВЧК. Туда же приехал и товарищ Ленин»¹².

После подавления мятежа эсеров вечером 7 июля В. И. Ленину, как об этом вспоминала Н. К. Крупская.

захотелось осмотреть особняк в Трехсвятительском переулке, где находился штаб мятежников. Когда автомобиль с В. И. Лениным и Н. К. Крупской проезжал мимо Николаевского (Октябрьского) вокзала, послышались крики: «Стой!» Шофер С. К. Гиль не сбавлял хода машины, но Владимир Ильич попросил остановиться. В это время из-за угла уже стреляли: подбежавшие вооруженные люди оказались своими. Ленин стал им выговаривать: «Нельзя так, товарищи, зря палить из-за угла, не видя, в кого палишь»¹³.

Владимира Ильича тогда в лицо мало знали.

После осмотра особняка в Трехсвятительском переулке Владимир Ильич решил проехаться по Сокольническому парку. При приближении к проезду под железной дорогой путь преградил молодежный патруль. По требованию: «Стой!» — машина остановилась. На просьбу предъявить документы Ленин показал свое удостоверение, но документу не поверили. Владимира Ильича патруль отвел в ближайшее отделение милиции, где тотчас узнали Ленина.

Вскоре после того, как машина тронулась в путь, опять послышались предупредительные выстрелы. Оказалось, что машина проезжала мимо склада с оружием. Посмотрели документы Председателя Совнаркома и немедленнопустили...

После мятежа эсеров было решено вернуть на работу в органы ВЧК большую группу ее бывших работников. Их список в количестве 131 человека был санкционирован главой правительства. На документе надпись: «Утверждаю. Ленин».

В Доме Союзов. 23 июля 1918 года в Колонном зале Дома Союзов проходила Московская губернская конференция фабзавкомов и профсоюзов. На ее утреннем заседании с докладом о международном и внутреннем положении Советской России выступил В. И. Ленин.

Одним из организаторов конференции был Владимир Архипович Барышников, профессиональный революционер, рабочий, член партии с 1905 года. В апреле 1917 года по возвращении из нарымской ссылки, он возглавил большевистскую организацию в Орехове-Зуеве, а затем стал работать в Москве, руководя губернским комиссариатом труда.

— К нам придет и будет выступать Владимир Ильич, — сказал Барышников присутствовавшему на конференции коммунисту С. М. Зрячкину. — Президиум пору-

чает тебе его встретить и сопровождать на обратном пути в Кремль.

Сергей Михайлович Зрячкин, токарь из Орехова-Зуева, в 1914—1915 годах входивший в состав подпольного большевистского комитета, понимал своего давнишнего товарища с полуслова.

— Ожидая Ленина у Дома Союзов, — рассказывал Сергей Михайлович, — я решил пригласить Ильича к нам в Орехово-Зуево и обдумывал, когда именно удобно будет обратиться к Владимиру Ильичу с этой просьбой: до или после его выступления на конференции? Решил, что представлюсь ему, скажу, что сам я из Орехова-Зуева, и сразу приглашу снова посетить наш город ткачей, в котором он был в сентябре 1895 года.

Как только автомашина с Лениным подъехала к Дому Союзов, С. М. Зрячкин успел лишь сказать Владимиру Ильичу, что он, Зрячкин, выделен президиумом встретить его. Быстрой походкой Ленин прошел в президиум и тотчас выступил с докладом.

Владимир Ильич рассказал о международном положении, о революционном движении на Западе, о Брестском мире. Говорил о тяжелом послевоенном положении Советской России, о том, что исключительное значение в борьбе с голодом имеют продовольственные отряды рабочих¹⁴.

— Все присутствующие слушали его доклад, — вспоминал С. М. Зрячкин, — с огромным вниманием. Некоторые попытались записывать, но тут же бросили — так захватывало выступление Владимира Ильича. По окончании доклада Ленина вопросов к нему не было. Каждому было ясно все, о чем он говорил.

Вместе с В. А. Барышниковым и С. М. Зрячкиным Ленин вышел к ожидавшей его у подъезда автомашине.

Владимир Архипович от имени президиума конференции сердечно поблагодарил Владимира Ильича за его приезд, сказал, что если он не будет возражать, то Зрячкин проводит его.

— Пусть прокатится, мы с ним уже знакомы, — улыбаясь, ответил Ильич и попросил Зрячкина сесть в автомобиль.

Автомобиль тронулся с места и через несколько минут был у Троицких ворот Кремля. Владимир Ильич остановил машину, но не стал прощаться, а с большим интересом продолжал слушать С. М. Зрячкина о работе продовольственных отрядов, одобрительно кивая головой.

В конце беседы Ленин распорядился отвезти С. М. Зрякина к Дому Союзов и пожелал успехов в борьбе с голодом.

— Владимир Ильич, — решил наконец С. М. Зрякин, — не выберете ли вы время снова побывать в Орехове-Зуеве?

Как бы подкрепляя свою позицию, добавил:

— У нас вот была Александра Михайловна Коллонтай, приезжал к нам и Шаляпин.

— Спасибо. Очень хотелось побывать в Орехове-Зуеве и мне, да вот все некогда!

Протягивая на прощание С. М. Зрякину руку, Владимир Ильич, добродушно улыбаясь, сказал:

— А Шаляпин — это хорошо! Большой артист...¹⁶

4 февраля 1921 года во время конференции металлистов в Колонном зале Дома Союзов Владимира Ильича встречал и провожал коммунист Алексей Андреевич Шлыгин. Вот что он рассказал:

«После своего выступления Ленин всего лишь на несколько минут задержался в президиуме, затем быстро надел пальто, и мы снова пошли к машине. Когда спустились по лестнице к выходной двери, какой-то человек, идя навстречу, намеревался остановить Ленина и что-то, видимо, ему передать. Я вышел несколько вперед, заслоня собой Ильича, и спросил неизвестного, что ему надо. Он молча вынул из кармана пальто скатанный в трубку сверток бумаги и попросил передать Владимиру Ильичу. Ленин, принимая от меня этот сверток и обращаясь к неизвестному, сказал: «Ответ получите обязательно через несколько дней лично по адресу или через печать». Затем мы вышли на улицу».

Мальцево-Бродово. У главы правительства не было какого-нибудь постоянного места за городом, где бы он мог в конце напряженной недели хотя бы немного отдохнуть.

Рабочий день В. И. Ленина начинался в 9.30 утра и обычно продолжался до 16 часов, затем следовал перерыв и вновь с 18 до 22 часов работа. Во многих случаях глава правительства задерживался в своем кабинете до поздней ночи, и его рабочий день длился 18 часов в сутки.

Летом 1918 года Владимир Ильич изредка стал отдыхать в Мальцево-Бродове, в 30 километрах от Москвы, близ станции Тарасовка. В свое время это было имение доктора Н. В. Соловьева, там жил и работал отец старого большевика Ивана Ивановича Скворцова-Степанова.

Живописная местность у реки Клязьмы, великоленный парк, лесные поляны привлекли Владимира Ильича. Впервые он приехал туда с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной 19 мая 1918 года. Они осмотрели дачу, где поселился В. Д. Бонч-Бруевич, и приняли его предложение приезжать к нему на выходной день.

Владимиру Ильичу, Надежде Константиновне и Марии Ильиничне отвели две комнаты; в других жили Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, его жена Вера Михайловна Величкина, их дочь Леля и ее няня Ульяна Александровна. Питались все вместе.

Владимир Ильич хотел поселиться на первом этаже дома, но ему порекомендовали второй этаж. Внизу, на первом этаже, были размещены сотрудники охраны.

Это были, вспоминал В. Д. Бонч-Бруевич, «четыре латыша-коммуниста из кремлевского отряда, хорошо проверенные и вполне преданные товарищи, которые должны были дежурить около дома и охранять Владимира Ильича во время его иногда весьма дальних прогулок, но охранять так, чтобы он не замечал этой охраны»¹⁶.

В описываемое время постоянной охраны В. И. Ленина не существовало. Дачный район Мальцево-Бродово (ныне госплемзавод «Лесные поляны» Пушкинского района Московской области) охранялся отрядом милиции.

Один из тех, кому довелось принимать участие в охране Мальцево-Бродова, коммунист И. П. Соколов, рассказывал: «На дачах в Тарасовке и прилегающих к ней местах жили видные деятели Советского государства — председатель ВЦИК Калинин, народные комиссары Цюруппа, Курский, Свидерский, Владимирский, Середа. В нашем районе жили также писатели Демьян Бедный и Дмитрий Фурманов. Когда приезжал В. И. Ленин, нам вменялось в обязанность при прогулках Владимира Ильича следить за всем подозрительным, оберегать его жизнь от возможных покушений врагов Советской власти. Но Владимир Ильич очень не любил «особую охрану» и если обнаруживал работника милиции, то подзывал его к себе и говорил, что ему лично никакой особой охраны не надо»¹⁷.

В. И. Ленин очень интересовался жизнью местных крестьян, оказывая им ту или иную помощь. Летом сильным градом были уничтожены все посеы ржи в селе Звягине Пушкинского района. По ходатайству местной власти Владимир Ильич распорядился обеспечить крестьян семенами на осенний сев.

М. И. Ульянова вспоминала, что иногда, когда автомашина проезжала по деревне, к ней со всех пог бежали крестьянские ребятишки с тем, чтобы их «прокатить». Владимир Ильич, который очень любил детей, просил шофера остановиться, и машина заполнялась до отказа шумными, ликующими ребятами.

Дочь первого управделами Совнаркома Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича Е. В. Бонч-Бруевич, заслуженный врач РСФСР, вспоминала: «Отдыхая в Тарасовке, Владимир Ильич хоть и встречался с товарищами, но больше всего любил уходить в лес один. Уйдет, заляжет где-нибудь в траве, и нет его. Начинаются волнения, поиски. Пропал Владимир Ильич. Он ужасно не любил, чтобы за ним кто-то наблюдал, охранял его. Хотелось побыть одному.

Выручала моя собака Нелька — веселый и ласковый пес фокстерьер. Нелька вечно увязывалась за Владимиром Ильичем... Владимир Ильич умел легко обучать животных разным фокусам, и они поразительно его слушали и любили. Какие только штуки Нелька не выделяла по команде Владимира Ильича: и на задние лапы становилась, и здоровалась, давая лапку, и через веревочку прыгала — словом, все, что хотел Владимир Ильич, Нелька выполняла. И когда Владимир Ильич «терялся», мы звали Нельку, которая появлялась на мой зов. По ней обнаруживали и место, где находился Владимир Ильич»¹⁸.

Мальцево-Бродово — одно из первых подмосковных мест, куда летом 1918 года наезжал Владимир Ильич. Но, как отмечала Мария Ильинична, там было многолюдно, а Ильич любил отдыхать в полном уединении, и настоящего отдыха «не получалось». «Но самым большим злом на даче в Тарасовке, — вспоминала сестра Ленина, — были комары, которых Владимир Ильич совершенно не переносил... И раз, безуспешно пытаясь заснуть ночью, Владимир Ильич сбежал с дачи в город, и с тех пор поездки в Тарасовку были оставлены»¹⁹.

В доме, где жил В. И. Ленин в Мальцево-Бродове, с апреля 1967 года открыта мемориальная квартира-музей В. И. Ленина.

Надежда Константиновна отмечала, что после Тарасовки другой дачи не было, и, чтобы подышать свежим воздухом на лоне природы в свободный день, они выезжали за город. «Ездили в разных направлениях, но скоро излюбленным местом Владимира Ильича стал лесок на

берегу Москвы-реки около Барвихи». Вместо обеда брали с собой бутерброды, выбирали скрытое от взоров уединенное место с видом на реку и окрестные поля и не уезжали оттуда до вечера.

«Товарищ Гиль, шофер Владимира Ильича, — читаем мы в воспоминаниях Н. К. Крупской, — со своим авто располагался поблизости — охраны у Владимира Ильича тогда не было»²⁰.

В Политехническом музее. В Политехническом музее Москвы В. И. Ленин выступал на пленумах Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (12 марта и 23 апреля 1918 года), на заседании ВЦИК совместно с рабочим активом, партийными и советскими работниками Москвы (29 апреля 1918 года) и, наконец, на митинге трудящихся Городского района (23 августа 1918 года).

В тот день у входа в большую аудиторию (ныне Центральный лекторий) Политехнического музея дежурил знакомый читателю коммунист И. Ф. Еремеев. Он имел строгую инструкцию впускать в зал на митинг лишь тех, кто имел при себе трудовую книжку или профсоюзный билет.

Делалось это во избежание проникновения в зал враждебных элементов, которые не давали говорить большевистским ораторам, всячески стремились срывать их выступления.

Еремеев еле успевал проверять входивших в зал и, когда подошел Владимир Ильич, не взглянув на него, потребовал документы. У В. И. Ленина не было при себе ни трудовой книжки, ни билета члена профсоюза... Произошла заминка, но лишь на несколько мгновений. Ленину стали аплодировать. Бурные овации вспыхнули, когда он прошел на сцену и, сняв на ходу пальто, начал свою речь. Весь зал был переполнен. Присутствовавшие с большим вниманием слушали Владимира Ильича²¹.

«Это выступление товарища Ленина, — отмечал И. Ф. Еремеев, — состоялось ровно за неделю до второго покушения на него. Владимир Ильич приехал на митинг в Политехнический музей один и уехал один, его никто не охранял».

«Жизнь Ленина постоянно подвержена опасности». Эти слова принадлежат прогрессивному американскому журналисту Альберту Рису Вильямсу и выделены в виде подзаголовка в его книге «О Ленине и Октябрьской революции».

В середине 1917 года Вильямс приехал в Россию вместе с Джоном Ридом, видным деятелем американского рабочего движения, писателем и публицистом.

Честные американцы стали свидетелями исторических событий.

Неоднократно встречаясь с В. И. Лениным, Альберт Вильямс одним из первых в 1919 году опубликовал в Америке публицистические очерки «Ленин — человек и его дело». Через два года, в 1921 году, вышла вторая книга Вильямса «Сквозь русскую революцию».

Американский журналист был захвачен грандиозностью революционных событий, бесповоротно встал на сторону революции, принимал личное участие в защите завоеваний Великого Октября.

Рассказывая о том, что жизнь В. И. Ленина постоянно подвергалась опасности со стороны многочисленных контрреволюционеров, Вильямс писал: «Основное внимание буржуазные заговорщики сосредоточивали, естественно, на Ленине. Они говорили, что в его деятельном мозгу зарождается план уничтожения их. О, если бы нашлась пуля, которая могла бы успокоить этот мозг! Об этом каждый день страстно молились контрреволюционеры».

Вильямс приводит в пример один из домов в Москве, где иностранных корреспондентов принимали с расточительным гостеприимством. Огромный стол всегда ломился под тяжестью изысканных закусок, фруктов, орехов и сладостей. Крупная биржевая игра, контрабанда в Германию, спекуляция помогли этой семье достичь изобилия. «И вот, невеста откуда, — писал Вильямс, — приходят вдруг большевики и выбивают у них из-под ног самую основу всего их благополучия. Большевики хотят прекратить войну. С ними невозможно сговориться. Это же дикари, сумасшедшие! Они хотят положить конец спекуляции, биржевой игре — словом, решительно всему! Единственное, что можно предпринять, — это покончить с ними. Повесить их! Расстрелять! И начать сверху, с Ленина.

— Я могу сию минуту уплатить миллион рублей тому, кто убьет Ленина, — серьезно сообщил мне молодой московский спекулянт, — и есть еще девятнадцать человек, с которыми я могу связаться хоть завтра, и каждый из них даст по миллиону на это дело».

Вильямс спросил у знакомых ему большевиков, представляет ли себе Ленин, какая опасность угрожает его жизни. Ответ был таков:

— Да, он хорошо знает об этом. Но он меньше всего думает о себе. Видите ли, он вообще очень мало уделяет внимания своей особе...²²

О планах контрреволюционеров были осведомлены чекисты.

«Мы хорошо знали, — вспоминал Я. Х. Петерс, — что на Владимира Ильича готовится покушение. Эти сведения попадали в ВЧК и неоднократно подтверждались. Были приняты все меры для охраны Владимира Ильича, но его было чрезвычайно трудно охранять... Он не только ездил на фабрики и заводы, на митинги, но в 1918 году посещал товарищей на квартирах в советских домах. Хотя было ясно, что его подстерегают за каждым углом, что ни Савинков, ни правые эсеры, ни представители иностранных держав и никто из контрреволюционных бандитов его не пощадит, если только будет возможность его убить, тем не менее нельзя было добиться, чтобы он отнесся более осторожно и более внимательно к своим выездам... Он никак не соглашался ездить с охраной. Сделали все, чтобы его охранять, но он вечно удирает от этой охраны. Он умел выйти незамеченным, сесть и уехать»²³.

Охрана Владимира Ильича работала с предельным напряжением. Делали все возможное и невозможное, чтобы обезопасить вождя революции. Но в последний день августа 1918 года заговорщики чуть было не добились своего.

Документы обвиняют. После благополучного переезда Советского правительства в Москву и провала готовившейся диверсии с крушением поезда правые эсеры стали вынашивать план покушения на жизнь В. И. Ленина в Москве.

Из процесса правых эсеров в 1922 году известно, что после ратификации Брестского мира характерной чертой тактики этой партии были тенденции использовать для борьбы с Советской властью все средства, все возможности — и террор, и союзников, и старые офицерские кадры, и черносотенцев.

Во избежание огласки ЦК партии эсеров предусматривал, что террористический акт должен носить форму акта индивидуального: другими словами, открыто и полностью отказываться от своего участия в покушении (что потом и произошло).

Террористы долго и настойчиво охотились за Владимиром Ильичем. Вот как в декабре 1921 года эсер Г. Се-

менов (Васильев) описывал подготовку покушения: «...Мы решили убить Ленина выстрелом из револьвера при отъезде его с какого-нибудь митинга. В это время в Москве бывали во всех районах еженедельные митинги, а Ленин выступал на них почти еженедельно, но заранее не было известно, на каком именно митинге он выступит. Мы наметили поэтому такой план действия: город разбивается территориально на 4 части, назначаются исполнители; в часы, когда идут митинги, районный исполнитель дежурит в условленном месте; на каждом сколько-нибудь крупном митинге обязательно присутствует кто-нибудь из боевиков. Как только Ленин приезжает на тот или иной митинг, дежурный на митинге боевик сообщает районному исполнителю, тот немедленно является на митинг для выполнения акта. Выполнителями я наметил: Каплан, Коноплеву, Федорова и Усова...»²⁴

Усов первый получил сообщение о приезде Ленина на митинг, пришел туда, но покушения не сделал... «У нас после этого было тяжелое собрание. Мы все считали, что Усов оказался слабым, что у него не хватило решимости к действию. Усов был исключен из числа исполнителей. На следующий раз были разосланы дежурные боевики на все митинги. Лучшим исполнителем я считал Каплан. Поэтому я послал ее в тот район, где, я считал, больше всего шансов на приезд Ленина. Послал хорошего боевика, с.-р., рабочего Новикова, на завод Михельсона, где ожидался приезд Ленина.

Каплан должна была дежурить на Серпуховской площади, недалеко от завода Михельсона... На случай желания Каплан бежать я предложил Новикову нанять извозчика-лихача и поставить наготове у завода, что Новиков и сделал»²⁵.

О своем отказе стрелять в В. И. Ленина в Александровском народном доме Усов так показывал на следствии: «На митинг собралось около 2000 рабочих. Еще до митинга я вступил в спор с рабочими по поводу Учредительного собрания, но сторонников у меня не оказалось. Рабочие были за Советы. Ленина встретили восторженными криками и громом аплодисментов. Я выслушал речь и ушел. Стрелять я не мог, не стал».

30 августа, до своего выступления на бывшем заводе Михельсона, Ильич побывал на митинге в здании Хлебной биржи. Там в это время находился участник боевой террористической группы Козлов, но он также не решился стрелять.

Намеченная для покушения на жизнь В. И. Ленина Коноплева не умела стрелять, и ее специально за Невской заставой в Петрограде обучали стрельбе из револьвера, полученного ею от уполномоченного ЦК Рабиновича. Последний действовал заодно с членом ЦК Гоцем.

В показаниях на процессе правых эсеров Лидия Коноплева заявила, что покушение должно было быть произведено с помощью револьвера (испанский браунинг) с отравленными ядом кураре* пулями. Яд давал ей в Москве Рихтер, руководитель боевой группы, член ЦК. Слежка за В. И. Лениным в Москве не давала ожидавшихся террористами результатов. Подготовка покушения в марте 1918 года была отложена на более позднее время. В августе в боевую эсеровскую группу входило 14 человек. Террористы имели дачи по Казанской и Нижегородской железным дорогам и квартиры в Москве.

30 августа. В роковой день, 30 августа 1918 года, утром из Петрограда в Москву пришло сообщение об убийстве председателя Петроградской ЧК Моисея Соломоновича Урицкого. Как только об убийстве стало известно Владимиру Ильичу, он связался с Ф. Э. Дзержинским и попросил его сразу выехать в Петроград для расследования. Через несколько минут после этого В. И. Ленин позвонил в Смольный и настоятельно потребовал, чтобы были приняты все необходимые меры для охраны других наиболее известных работников партии.

В Москве в этот день во многих районах должны были состояться очередные митинги. Владимир Ильич еще накануне получил путевку для выступления на митингах в здании бывшей Хлебной биржи в Басманном районе и на заводе Михельсона в Замоскворечье.

М. И. Ульянова вспоминала, что Владимира Ильича дома отговаривали, советовали не выступать в этот день, он отшучивался и все не давал определенного ответа. С просьбой отказаться от выступления 30 августа к Ленину обратились и товарищи из Московского комитета партии. Об этом вспоминала тогдашний член МК Т. Ф. Людвинская**, которая по поручению секретаря

* Яд кураре добывался из коры корней некоторых южноамериканских растений и употреблялся туземцами для отравления стрел.

** Людвинская Татьяна Федоровна — член КПСС с 1903 года, профессиональный революционер, неоднократно встречалась с В. И. Лениным, которого знала еще по парижской эмиграции.

МК В. М. Загорского разыскала Владимира Ильича по телефону.

— Разговор Загорского с Лениным ни к чему не привел, — рассказывала она. — Владимир Ильич сослался на свое обещание рабочим выступить у них на собрании и на то, что обязанность выступать перед рабочими лежит на каждом деятеле партии. Конечно, мы допустили громадную ошибку, надо было всему составу бюро Московского комитета партии поехать на митинг, на который поехал Ильич, но этого не было сделано...

Шофер Степан Казимирович Гиль вспоминал, что после приезда Владимира Ильича на завод к автомашине подошла неизвестная женщина в жакете, с портфелем.

— Что, товарищ Ленин, кажется, приехал? — спросила она.

— Не знаю, кто приехал, — ответил Гиль.

Незнакомка нервно засмеялась и сказала:

— Как же это? Вы шофер и не знаете, кого везете?

— А я почему знаю? Какой-то оратор — мало ли их ездит, всех не узнаешь, — невозмутимо ответил Степан Казимирович.

Он никогда не отходил от строжайшего правила: никого не посвящать в то, кого привез, откуда привез и т. д.

...По окончании митинга, когда Ленин подходил к ожидавшей его автомашине, эсерка Каплан трижды выстрелила в упор во Владимира Ильича. Пули были разрывные, надпиленные и отравленные упомянутым сильнодействующим ядом кураре. Владимир Ильич, раненный двумя пулями, в тяжелом состоянии упал на землю неподалеку от ожидавшей его автомашины, воскликнув:

— Товарищи, спокойствие!.. Держитесь организованно...²⁶.

Во время следствия, которое, в частности, вел член ВЦИК Виктор Эдуардович Кийгисепп*, председатель завкома завода Михельсона Николай Яковлевич Иванов сообщил, что до открытия митинга он заметил у стола, где продается литература, «ту женщину, которая потом стре-

* Кийгисепп Виктор Эдуардович — член партии большевиков с 1906 года. За революционную деятельность подвергался репрессиям царского правительства. После Февральской буржуазно-демократической революции стал во главе большевистской организации Эстонии. После Октября работал в Верховном Суде, впоследствии один из руководителей находившейся в подполье Коммунистической партии Эстонии. В мае 1922 года при буржуазном правительстве Эстонии казнен.

ляла в Ленина. Хотя она и осматривала книги, — продолжал Н. Я. Иванов, — я вынес впечатление, что она это делает для видимости... Она, несомненно, слышала, когда я отвечал товарищам на их вопросы, что товарищ Ленин будет у нас на митинге».

И далее: «Когда Ильич кончил, он по обыкновению схватил пальто и стал спускаться с трибуны, по дороге надевая свою кепку и пальто. В то время, когда он шел по гранатному корпусу завода к выходу, а шел он, как обыкновенно, прямо сквозь толпу, и часть рабочих шла с ним, и с боков, и спереди, — подошел к нему один гимназист, лет 15—16 с какой-то запиской. Ильич несколько слов ему ответил, и гимназист отошел и затерялся в толпе. Когда Ильич стал подходить к выходу, впереди него шло несколько рабочих, а сзади громадная толпа. Когда он стал подниматься по лестнице — у нас там есть лестница наружу, ступенек 20, — в то время сзади него шел «матрос» Черноморского флота. Он споткнулся и упал, чтобы масса не успела выйти сразу за Ильичем»²⁷.

После выстрелов в В. И. Ленина Каплан попыталась скрыться, успев отойти на значительное расстояние от места покушения. Она была задержана Стефаном Николаевичем Батулиным, помощником военного комиссара 5-й Московской советской пехотной дивизии, уже в районе нынешней Добрынинской площади (бывшая Серпуховская площадь). Рассказ этого человека, по счастливой случайности оказавшегося неподалеку от завода, записан в следственном деле Каплан.

В момент выхода В. И. Ленина с завода, после затора, устроенного «матросом», С. Н. Батулин, по его словам, находился от Владимира Ильича на расстоянии 10—15 шагов. Подойдя к автомобилю, Батулин услышал три резких звука, которые он принял сначала за обыкновенные звуки мотора. Вслед за этим он увидел, что Владимир Ильич лежит неподалеку от автомобиля лицом к земле.

«Человека, стрелявшего в Ленина, — рассказывал С. Н. Батулин, — я не увидел. Я не растерялся и закричал: «Держите убийцу товарища Ленина» — и выбежал на Серпуховку, по которой бежали в различном направлении перепуганные выстрелами и общей сумятицей люди... Добежав до так называемой Стрелки на Серпуховке, я увидел позади себя, около дерева, женщину с портфелем и зонтиком в руках. Она имела вид человека, спасающегося от преследования, запуганного и затравленного. Я спросил эту женщину, как она сюда попала. На эти

слова она ответила: «А зачем вам это нужно?» Тогда я взял ее портфель и зонтик и предложил идти за мной. В дороге я ее прямо спросил: «Зачем вы стреляли в товарища Ленина?», на что она ответила: «А зачем вам это нужно знать?» Это меня окончательно убедило в том, что эта женщина покушалась на Ленина. На Серпуховке кто-то из толпы узнал в ней человека, стрелявшего в товарища Ленина. После этого я еще раз спросил: «Вы стреляли в товарища Ленина?», на что она утвердительно ответила, отказавшись указать партию, по поручению которой она стреляла.

Опасаясь, как бы преступницу не отбили единомышленники, я предложил находившимся в толпе и имевшим оружие милиционерам и красноармейцам сопровождать нас.

А товарищи — рабочие, по большей части рабочая молодежь, образовали цепь, которой сдерживали толпу народа, требовавшую смерти преступнице»²⁸.

Первый допрос Каплан производил председатель Московского революционного трибунала Дьяконов. Это происходило в здании Замоскворецкого военного комиссариата.

Отвечая на вопросы, террористка назвала свою фамилию, имя, отчество и возраст:

— Каплан, Фани Ефимовна, 28 лет (в действительности ей был 31 год).

На вопрос о принадлежности к какой-либо партии, она ответила, что ни к какой партии не принадлежит, скрыв, что является правой эсеркой.

На вопрос, она ли стреляла в В. И. Ленина, Каплан вскочила с дивана и вызывающе воскликнула, что она, именно она, стреляла в Ленина.

Сделав истеричным голосом это признание, террористка отказалась давать какие-либо дополнительные показания, в частности не пожелала ответить, кто ей дал револьвер.

Председатель Московского революционного трибунала прочитал Каплан протокол ее допроса и предложил ей его подписать. От подписи она отказалась.

Дьяконов не стал на этом настаивать и, подписав сам протокол, передал его присутствующим при допросе Батулину и двум красноармейцам. Один из них (Уваров) приписал к протоколу: «Признание Фани Каплан сделано при мне»²⁹.

Из военного комиссариата Замоскворецкого района Каплан была доставлена в ВЧК, в кабинет заместителя

председателя ВЧК Я. Х. Петерса*. У него находились наркомюст Д. И. Курский** и секретарь ВЦИК В. А. Аванесов***.

После председателя Московского революционного трибунала допрашивал Каплан представитель Наркомюста М. Ю. Козловский****. По свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, на М. Ю. Козловского Каплан произвела впечатление истерички. «Несомненно, это дело рук организации эсеров», — сказал М. Ю. Козловский.

После него Каплан допрашивал наркомюст Д. И. Курский. Покушавшаяся наотрез отказалась назвать себя, сообщить какие-либо сведения — откуда она взяла револьвер, с кем была связана и пр. После допроса Каплан водворили в одиночную камеру. Ее допрашивали Я. Х. Петерс, В. Э. Кингисепп, зав. отделом ВЧК по борьбе с контрреволюцией Н. А. Скрыпник.

Яков Христофорович Петерс писал: «Каплан, совершившая гнуснейшее преступление — равнившая Владимира Ильича, была доставлена в ВЧК... Вела она себя чрезвычайно резко и вызвала возмущение сотрудников и тех сотен рабочих и ответственных работников, которые приходили в ВЧК после покушения»³⁰.

Чекист И. А. Фридман вспоминал, что во время допроса Каплан Я. Х. Петерсом присутствовал Яков Михайлович Свердлов.

В написанных ветераном-чекистом воспоминаниях говорится:

* Петерс Яков Христофорович — член партии большевиков с 1904 года. Участник революции 1905—1907 годов и Октябрьского вооруженного восстания 1917 года. Член Петроградского военно-революционного комитета. С декабря 1917 года — член коллегии и заместитель председателя ВЧК. В последующее время — чрезвычайный комиссар Петрограда, комсдант Петроградского и Киевского укрепрайонов, член Военного совета Тульского укрепленного района, полномочный представитель ВЧК в Туркестане, член коллегии ОГПУ, председатель Московской КК — РКИ.

** Курский Дмитрий Иванович — член КПСС с 1904 года, юрист, участник трех революций, первый советский Генеральный прокурор, полпред СССР в Италии (1928—1932).

*** Аванесов (Мартirosян) Барлаам Александрович — член РСДРП с 1903 года, входил в состав Петроградского ВРК, в 1919—1924 годах — член коллегии ВЧК.

**** Козловский Мечислав Юрьевич — член КПСС с 1896 года, видный деятель социал-демократии Польши и Литвы. Активный участник Октябрьской революции. Председатель Следственной комиссии, член коллегии Наркомюста (некоторое время — народный комиссар юстиции Литвы и Белоруссии), председатель Малого Совнаркома.

«Террористка блуждающим взглядом осмотрела всех и села на стул. Я стою охраняющим часовым. Петерс задал вопрос: «Ваша фамилия?» Она молчит. Вопрос повторяется. Она не отвечает. Второй вопрос: «К какой политической партии принадлежите?» Она молчит. Третий вопрос: «Какая организация вам поручила совершить террористический акт против вождя рабочего класса Ленина?»

Вместо ответа она резким броском головы прикрывает лицо распушенными волосами. Всегда спокойный Свердлов, возмущенный наглым поведением террористки, ударил кулаком по столу, вскочил со стула и резко выкрикнул: «Я, как председатель высшего исполнительного органа Советской власти — ВЦИК, требую от вас, стрелявшей в товарища Ленина, ответа. Кто вы? Фамилию назовите! Кто поручил вам совершить это неслыханное злодеяние против вождя рабочего класса России? Говорите! Вы эсерка? Агент мирового капитализма? Говорите же!»

Каплан, продолжая отказываться отвечать на вопросы, сказала: «Я сидела в царских тюрьмах, жандармам ничего не говорила и вам ничего не скажу. В Ленина я стреляла...» Затем истеричным тоном закричала: «Убила я его или нет? Жив он или нет?»

После этих слов по ее адресу раздались возгласы возмущения. А товарищ Свердлов своим чеканным голосом воскликнул: «Да, да, наш дорогой товарищ Ленин жив и будет жить!»

Каплан как сумасшедшая вскочила со стула, схватилась за волосы.

Тов. Свердлов и Петерс приказали увести истеричку»³¹.

В ходе дальнейшего следствия Каплан показала, что она родом из Волынска, что ее родители в 1911 году эмигрировали в Америку, что по своим политическим убеждениям она эсерка, а в прошлом анархистка. Октябрьскую революцию встретила враждебно. «Я стояла за Учредительное собрание и сейчас стою за это, — заявила террористка, — всецело стою за союз с союзниками против Германии...»³².

Интересы защиты завоеваний Октября потребовали ответить на происки контрреволюции чрезвычайными мерами. Советский народ на белый террор ответил красным террором.

По указанию правительства ВЧК усилила борьбу с контрреволюционерами. По постановлению коллегии ВЧК

Каплап (она же Ройтблат) 3 сентября 1918 года была расстреляна.

Ленин будет жить! Когда Владимира Ильича привезли в Кремль, он не стал ждать, пока принесут носилки, сам поднялся по лестнице на третий этаж.

В это время в Совете Народных Комиссаров в Кремле, в ожидании заседания, находился нарком социального обеспечения А. Н. Винокуров, по профессии врач. Неожиданно его вызвали на квартиру Владимира Ильича для оказания ему первой медицинской помощи*.

Вот его рассказ: «Одна пуля, произведя перелом плечевой кости, застряла вверху у лопатки. Эта рана жизни не угрожала, но другая пуля прошла через шею, затем в верхушку легкого, вызвала внутреннее кровоизлияние в полость плевры. Только каким-то чудом пуля не задела важных для жизни органов, крупных кровеносных сосудов и нервов; ранение одного из них повлекло бы неминуемую смерть»³³.

Для лечения В. И. Ленина были привлечены Н. А. Семашко, В. А. Обух, В. М. Бонч-Бруевич, Б. С. Вейсброд, А. Н. Винокуров, М. И. Баранов, В. Н. Розанов и профессор В. М. Минц.

Врачи вспоминали, что в те часы Ленин был на грани между жизнью и смертью: из раненого легкого кровь заполняла плевру, пульса почти не было.

Доктор Борис Соломонович Вейсброд вспоминал, что Ленина спас от смерти случайный и счастливый поворот головы³⁴.

О том же говорил известный хирург Владимир Николаевич Розанов. Впоследствии он отмечал «своеобразный счастливый ход пули, которая, пройдя шею слева направо, сейчас же непосредственно впереди позвоночника, между ним и глоткой, не поранила больших сосудов шеи. Уклонись эта пуля на один миллиметр в ту или другую сторону, Владимира Ильича, конечно, уже не было бы в живых»³⁵.

Владимир Ильич, как уже сказано, был ранен двумя пулями.

Могучий организм Ленина справился с испытанием, и уже 16 сентября Владимир Ильич принял участие в заседании ЦК.

* Квартира В. И. Ленина находилась рядом с залом заседаний Совнаркома.

На следующий день после ранения Владимир Ильич потребовал газеты, на второй — стал шутить, не подчиняться дисциплине, вообще «бушует», как отмечал Я. М. Свердлов. На третий день Ленин завел разговор о том, когда он снова сможет выступать перед рабочими, на шестой встал и прошелся по коридору.

Доктор Б. С. Вейсброд вспоминал: «Едва почувствовав себя сносно, Ленин стал пренебрегать советами врачей и возобновил напряженную работу. Вскоре после ранения мне пришлось однажды ночью по просьбе Марии Ильиничны позвонить по телефону на заседание Совнаркома, чтобы оттуда заставили уйти Владимира Ильича.

— Ничего не можем с ним сделать, — ответил Я. М. Свердлов. — Единственный выход закрыть сейчас заседание»³⁶.

Злодейское покушение 30 августа 1918 года вызвало ликование в стане врагов. Буржуазные газеты в столицах капиталистических стран поместили телеграммы из Ревеля, Гельсингфорса, Риги, Варшавы о том, что В. И. Ленин убит. Крупнейшие телеграфные агентства — Гавас, Рейтер, Вольфа поспешили «подтвердить» эти сообщения.

Но простые люди во всем мире не верили буржуазным газетам: ведь из 100 сообщений о Советской России, как правило, 99 были насквозь лживы.

Враги жестоко просчитались в своих надеждах. Вот как описывал настроения в Красной Армии командующий Северным фронтом М. С. Кедров*.

«Помню день, день получения на фронте потрясающего известия о ранении Ильича. Дрогнул фронт... Но то был миг... И вспыхнул огонь, ленинский огонь в каждом бойце, и огненной волной прокатилась по необъятному фронту непоколебимая клятва... Отомстим! Победим!

Ошиблись враги. Ленин будет жить — такова воля пролетариата. Он, раненный, оставался тем незримым вождем Красной Армии, который и в донских степях, и в Кавказских горах, и в сибирской тайге, и в архангельской тундре вел красные полки вперед, к конечной победе»³⁷.

Злодейское покушение на жизнь Владимира Ильича острой болью отозвалось в сердцах трудящихся. На засе-

* Кедров Михаил Сергеевич — член КПСС с 1901 года. С мая 1917 года — член военной организации при ЦК РСДРП и Всероссийского бюро большевистских организаций. После Октябрьской революции на ответственных военных постах, член коллегии ВЧК.

дании ВЦИК 2 сентября 1918 года Я. М. Свердлов заявил: «Товарища Ленина заменить мы не можем никак»³⁸. Повсюду шли митинги. Люди требовали беспощадной расправы с контрреволюционерами.

«Покушающимся на жизнь вождя трудового народа, а следовательно, на весь трудовой народ и его завоевания не может быть пощады», — писали в протоколе членам казачьего комитета при ВЦИК³⁹.

Вот весьма характерный эпизод, говорящий о настроении рабочих. После окончания митинга на одного из ораторов обрушился град негодующих вопросов и восклицаний:

— Пока гром не грянет, мужик не перекрестится, — так и вы: толкуете все время о белогвардейцах, контрреволюционерах, гражданской войне, о врагах, действующих изподтишка, — как же вы при всем этом выпускали товарища Ленина на митинг? Мало ли какая сволочь может туда пробраться! Вашего брата тоже надо было бы вздуть, как следует.

В толпе заговорили все сразу:

— Добровольно на плаху голову кладут!

— Мало ли ему работы?!

— Газеты есть: два слова написал, и то довольноно.

— Надо бы на «чрезвычайку» нажать!

— Уже такое разгильдяйство, прямо сил нету!..

— Поди ты, одного выпускают, черти эдакие.

— Не двадцать человек, один он — и береги!

— Конечно, он пойдет, к своим идет, так ты его береги как следует⁴⁰.

С тревогой и надеждой читались бюллетени о состоянии Ильича. Со всей страны в Москву шли сердечные, задушевные письма трудящихся. «Дорогой товарищ Ленин», «Дорогой Владимир Ильич»... Так или почти так начинались письма и телеграммы с трепетной заботой о его здоровье, со словами жгучей ненависти к обнаглевшему врагу.

На грандиозный митинг в петроградском цирке «Модерн» собрались тысячи взволнованных людей. В принятой резолюции было сказано: «Мы, трудящиеся, вчерашние рабы и сегодняшние владыки земли русской, шлем свой горячий привет товарищу Ленину. Товарищ Ленин вдохновляет! Товарищ Ленин будет жить! Эти слова звучат в наших сердцах, сердцах пролетариев как победный звон. Да будет жив товарищ Ленин! Да будет жив на страх и на гибель угнетателям всего мира!»⁴¹.

Многотысячные митинги проходили на Васильевском острове — на набережной Невы, в Морском корпусе (ныне Высшее военно-морское училище имени М. В. Фрунзе) и др. Рабочие Кабельного и Трубочного заводов, табачной и ситценабивной фабрик приняли резолюции о беспредельной преданности идеям ленинской партии.

Исполком Новоладожского Совета так написал Ильичу: «Знай, что в каждом медвежьем уголке Советской России тебе плюют привет. Вечная слава тебе, вождю пролетариата, нашему дорогому товарищу».

10 сентября 1918 года советские войска освободили от белогвардейцев Казань. 12 сентября Красной Армией был взят город Симбирск. Это были первые победы Красной Армии.

После взятия Симбирска митинг красноармейцев под председательством В. В. Куйбышева принял решение послать телеграмму В. И. Ленину следующего содержания:

«Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара!»⁴².

Телеграфный ответ Пензенскому губисполкому и Реввоенсовету 1-й армии был таким:

«Взятие Симбирска — моего родного города — есть целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы. Ленин»⁴³.

Провал «Заговора послов». Среди раскрытых антисоветских заговоров одним из первых был «Заговор послов». Его вдохновителем и организатором был глава специальной английской миссии при Советском правительстве Локкарт.

— Этот матерый английский разведчик, — рассказывал Я. Я. Буйкис *, — долгие годы жил в России, в совершенстве знал русский язык, обрусел, одно время даже играл форвардом в одной из футбольных команд Подмоскovie. Являясь официальным руководителем английской дипломатической миссии в Советской России, он стал реализовывать планы свержения рабоче-крестьянской власти. Именно к нему пришли мы с чекистом Спрогисом,

* Буйкис Ян Янович — член КПСС с июля 1917 года, бывший подпоручик латышского стрелкового полка, чекист, принимавший непосредственное участие в ликвидации заговора Локкарта.

имел рекомендательное письмо английского военно-морского атташе в Петрограде Френсиса Аллена Кроми...

В одну из очередных встреч Локкарт решился: от имени держав-союзников он предложил Буйкису (Шмидхену) и Спрогису (Бредису) принять участие в заговоре с целью свержения Советской власти. Конечно, им обоим было обещано крупное положение в Латвии. На подкуп латышских стрелков, охранявших Кремль, Локкарт обещал 10 миллионов рублей («Деньги эти — аванс, денег будет столько, сколько нужно»).

Дипломат-заговорщик без тени колебаний потребовал: — В самом начале физически убрать Ленина. Если Ленин останется жив, даже захват Москвы и Петрограда не сулит нам решающего успеха⁴⁴.

Приложил руку к контрреволюционному заговору и английский агент Сидней Рейли. Он выступил против предложений об аресте В. И. Ленина и других членов Советского правительства. «Ленин обладает удивительной способностью подходить к простому человеку. Можно быть уверенным, что за время поспздки в Архангельск (заговорщики планировали привезти сюда арестованных. — *И. З.*) он сумеет склонить на свою сторону конвойных и те освободят его. Поэтому было бы наиболее верным Ленина немедленно после ареста расстрелять», — заявил этот матерый провокатор и шпион⁴⁵.

Этим чудовищным планам не суждено было сбыться. Белый террор буржуазии, убийство Володарского, Урицкого, покушение на Владимира Ильича заставили Советскую власть ускорить ликвидацию заговора Локкарта. П. Д. Мальков доставил Локкарта в ВЧК. При обыске в его особняке было обнаружено несколько револьверов и громадная сумма денег. Часть денег была замаскирована... сигарами.

Важную роль в раскрытии заговора Локкарта сыграл командир 1-го легкого артиллерийского дивизиона латышской дивизии Эдуард Петрович Берзиня. Вместе с чекистами он перехитрил опасных врагов молодого Советского государства, дав «согласие» Локкарту принять участие в перевороте, аресте главы Советского государства и т. д. Именно ему Локкарт передал свыше миллиона рублей для подкупа латышских стрелков, охранявших Кремль.

1 миллион 200 тысяч рублей английского представителя-заговорщика были принесены в чемодане в кабинет председателя ВЦИК Якова Михайловича Свердлова. По-

следний распорядился создать из них фонд по оказанию помощи семьям латышских стрелков, погибших в борьбе за власть Советов.

В докладе на имя председателя ВЦИК Э. П. Берзин писал:

«Узнав о грозившей товарищу Ленину опасности, я сейчас же поехал к нему, доложил о дьявольских планах пегодяев и предупредил, чтобы он был осторожным. Но Владимира Ильича все эти планы английских мерзавцев только развеселили, он расхохотался и воскликнул: «Со всем как в романах. Это почище Конан-Дойля. Пинкертоновщина»⁴⁶.

Славные имена. После второго покушения на жизнь В. И. Ленина была организована его личная охрана. Первыми, кому выпало счастье выполнять эту почетную и ответственную обязанность, были бойцы отряда ВЧК — свеаборгцы.

Этот советско-финляндский отряд по прибытии из Гельсингфорса был передан в распоряжение ВЧК. В отряд входило много молодежи.

«До рапения, — отмечала Н. К. Крупская, — охрана была весьма проблематична. Ильич был к ней непривычен, да и она еще неясно представляла себе, что ей делать, как вести себя»⁴⁷.

Одним из тех, кто был выделен в личную охрану Ильича в первые же дни сентября 1918 года, был К. А. Дунц*.

— О выстрелах 30 августа я и мой брат Альберт, — вспоминал он, — узнали в поезде по дороге из Саратова в Москву. Не успели мы оказаться в латышской секции на Старой Басманной улице Москвы (там состояли латыши-коммунисты), как по поручению Дзержинского к нам пришли чекисты.

— Нам нужны смелые, храбрые люди, — сказал один из них.

— А как узнать, как распознается эта самая смелость? Может быть, по росту? — в шутку спросил один из присутствовавших, показывая на меня и такого же высокого брата.

— Главное, — не рост, а преданность революции, — ответил чекист.

Коммунисты братья Дунц были зачислены в боевой отряд свеаборгцев при ВЧК.

* Дунц Карл Адамович — член КПСС с мая 1917 года, красногвардеец, длительное время работал в органах ВЦИК — ОГПУ.

— Вскоре к нам в отряд, — продолжал свой рассказ К. А. Дунц, — пришел заместитель Феликса Дзержинского Петерс. Без всяких предисловий он назвал ряд бойцов отряда — среди них были я и Альберт — и сказал, что мы выделяемся на сверхважное, необходимейшее дело — охранять товарища Ленина. Среди нас были бородатые и юнцы. Мне 23 октября 1918 года исполнилось 18 лет⁴⁸.

Отобранных бойцов на двух «фиатах», санитарных машинах, отвезли в Горки*, в бывшее имение московского градоначальника Рейнбота.

Петр Никифорович Пташинский, состоявший в охране В. И. Ленина в Горках с сентября 1918 года, дополняет воспоминания К. А. Дунца:

— Яков Христофорович пришел в наше общежитие в доме № 7 по Варсонофьевскому переулку с заранее подготовленным и согласованным с Феликсом Эдмундовичем списком намеченных для охраны товарища Ленина. Всех нас он знал лично, так как каждый из нас неоднократно выполнял различные задания при его личном участии и руководстве. Прочитав список, Яков Христофорович — он пришел к нам вечером 23 сентября, — объявил, что рано утром 24 сентября мы все выезжаем на особо важное задание, к которому необходимо тщательно подготовиться, — проверить личное оружие, почистить его, получить комплекты патронов, взять станковые пулеметы... Когда на следующий день мы приехали в Горки, Яков Христофорович, обращаясь к прибывшим, сказал:

«Товарищи! Центральный Комитет партии и Совет Народных Комиссаров поручают вам здесь, где временно будет находиться Владимир Ильич Ленин, охранять его. Феликс Эдмундович поручил сказать, что он надеется, что вы оправдаете оказанное доверие».

* Горки — усадьба, принадлежавшая герою Отечественной войны 1812 года генералу Писареву. Новыми владельцами усадьбы стали капиталисты Герасимовы.

В начале XX века Горки приобрел фабрикант Савва Морозов. После смерти последнего его вдова передала дом своему новому мужу, генералу Рейнботу.

— Горки, — подчеркивал П. И. Пташинский, — располагали всем необходимым для временного отдыха. Прекрасно сохранившийся дом со службами в густом лесу и парком вокруг него на высоком берегу реки Нахры. Отдаленность от села ограждала от хождения через территорию окрестных жителей. Яблоневый садик, обилие созревшей антоновки существенно обогащали скудный рацион Ильича. С террасы открывалась широкая панорама окрестностей...

— Дело важнейшей партийной и государственной важности, — продолжал Шташинский, — охрана жизни Владимира Ильича, было поручено члену партии большевиков с 1904 года, заместителю Ф. Э. Дзержинского Якову Христофоровичу Петерсу. За время пребывания Ленина в Горках в 1918 году, а это время длилось всего 21 сутки, Петерс побывал там не менее двенадцати раз, иногда приезжал дважды за день⁴⁹.

Вошедший в состав охраны В. И. Ленина Я. М. Рубашевский * вспоминал:

— Когда мы прибыли в Горки, старший нашей группы приказал нам до вечера привести весь дом в порядок: ожидался приезд Владимира Ильича. Дом был давно покинут, в помещениях было грязно, царило запустение. Мы вытирали окна, полы. В вечеру все помещение было приведено в порядок⁵⁰.

В. И. Ленин приехал в Горки 25 сентября 1918 года. Его и Н. К. Крупскую сопровождал Яков Христофорович Петерс. За рулем автомашины был Степан Казимирович Гиль. Ему хорошо запомнилась эта первая поездка с В. И. Лениным в Горки.

— Мы выехали из Москвы, — вспоминал он, — ранним утром 25 сентября. Светило солнце. На небе еле проглядывались узкие полоски облаков. Воздух был насыщен ароматным запахом поля и леса. Все предвещало теплый солнечный день. Владимир Ильич был в очень хорошем настроении. Он шутил, разговаривал с Надеждой Константиновной и сопровождавшим их Петерсом.

До Горок расстояние 35 километров. Мы его проехали довольно скоро: во всяком случае, все так признали. Я не знал, на какое именно время Ильич едет сюда отдыхать, но в душе очень хотелось, чтобы отдых не ограничился только несколькими днями...

Усадьба поразила всех. «Обстановка была непривычная, — отмечала Надежда Константиновна. — Мы привыкли жить в скромных квартирах, в дешевеньких комнатах и дешевых заграничных пансионатах и не знали, куда сунуться в покоях Рейнбота. Выбрали самую маленькую комнатку, в которой Ильич потом, спустя 6 лет, и умер; в ней и поселились... Встретила охрана Ильича приветственной речью и большим букетом цветов. И охрана и Ильич чувствовали себя смущенными...»⁵¹

* Рубашевский Ян Мартынович — член КИСС с 1918 года, с 1918 года — в отряде сваборгцев, ветеран-чекист, участник Великой Отечественной войны.

Старшим по охране был Роберт Матисович Габалин, скромный, дисциплинированный, беспредельно преданный великому делу рабочего класса, славный сын латышского народа.

«В. И. Ленин относился с явной симпатией к своему тихому и скромному постоянному спутнику Роберту Габалину, в котором, кроме его кавалерийской шинели, не было ничего от военного. Такое же расположение к Роберту Габалину высказывали Н. К. Крупская и М. И. Ульянова»⁵².

В Горках Р. М. Габалин не отходил от Ленина.

В своих заботах о больном Владимире Ильиче Надежда Константиновна Крупская и Мария Ильинична часто обращались к Роберту за советом, выясняя, как лучше снабжать Ленина продуктами.

Крупская и Мария Ильинична заботились о Ленине, а он, в свою очередь, о них. Владимир Ильич просил Габалина достать теплую одежду для Крупской и Марии Ильиничны.

По приезде в Горки Владимир Ильич вначале не желал жить в большом доме с колоннами, а поселился с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной в маленьком домике, который называли Северным флигелем. На первом этаже этого дома разместились сотрудники охраны. Вся территория в Горках, включая большой парк, не имела никакого забора, ограждения, что с учетом смелости дежурств требовало должной охраны.

В разное время состав охраны менялся. Одни уходили на фронт, вместо них назначались другие.

В составе охраны В. И. Ленина в 1918 году, кроме братьев Дунц, Роберта Габалина и его брата Арвида, состояли: Алексис, Цируль, Интэ, Звирбул, Звейзгнэ, Озолин, Шизан, Иташинский, Слесарев, Стаклис, Рубашевский, Рушкис, Чебанов, Хейфиц, Фридрихсон, Эрман.

В 1919 году в состав охраны В. И. Ленина вошли Алексеев, Новиков, Бивин, Мельников, Лагуткин, Закрочинский.

В 1922 году в составе охраны в Горках состояли: Аликин, Балтрушайтис, Бельмас, Богданов, Берзин, Борисов, Горбунов, Еремин, Закрочинский, Иванов, Иванычев, Козак, Кравченко, Кулик, Матвеев, Недобежкин, Непомнящий, Нуколов, Обухов, Пакаля, Петрасов, Пидюра, Пинковский, Проценко, Рыжов, Сердюков, Соколов, Сотников, Струнец, Суслин, Теркин.

Старшим был Петр Петрович Пакаля.

кал случая новых встреч с «солдатами Ильича». Председатель ВЧК заботился об их быте, досуге, их работе над собой.

Многие поручения работникам охраны Ленина Феликс Эдмундович передавал через А. Я. Беленького. Последний проводил большую работу среди личного состава охраны Ленина.

Беленький не раз говорил сотрудникам охраны: «Ребята! Никто не воспрещает вам спросить о чем-нибудь Ильича, он всегда ответит и никогда не будет в претензии. Но помните, что, углубившись в свои думы, он ведь продолжает работать. И мы не имеем права ему мешать».

Я. Х. Петерс и А. Я. Беленький регулярно ездили в Горки, проверяли несение службы охраной. В один из очередных приездов Я. Х. Петерса в Горки Владимир Ильич пожаловался, что кое-кто из охраны неотступно следует за ним. Петерс собрал товарищей из охраны и вновь повторил им инструкцию Ф. Э. Дзержинского.

В то же время обстановка требовала постоянного внимания. Владимир Ильич допоздна гулял по парку, а там появлялись неизвестные люди. Правда, о пребывании в Горках В. И. Ленина поначалу никто из окружающего населения не знал и не должен был знать.

— Беленький, — вспоминал А. Юргенсон, — сказал, что окрестному населению не надо пока знать о том, что здесь будет находиться Ленин. Говорите, что это профессор, а вы студенты⁵⁴.

Много интересного об этом первом кратковременном пребывании Ильича в Горках можно найти в воспоминаниях П. Н. Пташинского.

— В Горки мы приехали днем 24 сентября 1918 г. Владимир Ильич приехал позже. Вместе с ним прибыли Н. К. Крупская, Мария Ильинична и доктор П. А. Семашко, народный комиссар здравоохранения РСФСР.

В день приезда Ильича ночью мне предстояло стать на свое первое дежурство. Решил поспать и хотел прилечь на кресла, которые поставил рядом с лестницей, ведущей на второй этаж. Попытка оказалась неудачной — ролики разъехались, я шлепнулся на пол. Пытаясь подняться, я посмотрел вверх. На ступеньках стояла Надежда Константиновна и, улыбаясь, глядела на мое барахтанье. Мне стало очень стыдно, быстро вскочив на ноги, я стал по стойке смирно. Продолжая улыбаться, Крупская попросила меня помочь разжечь камин в комнате Ильича.

Вместе с Алкснисом и другим товарищем из охраны мы наципили и накололи березы на хозяйственном дворе и принесли несколько охапок на второй этаж.

Моя вторая попытка улечься отдохнуть снова была безуспешной. Вдруг раздался крик: «Пожар! Пожар, в комнате Ильича!»

С двумя ведрами воды я бросился в комнату Ильича, где сквозь дым увидел Семашко. Николай Александрович схватил у меня из рук ведро и вылил воду в горящий камин, потом второе ведро... Все мы были испуганы. Самым хладнокровным и самым спокойным человеком среди нас оказался Владимир Ильич. «Надюша, — сказал он, — успокойся, ничего страшного нет, вероятно, камин давно не чистили, вот сажа и горит». Ильич стоял, прислонившись к окну, и смотрел, как мы льем воду в камин...

В охране было двадцать человек. Дежурства были круглосуточные: днем количество дежурных сокращалось, в сумерках и ночью оно увеличивалось.

Первое время мы не очень понимали, как нужно себя держать. Охранять в нашем понимании означало не допускать на территорию усадьбы никого постороннего. Поэтому каждый из нас стремился быть близко к В. И. Ленину. И маячили перед его глазами без надобности. Очевидно, это вело к тому, что мы чаще, чем это было нужно, сталкивались с ним во время его прогулок по усадьбе. С Надеждой Константиновной чаще всего встречи происходили на кухне, где она готовила скудную пищу. Как правило, это был жидкий суп, картофельное пюре и две маленькие мясные котлетки.

Мы хорошо знали, с какими продовольственными трудностями сталкивается Советская власть, но не могли все же примириться с тем скудным рационом, который позволял себе Владимир Ильич. Поэтому, когда приехал Петерс, мы набросились на него чуть не с кулаками.

Петерс заверил нас, что в ближайшие дни питание Ленина улучшится. Действительно, через несколько дней в Горки на имя Ильича стали поступать продовольственные посылки от рабочих кооперативов и крестьянских обществ. Обрадованные, мы с посылками в руках поднялись на второй этаж. Навстречу нам вышла Надежда Константиновна. Она удивилась, спросила, что это за посылки, сказала: «Подождите» — и ушла в комнату к Ильичу. Спустя несколько минут она возвратилась:

— Свяжитесь с товарищем Мальковым, возьмите у

него адреса детских больниц и отправьте по этим адресам посылки.

— Надежда Константиновна, хотя бы одну посылку оставьте для Владимира Ильича, — взмолился я.

— Вы, юноша, хотите огорчить Владимира Ильича, — ответила Крупская. — Выполните его желание.

В моей памяти особенно сильно запали две встречи с Владимиром Ильичем.

Сидели мы как-то в библиотеке Рейнбота. Читали, разговаривали. У меня в руках была книга «Последний самодержец», изданная в Берлине в 1911 году на русском языке. И дата и название вызывали у меня недоумение. Вдруг кто-то из ребят сказал: «Хлопцы, а что если в библиотеку войдет Ильич?»

Мы действительно не знали, как должны держать себя: Владимир Ильич устал, плохо себя чувствовал, и отвлекать его, тем более нарушать его отдых, мы не имели права. Поэтому единогласно мы решили: если войдет Ильич, все встанем и выйдем.

Только договорились — открывается дверь и входит Ленин.

— Здравствуйте, товарищи!

Мы поздоровались, стали подниматься, чтобы выйти, но он остановил нас:

— Сидите, сидите, я вам не помешаю, я на минуту.

Ильич подошел к книжной полке, поднялся по лестничке и стал выбирать книги. Сойдя с лестнички, он спросил меня:

— Что вы читаете, юноша?

Набравшись храбрости, я поинтересовался:

— Владимир Ильич, как они узнали в 1911 году, что Николай II будет последним царем?

Ильич, взял у меня из рук книгу, посмотрел на нее и сказал:

— Не знали они этого, не об этом речь. Николай вынужден был под напором революционных масс объявить конституцию и созвать Думу, и стал конституционным царем, а не самодержцем. Учитесь. Читайте Маркса, Энгельса, читайте нашу партийную литературу, будете грамотными марксистами, все будете понимать.

После этого Ленин стал расспрашивать, откуда я, кто мои родители, как я попал в ВЧК, сколько мне лет. Признаться, в те времена я помалкивал про свои шестнадцать лет, опасался, что пошлют на кухню картошку чистить, и потому везде писал и всем говорил, что мне 18 лет.

В. И. Ленину я не смог сказать неправды, но и шестнадцать, как мне казалось, было маловато, и я ответил: «Семнадцатый». Присутствовавший при этом мой дружок Генка Хейфиц поддержал меня, он стал говорить: «Владимир Ильич, Петька уже был на австрийском фронте, награжден Георгиевским крестом, в январе в Одессе ранен, сжег немцам самолеты...» Взъерошив на моей голове волосы, Ильич спросил:

— Как там оккупанты, лютуют?

— Лютуют, — ответил я.

— А как себя ведут рабочие, как население?

Я, как мог, рассказал Владимиру Ильичу о положении в Одессе. Потом он так же подробно расспросил всех, кто был в библиотеке, каждому задавая вопрос: чем думает заняться, когда закончится война?

...Незадолго до окончания отдыха В. И. Ленина в Горках Генка и я сидели на скамье недалеко от большого дома. Вдруг неожиданно появился Владимир Ильич.

— Здравствуйте, юноши, чем занимаетесь?

Мы вскопили, Генка стал по стойке «смирно» и громко отрапортовал:

— Охраняем жизнь вождя мировой революции!

Это было так неожиданно и нелепо! Мы ведь знали, как не терпел и не любил Ильич возвеличивания и восхваления! Нужно было видеть в тот момент Ленина! Обычно приветливый, благожелательный к нам, хотя он и не любил, чтобы его охраняли.

— Революция, — говорил Ильич, — нуждается в каждом солдате, а тут 20 здоровых парней бездельничают около моей особы. — Он вдруг резко изменился. Лицо его стало суровым, на нем появилось выражение обиды.

— Кто вас, юноша, научил так выпендриво выражаться? Зряшним делом занимаетесь!

И, махнув рукой, Ленин ушел.

Поздно вечером Петерс собрал всех, кроме дежурных, в Северном флигеле и отругал нас за «вождя мировой революции» так, что мы долго не могли поднять головы.

— Ваша задача и обязанность — ни на секунду не упускать Владимира Ильича из виду. Но и на его глаза также не должны попадаться, — закончил гневную тираду Петерс...⁵⁵

«Это наше партийное поручение». Как уже отмечалось, Владимир Ильич нередко тяготился охраной. В. Г. Сорин, член большевистской партии с 1917 года, проживавший одно время в Горках, вспоминал:

«Как-то вечером на сапаторскую дачу (в сапатории Московского комитета партии. — *И. З.*) приходит т. Шмидель (из Хамовнического района), видимо, обеспокоенный чем-то, и торопливо рассказывает, что он только что встретил Владимира Ильича, который пошел через плотину в Горки один, без всякой охраны... Нас всех это встревожило: мало ли что может случиться? Решили тотчас же бежать в Горки, сопровождать Владимира Ильича, но издали, чтобы он не видел. Так и сделали. И пока Владимир Ильич не спеша проходил по Горкам, а потом тем же путем возвращался обратно, мы поодаль сопутствовали ему, и Владимир Ильич, конечно, не знал, что он идет не один, а «в обществе» нескольких коммунистов»⁵⁶.

Работники охраны сопровождали В. И. Ленина в его поездках в Москву и на предприятия, где он выступал.

Свое недовольство по этому поводу Ленин не раз высказывал Дзержинскому.

— Какое преступление я совершил, — как-то шутя сказал Ленин Феликсу Эдмундовичу, — что каждый мой шаг контролируется? Вам это тоже было бы неприятно.

— Эти люди отвечают за вас своей головой. Мы не имеем больше права пускать вас одного куда бы то ни было — таково постановление Центрального Комитета партии. Как видите, нас научили...⁵⁷

Когда В. И. Ленин высказывался о своем отношении к охране А. Я. Беленькому, тот находил «универсальное» объяснение.

— Это наше партийное поручение!

В свободное от дежурств время работники охраны занимались политическим самообразованием, много читали. Книжки брали из своей скромной библиотеки и огромной библиотеки, сохранившейся после Рейнбота.

Надежда Константиновна подсказала — хорошо бы зарегистрировать книги бывшего московского градоначальника. За эту работу сразу принялась охрана. К удивлению всех, в этой библиотеке оказались и некоторые революционные книжки и даже работы В. И. Ленина. К Рейнботу они попали в результате обыска у революционеров.

Владимир Ильич был приятно удивлен, увидя свои работы.

— Вот это хорошо. У меня самого они не сохранились, — сказал он. — Регистрируйте дальше, может быть, найдется что-либо еще⁵⁸.

Обстановка свидетельствовала о своевременности принятых мер по охране народного вождя.

И. П. Растончин, член КПСС с 1903 года, член ЦКК, участник многих партсъездов, председатель Костромского горкома партии, вспоминал: «Незадолго до празднования первой годовщины Октября нам стало известно, что проживавшие в городе бывшие царские офицеры собираются по-своему встретить этот праздник. Стало известно доподлинно, что они вынашивают план покушения на товарища Ленина. Я немедленно выехал в Москву, зашел к Дзержинскому и ознакомил его с имевшимися у нас данными. Феликс Эдмундович сказал, что покушение на Владимира Ильича 30 августа показало, что враги революции не стесняются в выборе средств борьбы. Для поимки проживавших в Костроме заговорщиков Дзержинский порекомендовал привлечь самих рабочих и обязал руководителя Костромской ЧК выступить перед рабочими на открытых собраниях с призывом к революционной бдительности».

Постоянный состав личной охраны В. И. Ленина был малочисленным. Вот почему, когда Владимир Ильич выезжал на многлюдные собрания, к охране привлекались другие сотрудники ЧК.

Бывший матрос, старый большевик, ветеран-чекист с 1918 года Сергей Петрович Кораблев рассказывал:

— Все мы считали за большую честь и высокое доверие выполнять обязанности по охране Владимира Ильича. А эти обязанности заключались в том, чтобы, находясь с Лениным, думать и неослабно помнить только об одном: о безопасности Владимира Ильича. «Помните о 30 августа!» — сказал нам Дзержинский. Эти же слова я слышал и от Михаила Сергеевича Кедрова. Являясь членом коллегии ВЧК, он по поручению Феликса Эдмундовича провел с нами инструктаж перед тем, как мне и другим товарищам надо было выехать с Лениным на одно из массовых собраний в Москве. Было это в том же 1918 году...⁵⁹

6 ноября 1918 года Владимир Ильич снова приехал к рабочим бывшего завода Михельсона.

«Появление Ленина было неожиданным. Все были взволнованы. Радости рабочих не было границ. Возгласы приветствия в честь любимого вождя звучали в зале. Многие работницы и даже рабочие плакали. Владимир Ильич несколько раз поднимал здоровую руку, призывая к спокойствию. Наконец он смог начать речь...

Когда тепло провожаемый рабочими Ленин подходил к выходу, его спросили:

— Как же это вы приехали без охраны?

Владимир Ильич засмеялся и, прищурив глаза, сказал:

— Зачем мне охрана? Я же к рабочим приехал. Разве поднимется на меня рука рабочего?»⁶⁰

Конечно же, на этот раз жизнь Ильича оберегали чекисты. Об этом он сам мог и не знать...

7 ноября 1918 года... О нем вспоминал чекист Вольдемар Мартынович Буманис. В прошлом солдат латышского полка, в ходе Февральской революции полковым комитетом он был направлен в военное училище, стал прапорщиком. Начиная с октября 1918 года — служба в ВЧК. Феликс Дзержинский сказал тогда В. М. Буманису: «Вы будете принимать участие в выполнении наиболее ответственных операций по борьбе с контрреволюцией. И еще: охрана порядка во время публичных выступлений товарища Ленина. Если говорить точнее, таким, как вы, поручается охрана жизни Ленина»⁶¹.

Вечером 7 ноября 1918 года Ленин выступил на митинге-концерте сотрудников Всероссийской чрезвычайной комиссии. Его сопровождали, как об этом вспоминала присутствовавшая на митинге М. Ю. Габалина, А. Я. Беленький и Р. М. Габалин.

Встреча происходила в клубе ВЧК в доме 11 на Большой Лубянке — ныне улице Дзержинского. В. И. Ленин говорил о Великой Октябрьской революции, защищал ВЧК от нападок, исходивших не только от врагов. Ильич подчеркивал, что нельзя выхватывать отдельные ошибки ВЧК, не анализируя ее работу в целом. ЧК осуществляет непосредственную диктатуру пролетариата, и в этом отношении ее роль неосценима.

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ 1919-й

Обстановка в стране в 1919 году была тяжелой. На Петроград наступал Юденич. Английская газета «Таймс», выдавая желаемое за действительное, оповестила: «Часы красного Петрограда сочтены». Буржуазные врали сообщили, что якобы путиловские рабочие уже выслали Юденичу делегацию с хлебом-солью.

К Москве рвался Деникин: первому его полку, который вступит в Москву, был обещан миллион рублей золотом.

20 сентября 1919 года деникинцы взяли Курск, 1 октября — Воронеж, 13 октября — Орел, подходили к Туле. В Москве, которой угрожал враг, был создан Комитет обороны во главе с Ф. Э. Дзержинским.

«Пока побеждали Деникин и Юденич, — вспоминала Н. К. Крупская, — на имя Владимира Ильича приходила масса анонимных писем, содержащих в себе ругань, угрозы»¹

В сентябре 1919 года был раскрыт крупный заговор шпионов Деникина — членов контрреволюционной организации «Национальный центр». Наемники иностранного капитала готовили восстание в Москве, намечали органы власти на случай успеха восстания, но были схвачены с поличным.

В это опасное для страны время была объявлена партийная неделя и в РКП(б) вступило более 200 тысяч человек, в том числе много молодежи.

Нападение на автомобиль В. И. Ленина. Это случилось 19 января 1919 года... Накануне, 18 января, Владимир Ильич выступал на Московской общегородской

конференции РКП(б) и на II Всероссийском съезде учителей-интернационалистов.

Весь рабочий день Владимира Ильича 19 января, как обычно, также до предела был насыщен делами. Днем он выступал с речью с балкона здания Московского Совета на митинге протеста против убийства в Берлине германскими белогвардейцами — с ведома и по велению правительства социал-предателей Эберта и Шейдемана — вождей германского пролетариата — Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Вечером, после крайне напряженного дня, Владимир Ильич собрался навестить Надежду Константиновну, находившуюся в то время в Сокольниках на отдыхе в лесной школе.

Поездка в Сокольники, тогдашний пригород Москвы, имела еще и другой смысл. В лесной школе детвора устранивала елку. Побывать с детьми всегда было большим удовольствием для Ленина.

По поручению Владимира Ильича управляющий делами Совета Народных Комиссаров В. Д. Бонч-Бруевич захватил с собой сладости, немудреные детские игрушки и выехал в Сокольники раньше.

Степан Казимирович Гиль рассказывал: «Я подал машину Владимиру Ильичу в Кремль в точно указанное время, около шести часов вечера. Вместе с ним в автомашину села Мария Ильинична. Рядом со мной был чекист Чебанов. Владимир Ильич сказал: «Поедем к Надежде Константиновне». О поездке Владимира Ильича в Сокольники никто не знал, кроме Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича.

Зима выдалась, — продолжал Гиль, — на редкость снежной, а в Москве не очищали улицы от снега. Снежные сугробы, завалы делали невозможной скорость даже на такой машине, как «роллс-ройс», ныне экспонируемой в Музее В. И. Ленина. Я все норовил попасть колесами автомобиля на рельсы трамвая.

Миновав три вокзала на нынешней Комсомольской площади, мы выехали на прямую улицу, идущую к Сокольниковкам.

Владимир Ильич был в хорошем настроении, что-то рассказывал сестре, шутил, смеялся. Неподдалеку от бывшего пивоваренного завода Калининна (ныне завод безалкогольных напитков, ул. Русакова, дом 13) на дорогу выбежали четверо вооруженных человек и стали останавливать автомобиль.

— Стой!

— Остановись!

— Стрелять будем! — слышались голоса неизвестных.

Я хотел проскочить мимо, но Владимир Ильич, полагая, что это патруль, предложил остановить автомобиль»².

Резко затормаживая, автомобиль скользнул мимо неизвестных, которые, устремившись за ним, размахивали маузерами. Один из нападающих резким движением открыл дверцы автомобиля и, угрожая револьвером, потребовал, чтобы все вышли из машины.

— В чем дело? — невозмутимо спросил Ленин.

В ответ слышались брань и крики вооруженных бандитов. Один из них, выше других ростом, оказавшийся, как было впоследствии установлено, главарем банды, схватил за лацканы пальто Владимира Ильича.

Владимир Ильич вышел из машины на снег, за ним вышла Мария Ильинична:

— Что вы делаете? — с возмущением спросила она одного из напавших. — Ведь это же товарищ Ленин! Вы кто?..

Бандиты не обратили на эти слова никакого внимания. Двое из них стали по бокам В. И. Лепина, угрожая ему револьверами. Владимир Ильич вынул из кармана небольшой браунинг, документы. Тотчас один из нападавших вырвал все это из рук Ильича, засунул «добычу» в карман. Затем бандиты обыскали Ленина, забрали бумажник.

Несколько поодаль от автомобиля под дулом револьвера четвертого бандита стоял Чебанов, а про шофера Гиля бандиты как будто забыли.

— Я все еще сидел за рулем, — вспоминал С. Г. Гиль, — двигатель не выключал. В руках у меня был паган. Главаря банды я могу уложить мгновенно... Дверца переднего сиденья автомобиля открыта. Но Владимир Ильич находится в смертельной опасности. Ведь он стоит под двумя дулами бандитских револьверов. Если я пажму курок, свершится непоправимое: Ильичу не миновать несчастья...

Сунув паган за спинку сиденья автомобиля, С. Г. Гиль вышел из него, а его место за рулем занял один из нападавших. Вслед за ним в автомобиль влезли трое других. Не выпуская из рук маузеров, направленных на Ленина

и его спутников, бандиты на большой скорости умчались по направлению к Сокольникам.

Владимир Ильич посмотрел вслед скрывшейся из виду машины и, как бы говоря сам с собою, стал иронизировать по поводу того, что, будучи вооруженными, он и двое других мужчины без всякого сопротивления, так, можно сказать, нелепо отдали бандитам государственное добро — автомобиль. Работник охраны Чебанов и Гиль ссылались на то, что они не имели права подвергать жизнь Ленина риску.

— Ловко, ловко они нас обставили, — сказал Владимир Ильич, укоризненно смотря на Гиля и чекиста.

В руках последнего был бидон с молоком.

Смотря на бидон, который Чебанов успел вынуть из автомобиля, все расхохотались.

Бандиты напали на автомобиль В. И. Ленина на небольшом расстоянии от здания Сокольнического районного Совета. Владимир Ильич и его спутники направились в райсовет. Часовой, не зная, с кем имеет дело, вначале не пропускал их в здание. В самом райсовете никого, кроме дежурного, не оказалось. Мария Ильинична, глубоко взволнованная, едва войдя в помещение, присела на диван. Владимир Ильич в ожидании разговора по телефону с Дзержинским, задумавшись, ходил по комнате. К аппарату в ВЧК на Лубянке подошел Петерс. Он обещал немедленно поставить в известность о происшедшем Дзержинского и принять все необходимые меры.

Тем временем явился вызванный председатель районного Совета. Он долго и внимательно смотрел на Владимира Ильича и, убедившись, что это действительно Ленин, стал что-то говорить насчет мер, которые Совет примет для поимки бандитов.

— Поздновато, — сказал ему Владимир Ильич, — меры уже приняты. Я никогда не думал, — продолжал Ленин, — даже предположить не мог, что почти у самого Совета, на глазах постовых совершаются такие дела, открытые грабежи. Наверное, такие случаи у вас нередки?

Председатель районного Совета переминался с ноги на ногу и признал, что грабежи случаются.

— А что же вы предпринимаете? — спрашивал Ленин, не сводя глаз с районного руководителя.

— Боремся как можем, — ответил тот.

— Но, очевидно, не так энергично, как нужно, — ска-

зал Ленин. — Надо, товарищ, падо взятъся за это серьезно!

Прошло немного времени, и у здания Сокольнического райсовета Москвы стояли оперативные машины ВЧК. Ф. Э. Дзержинский поставил на ноги чекистов, милицию, уголовный розыск.

Во все районы были сообщены приметы автомобиля В. И. Ленина: «черный, крытый, № 10-48, при открытии дверок автоматически поднимаются подпожки...»

Нападение бандитов на автомобиль В. И. Ленина произошло, когда не было еще 7 часов вечера. На хождение в райсовет, переговоры с часовым, разговоры в райсовете и с ВЧК ушло время. Было поздно, но Владимир Ильич сел в одну из приехавших автомашин и продолжал свой путь в Сокольники.

Тотчас же по приезде на место он оказался в плогом кольце детворы. О происшествии в пути он вначале ничего не сказал Крупской. В Москву, к себе на квартиру в Кремль, Ленин вернулся поздно. На следующий день, 20 января 1919 года, он выступил в Колонном зале Дома Союзов на III Всероссийском съезде профессиональных союзов с речью о задачах советских профсоюзов.

О нападении бандитов Владимир Ильич вспомнил в своей известной работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

Поимка бандитов. В газетах за подписью Председателя Совета Народных Комиссаров было опубликовано предписание ВЧК о принятии срочных и беспощадных мер по борьбе с бандитизмом.

Для поимки бандитов и розыска угнанного ими автомобиля были привлечены не только работники ЧК и милиции, но и само население. Поздним вечером того же дня, то есть 19 января 1919 года, у Крымского моста постовой милиционер Олонцев и боец латышской стрелковой дивизии Петров опознали в одной из проезжавших машин автомобиль В. И. Ленина и попытались его задержать. Бандиты открыли стрельбу. В завязавшейся перестрелке Олонцев и Петров были убиты, а бандитам удалось скрыться. Убегая, бандиты, однако, были вынуждены бросить автомобиль, на котором, как позже выяснилось, они уже успели совершить несколько вооруженных ограблений.

В связи с участвовавшими налетами бандитов в Москве, грабежами и убийствами Председатель Совета Народных Комиссаров 25 января 1919 года предписал ВЧК

принять срочные и беспощадные меры по борьбе с бандитизмом.

При ВЧК была образована особая оперативная группа во главе с рабочим Трехгорной мануфактуры чекистом Ф. Я. Мартыновым. За поимкой и обезвреживанием опасных бандитов лично следил Дзержинский, которому докладывались все детали розыска. Были проверены все гостиницы Москвы, многие дома, где могли найти приют налетчики. Результаты не замедлили сказаться.

В протоколе допроса Ф. Э. Дзержинским бандита Павлова (он же Филиппов, он же Крылов, по кличке Козюля) были установлены участники преступления, их приметы, воровские клички. Оказалось, что вожак налетчиков был крупный преступник, бандит-рецидивист Кошельков, орудовавший в Москве еще до установления Советской власти.

В ходе следствия стало известно, что бандиты вначале не знали, что в автомобиле был Ленин (им показалось, что была названа фамилия Левиц), а когда разобрались, то повернули обратно, чтобы убить Владимира Ильича³.

Участники опасной банды были обезврежены.

Поездка В. И. Ленина в Петроград. 12—13 марта 1919 года Владимир Ильич побывал в Петрограде. Эта поездка была вызвана смертью находившегося там в командировке М. Т. Елизарова — мужа Анны Ильиничны Ульяновой.

Известие о его смерти пришло в Москву днем 11 марта, а вечером того же дня Владимир Ильич выехал в Петроград. Вместе с ним выехали Мария Ильинична Ульянова, народный комиссар путей сообщения В. И. Невский, приемный сын Елизаровых — 13-летний Гора (так в семье Елизаровых звали Георгия Яковлевича Лозгачева-Елизарова), и Мария Ивановна Веретенникова — двоюродная сестра Владимира Ильича.

В то время из Москвы в Петроград шел один вечерний поезд. Все билеты на него были распроданы. Владимир Ильич позвонил по телефону члену Коллегии НКПС И. К. Белякову, которого попросил достать несколько билетов до Петрограда. При этом разговоре случайно оказался В. И. Невский, который предложил Владимиру Ильичу поехать вместе с ним в вагоне-салоне НКПС. Вагон был прицеплен к составу поезда. А. Я. Беленький приехал на вокзал вместе с Владимиром Ильичем и его спутниками.

Поезд тронулся в путь. Владимир Ильич о чем-то говорил с В. И. Невским, а затем лег отдыхать. Поезд шел хорошо, нигде не простаивал. А. Я. Беленький шутил: «В поезде ведь вагон министра». О том, что в этом вагоне ехал Ленин, никто из поездной бригады не знал.

Один из кремлевских курсантов, входивший в охрану поезда, Ян Германович Стумбин, вспоминал: «Свет в его купе погас только около трех часов ночи. На станции Бологое, где рано утром паровоз набирал воду и топливо, я дежурил на платформе у вагона Ленина, а каково было мое удивление, когда в этот ранний утренний час на платформе около вагона появился Владимир Ильич. Он был одет в зимнее пальто и каракулеву ушанку. После короткой прогулки по платформе Владимир Ильич вернулся в вагон»⁴.

Рано утром 12 марта В. И. Ленин приехал в Петроград. Из местных руководителей его никто не встречал, так как поезд пришел раньше положенного времени.

С вокзала Владимир Ильич вместе с В. И. Невским и А. Я. Беленьким пошел в первый дом Петроградского Совета — гостиницу «Астория», а оттуда направился в клинику, где умер М. Т. Елизаров. Там Владимира Ильича встретила Анна Ильинична.

«Выйдя к нам навстречу, — вспоминал Г. Я. Лозгачев-Елизаров, — она обняла брата и зарыдала, припав головой к нему на грудь. Владимир Ильич нежно и ласково пытался утешить ее, гладя, как ребенка, по волосам и целуя руки сестры»⁵.

Хорошили Марка Тимофеевича Елизарова 13 марта на Волковом кладбище. Длинный путь на кладбище, занявший около двух часов, В. И. Ленин прошел пешком, отказавшись от автомашины.

Фотографии запечатлели Владимира Ильича на кладбище над гробом близкого ему и всей семье человека: Ильич стоит грустный, с непокрытой головой.

Охрана Владимира Ильича в Петрограде была усилена работниками Петроградского Совета и Петроградской ЧК. В частности, Владимира Ильича сопровождал в поездках по городу П. А. Алексеев, член Выборгского райкома РКП(б) и Петроградского Совета⁶.

О поездке В. И. Ленина на многотысячный митинг рабочих, матросов и красноармейцев в Народном доме имени Карла Либкнехта и Розы Люксембург вспоминал А. Авдеев, сопровождавший Ильича и ехавший в одной с ним автомашине. Он писал: «Едва мы вошли в пер-

вый этаж, как там уже прошел слух, что приехал Ленин. Что мы могли сделать с 10—12 людьми охраны? Стоял оглушающий шум, все кричали «ура!», и наша просьба дать пройти не была слышна. Окруженные толпой со всех сторон, мы стояли на месте, с Ильичем в центре. Он первый пришел в себя, снял с головы шанку, помахал ею и обратился к рабочим с краткой речью, а затем попросил дать возможность пройти. Это подействовало. Хотя и с большим трудом, но нам удалось вместе с Владимиром Ильичем пройти на сцену»⁷.

14 марта В. И. Ленин вместе с сопровождавшими его лицами возвратился из Петрограда в Москву.

По инициативе партии были приняты дополнительные меры, гарантирующие безопасность Владимира Ильича. Об этом докладывал Ф. Э. Дзержинский на заседании Пленума ЦК РКП(б) 13 апреля 1919 года.

На Красной площади. На ряде фотографий, снятых 1 Мая 1919 года на Красной площади, мы видим Владимира Ильича на демонстрации трудящихся и параде частей Красной Армии.

В. И. Ленин любил Красную площадь, главную площадь страны, и неоднократно выступал на ней с речами. Не случайно В. В. Маяковский писал: «...Здесь каждая башня Ленина слышала...» 1 мая 1919 года старшим по охране порядка на Красной площади Ф. Э. Дзержинский выделил чекиста Э. Ю. Тизенберга*. Ветеран-чекист вспоминал спустя много лет: «В 4 часа утра 1 Мая 1919 года на Красной площади появился Дзержинский и стал проверять расставленные мною посты, хотя накануне я доложил ему о готовности. На мой вопрос, почему он решил лично проверить, Феликс Эдмундович ответил:

— Никогда не забудь: доверяя — проверяй, проверяя — доверяй...»⁸

На одной из фотографий 1919 года позади Владимира Ильича Ленина на Красной площади стоит другой военный — это А. Д. Брянский**, которому в день 1 Мая 1919 года вместе с другими чекистами было поручено охранять главу Советского правительства.

— Владимир Ильич, — вспоминал А. Д. Брянский, —

* Тизенберг Эмиль Юрьевич — член КПСС с января 1918 года, бывший батрак, чернорабочий-кочегар. После революции работал в ВЧК.

** Брянский Александр Давыдович — участник гражданской войны, поэт (псевдоним Саша Красный), одно время работал в Реввоенсовете СССР.

как видно на фотографии, был в легком демисезонном пальто. Светило яркое солнце. Пальто на Ленине было надето внакидку. Когда начинало припекать, Ильич его снимал. Демонстрация трудящихся Москвы на Красной площади была очень праздничной. По всей площади развевались кумачовые флаги. Бросалось в глаза красочное оформление колонн демонстрантов, которые несли плакаты с лозунгами. На демонстрации было много детей — они участвовали в карнавальной шествии, буквально облепили украшенный панно и лозунгами трамвай.

Владимир Ильич переходил от одной трибуны к другой. Несколько раз выступал. Он говорил о том, что победа над Колчаком не за горами, что Советская власть растет и крепнет, что только-только получено сообщение о полном очищении от интервентов Севастополя⁹.

Тогда же Владимир Ильич напомнил, что «заложенное здание социалистического общества не утопия. Это здание еще усерднее будут строить наши дети»¹⁰.

У деревянной трибуны, с которой выступал Ленин, стояли чоповцы. Они хорошо помнили наказ своих руководителей: «Глядеть в оба! Контуру не подпускать!»

На параде Всевобуча. 25 мая 1919 года на Красной площади состоялся парад Всевобуча. В этот день на площади собрались кадровые рабочие, фабрично-заводская молодежь, бойцы коммунистических батальонов, курсанты военных школ. Парад был назначен в честь декрета Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета о всеобщем военном обучении. Декрет ВЦИК об обязательном обучении военному искусству был принят 22 апреля 1918 года. Согласно декрету рабочие фабрик и заводов без отрыва от производства в течение 96 часов должны были пройти обучение военному делу.

25 мая также был ясный солнечный день. Настроение участников парада было приподнятым. На площади раздавались революционные песни, звучали оркестры.

Парад Всевобуча принимал Владимир Ильич. В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма хранятся редкие кинокадры и фотоиллюстрации, запечатлевшие его в тот памятный день. На фотографиях мы видим Владимира Ильича, идущего с группой товарищей от кремлевской стены к центру Красной площади, обходящего ряды рабочих полков, выступающего с трибуны грузовика.

На параде Всевобуча, кроме бойцов личной охраны

во главе с А. Я. Беленьким, Ильича охранял и член коллегии ВЧК С. Г. Уралов*.

— На параде Всевобуча, — рассказывал Сергей Герасимович, — Владимир Ильич был в прекрасном настроении. Вместе с ним был Тибор Самуэли, комиссар по военным делам Венгерской советской республики, накануне прибывший в Москву. Рядом с Лениным были и другие товарищи — преимущественно работники штаба Всевобуча. Среди них и чекист — латыш Буманис, командир одного из отрядов Всевобуча...

На параде Всевобуча был строгий порядок, его участники с большой любовью вглядывались в черты Ленина, обходившего выстроившиеся для парада рабочие батальоны.

Приветствуя участников парада, Владимир Ильич поднес руку к кепке, сердечно здоровался с рабочими и воинами. Он был очень доволен парадом¹¹.

На одном из снимков на грузовой автомашине мы видим В. И. Ленина и выступающего с речью комиссара по военным делам Венгерской советской республики Тибора Самуэли. Владимир Ильич сидит на борту автомашины, за который держится рукой венгерский интернационалист-коммунист, чекист Николай Эрош.

«Борьба не на жизнь, а на смерть». Непримируемая ожесточенная борьба против Советской власти всех сторонников реставрации в стране власти помещиков и капиталистов не утихала: шла борьба не на жизнь, а на смерть. Враги по-прежнему мечтали нанести удар в самое сердце революции.

Вот выписка из протокола заседания Московского комитета РКП(б) от 28 мая 1919 года: «В. П. Манцев** сообщил: «Сегодня ночью нами открыта нелегальная типография левых эсеров, еще найдено большое количество

* Уралов (Кпсляков) Сергей Герасимович — член КПСС с 1914 года, в канун Великого Октября, по поручению ВРК, подписанному Ф. Э. Дзержинским, во главе вооруженного отряда в ночь с 24 на 25 октября 1917 года занял типографию «Русской воли», где стала печататься газета «Правда». С 1918 года — на работе в ВЧК, некоторое время был председателем Омской губчека.

В дальнейшем на партийной и государственной работе.

** Манцев Василий Николаевич — член КПСС с 1906 года. Работал заместителем Ф. Э. Дзержинского по Московской ЧК, а затем ее председателем. Был председателем Всеукраинской ЧК, заместителем народного комиссара финансов СССР.

листовок и воззваний... Кроме того, в ВЧК и МЧК имеются сведения, что подготавливается ряд террористических актов, покушение на Ленина... Террор финансируется из-за границы»¹².

В ходе следствия по другому делу, которое велось ВЧК, было установлено, что контрреволюционные заговорщики ставили своей целью похищение Владимира Ильича, которого они намеревались держать в качестве заложника в одном из бывших имений под Москвой.

Запись об этих планах заговорщиков сделана рукой Ф. Э. Дзержинского¹³.

Было ясно, что враги не отказывались от надежды расправиться с В. И. Лениным. Между тем в организации охраны Ильича возникали трудности, которые не всегда можно было предвидеть. Приведем некоторые факты. Весной 1919 года в один из воскресных дней Ф. Э. Дзержинский с женой и сыном Ясиком вышел из Кремля на прогулку в город. На Троицком мосту они неожиданно встретили Владимира Ильича. Он гулял в одиночестве. Феликс Эдмундович стал журить Ленина, а тот, в свою очередь, стал «разносить» Дзержинского за то, что и он ходит без всякой охраны.

О другом случае вспомнил Дмитрий Ильич Ульянов. Как-то праздничным днем зимой 1919 года часов в пять вечера к нему подошел Владимир Ильич и сказал:

— Пойдем гулять, мне хочется немножко встряхнуться, только чтобы нас никто не сопровождал.

Чтобы часовые не узнали его, Ленин закутал лицо башлыком и в таком виде, в валенках и меховой куртке, прошел с братом через заднюю дверь во двор ВЦИКа.

— Часовой не узнал его, — вспомнил Д. И. Ульянов, — и поэтому не сигнализировал куда следует. Через Троицкие ворота мы не пошли, чтобы не быть замеченными публикой, а направились к Спасским¹⁴.

Нельзя не упомянуть и воспоминание бывшего коменданта Кремля П. Д. Малькова.

— Однажды вечером я сидел в комендатуре и работал, как вдруг звонит Яков Михайлович и спрашивает, не знаю ли я, где сейчас находится Владимир Ильич.

Я ничего не мог толком сказать.

— Не знаю, Яков Михайлович. А он не у себя дома? — высказал я первое пришедшее в голову предположение.

— Ну, если бы он был у себя дома, я бы это, паверное, выяснил и без вашей помощи. В том-то и дело, что дома его нет. Около трех часов тому назад он вызвал машину и уехал. Ни Бонч, ни Надежда Константиновна ничего не знают. Но вы — комендант Кремля, и если Ленин выехал из кремлевских ворот, то вы обязаны в ту же минуту знать об этом, обязаны знать, куда поехал Ленин, и, если это нужно, немедленно принять необходимые меры для его охраны.

— Но, Яков Михайлович...

— Никаких «но». Обзвоните всех, кто может знать, где Владимир Ильич, примите любые меры, но выясните, где он, не случилось ли с ним чего. Только действуйте спокойно, без шума.

Я положил трубку и на минуту задумался. Где искать Ильича, как искать? Ведь давалось указание посту у Спасских ворот, чтобы, если Ленин проедет, немедленно извещали. Аи нет, не известили! Я позвонил секретарю Московского комитета партии, спросил, не заезжал ли случайно к ним Владимир Ильич. Нет, не заезжал. Позвонил на всякий случай секретарю Совнаркома Фотиевой. И она не знает. Тогда решил позвонить Анне Ильичичне Елизаровой, жившей напротив Кремля, на Манежной улице. Но и она сказала, что у нее Ильича нет.

— А вы позвоните-ка Горькому, — посоветовала Анна Ильичична. — Вероятно, Ильич у него.

Так оно и оказалось. Владимир Ильич поехал к Алексею Максимовичу, никого не предупредив, и у него зашелся¹⁵.

В Москве, в центре города, в Бобровом переулке, на старом пятиэтажном здании, когда-то принадлежавшем страховому обществу «Россия», прибита едва заметная для прохожих мемориальная доска. На ней такая надпись: «18 июня 1920 года Владимир Ильич Ленин вместе с А. М. Горьким посетили находившееся в этом здании Главное артиллерийское управление Красной Армии и ознакомились с образцом артиллерийской техники».

Вспоминая об этой поездке, Алексей Максимович Горький отмечал, что В. И. Ленин поехал туда без всякой охраны.

Изобретатель, бывший артиллерист, потом рассказывал Алексею Максимовичу:

— Я сообщил моим генералам, что приедете вы с товарищем, но умолчал, кто — товарищ. Они не узнали

Ильича, да, вероятно, и не могли себе представить, что он явится без шума, без помпы, охраны...¹⁶

Как видим, поездки и прогулки Владимира Ильича без сопровождения охраны не были редким исключением...

На охоте. В середине августа 1919 года Владимир Ильич провел пять дней в Середниково, в санатории «Тишина» (ныне санаторий «Мцыри» Солнечногорского района Московской области) в четырех километрах от железнодорожной платформы Фирсановка Октябрьской железной дороги. Санаторий возник на базе старого помещичьего имения, принадлежавшего родственникам М. Ю. Лермонтова. В свое время поэт бывал у них, проводил летние капикулы.

Свое кратковременное пребывание в санатории В. И. Ленин посвятил охоте. Ильича сопровождал хорошо знавший местность лесник Михаил Александрович Александров.

— Вы, говорят, хорошо лес знаете, — сказал ему Владимир Ильич, — пойдете с нами на зайца?

Михаил Александрович ответил, что в лесу не только зайцы, но и много лисиц.

— Лисиц живыми ловим, — добавил он.

Сопровождавшие Ленина два человека — они были из охраны — сказали, что времени для охоты немного — всего три часа. Владимир Ильич шутя поправил их: «Все будет зависеть от нашего егеря».

— Первое, что мне сразу бросилось в глаза, — рассказывал М. А. Александров, — это простота и душевность Владимира Ильича. Поздоровавшись со мною за руку, он назвал себя по имени и отчеству. Мы сразу отправились в путь, и всю дорогу он расспрашивал меня о наших лесах, о порубках леса, о том, как живут окрестные люди.

Узнав, что я во Всевобуче учу меткой стрельбе из винтовки, Владимир Ильич очень одобрил мою работу, сказал, что пройдет еще немало времени, прежде чем буржуазия оставит нас в покое, и для защиты Советской власти нужны хорошие стрелки.

Стрельбище, на котором Александров проводил занятия, находилось под Москвой, неподалеку от деревни Морщикино. Владимир Ильич поинтересовался, «почему именно так названа деревня и откуда пошло название станции Фирсановка». Михаил Александрович рассказал, что название станции связано с фамилией помещицы:

Фирсановой, которой принадлежали имение и некоторые бани в Москве, происхождения названия деревни он не знал.

Двое товарищей из охраны не принимали участия в разговоре, хотя шли рядом. Неожиданно показался заяц, и в тот же момент Владимир Ильич выстрелил, но промахнулся. С Александровым были две собаки — «костромичи», они устремились за зайцем, но также неудачно.

Запомнилось Михаилу Александровичу, как с Ильичем они подошли к церкви и к столетнему дубу, у которого любил отдыхать Михаил Юрьевич Лермонтов.

Владимир Ильич и его спутники присели на опушке леса. Стали говорить о стоявшей неподалеку пушке. Она стояла на рельсах и три раза в год — в крещение, на пасху и на рождество — в пушку закладывали заряд пороха и из нее стреляли.

— Попы и пушку к «делу» приспособили, — пошутил Владимир Ильич.

Александров вспоминал о старике крестьянине, с которым Ленин имел дружеский разговор «о политике». Старик не знал, кто с ним уселся рядом на траве, и сказал:

— Вот если бы Ленин, наш управитель, был такой же, как ты, вот ладно бы все шло...

Шофер В. И. Ленина Гиль этот же эпизод излагает так: «...Долго и тепло шел разговор вождя с незнакомым крестьянином. Старик был очарован собеседником.

— Говорят, Ленин какой-то у нас управляет. Вот если бы он, этот Ленин, такой, как ты, был — как хорошо бы было! — сказал он¹⁷.

Хорошо отдохнув, Ленин вернулся в Москву, к работе.

Взрыв 25 сентября 1919 года. 25 сентября 1919 года в зале заседаний Московского комитета партии собрался партийный актив столицы. На собрании присутствовало свыше ста двадцати человек, преимущественно пропагандисты и агитаторы.

Первым на собрании было заслушано сообщение Ф. Э. Дзержинского о раскрытом накануне антисоветском заговоре. Затем обсуждался вопрос о партийной пропаганде. Около девяти часов вечера в окно здания из прилегавшего к нему садика была брошена бомба. Секретарь Московского комитета партии Владимир Михайлович Загорский попытался выбросить ее, но стал первой

жертвой взрыва. Руководителю московской парторганизации было всего 36 лет.

Бомба, начиненная пироксилином и динамитом, весом не более двадцати килограммов, оказалась большой разрушительной силы. Погибло 12 человек и 55 человек было ранено. В результате взрыва вся задняя часть дома рухнула вместе с железной крышей и упала в сад. В полу зала заседаний образовалась яма.

Террористы рассчитывали, что на собрании будет присутствовать В. И. Ленин, который действительно хотел принять участие в этом собрании, но по дороге туда заехал в находящийся рядом Московский Совет.

Одним из основных организаторов взрыва 25 сентября 1919 года в Леонтьевском переулке оказался эсер Донат Черепанов (кличка Черепок). Зная здание, в котором раньше находился ЦК левых эсеров, он провел в него диверсантов Соболева, Гречанникова и Барановского. Во время следствия Черепанов цинично заявил: «Подготовка этого взрыва, выработка плана и руководство до самого последнего момента были возложены на меня... Предлагалось бросить бомбу в Чрезвычайную комиссию, но это предложение было отклонено по следующим соображениям: «чрезвычайка» и сам гражданин Феликс Эдмундович Дзержинский являются только орудием, слугами партии и, следовательно, во всей политике ответственными являются не «чрезвычайки», а партия. Собрание 25 сентября главных ответственных партийных работников в Московском комитете как нельзя лучше могло быть рассматриваемо как главнейший виновник, тем более что на этом собрании предполагалось присутствие гражданина Ленина»¹⁸. Террористы стремились его убить, «чтобы взорвать мозг Советской России»¹⁹.

Следствием было установлено, что организаторы покушения, так называемые «анархисты подполья», собирались взорвать Кремль. Совместно с эсерами они организовали под Москвой массовое производство бомб для «использования» во время празднования второй годовщины Октября.

Взрыв 25 сентября 1919 года вызвал бурю возмущения трудящихся, всех честных людей. Повсюду проходили митинги. На состоявшейся 28 сентября общемосковской демонстрации плакаты призывали ответить на преступление террористов красным террором. По районам выделялись люди для охраны революционного порядка, Рогожско-Симоновский райсовет Москвы предложил пред-

приятиям выделить «по одному товарищу от каждых 20 работающих, кроме коммунистов», и призвал рабочих района «усилить бдительность к недругам рабоче-крестьянского правительства»²⁰.

Естественным было усилить охрану Владимира Ильича.

Лучшие из лучших. Районные комитеты партии столицы дополнительно выделили для работы в ВЧК молодых коммунистов. Лучшим из лучших была доверена охрана Ленина. Среди них был И. И. Алексеев.

— Когда меня и ряд других товарищей, — рассказывал он, — направили на работу в ВЧК, нас принял Феликс Эдмундович Дзержинский. Нам было доверено охранять Центральный Комитет партии — он тогда находился на Воздвиженке (проспект Калинина). Через некоторое время меня направили в Кремль для дежурства у кабинета Владимира Ильича.

Бывший солдат царской армии, выдавший муштру и мордобой, Иван Алексеев первое время при каждом появлении при выходе Владимира Ильича из кабинета вставал перед ним навытяжку и отдавал честь. Владимир Ильич как-то своей рукой отвел его руку от козырька, предложил не отдавать ему честь, вообще не вставать, а сидеть. При желании — читать. С тех пор Алексеев уже не вытягивался в струнку, не брал под козырек, приветствовал Владимира Ильича свободно и просто. Однако он долго размышлял: почему такой большой человек, как Ленин, доступен, чуток, внимателен, и понял наконец органическую ненависть Владимира Ильича к муштре, к холопству, тупой дисциплине²¹.

И. И. Алексееву особенно запомнилось одно его дежурство у кабинета Ленина зимой 1921 года. Владимир Ильич всю ночь проработал и только к утру направился по коридору в свою квартиру. Сделав несколько шагов, он остановился, повернулся в сторону Алексеева и спросил:

— Какой час?

— Шесть часов, — ответил только что заступивший на вторую за сутки смену молодой чекист.

Владимир Ильич провел ладонью по голове. На его лице были заметны крайнее утомление, бледность. Он покачнувшись и беспомощно стал опускаться на пол. Алексеев развязал Ильичу галстук, расстегнул воротник рубашки. С большим усилием Владимир Ильич поднялся. На его лице выступили капельки пота. Медленно и тяжело он повернулся к Алексееву и тихо сказал:

— Об этом случае, пожалуйста, никому не говорите. Поддерживая под руку Владимира Ильича, Алексеев не заметил, как вместе с ним оказался уже в его квартире. В ней был утренний полумрак, из других комнат пропикал электрический свет через просветы неплотно закрытой двери. Владимир Ильич тихо присел на стул. Послышались шаги Надежды Константиновны...²²

В кабинете Владимира Ильича на специальных полках были книги русских классиков — Толстого, Пушкина, Некрасова, Чехова. Многие редкие книги для библиотеки приобретались в букинистических магазинах.

— Нам, несшим охрану, — продолжал Алексеев свой рассказ, — приходилось иногда в отсутствие Владимира Ильича заходить в его кабинет. В кабинете возле плетеного кресла у письменного стола стояла известная «вертушка» с книгами. Нужную книгу, стоявшую на полке «вертушки», Владимир Ильич обычно снимал движением руки, не поворачиваясь к ней: на память знал, где и на какой полке стоит нужная книга. Однажды в отсутствие Владимира Ильича я взял книгу Чернышевского «Что делать?». Прочитав ее, я поставил книгу на ту же полку. Через день или два, выйдя из кабинета, Владимир Ильич спросил меня, не брал ли я книгу Чернышевского? Я ответил:

— Да, брал, но, прочитав, положил на место.

Тогда Владимир Ильич попросил меня:

— Покажите, пожалуйста, куда вы положили ее.

Войдя в кабинет, я указал на среднюю полку «вертушки»*. Владимир Ильич на это ответил:

— Вы правильно положили книгу на среднюю полку, но не в то гнездо, откуда взяли ее, — и добавил: — Пожалуйста, читайте любую книгу, но кладите ее на свое место.

Оказывается, когда книга понадобилась Владимиру Ильичу, оп движением руки хотел вынуть ее из гнезда, а в руке оказалась другая...

В кабинете главы рабоче-крестьянского правительства с двумя угловыми окнами на третьем этаже здания в Кремле все было весьма скромно. Когда комендант Кремля хотел приукрасить кабинет и в него принесли большой ковер, Владимир Ильич попросил ковер убрать.

Ивану Игнатьевичу Алексееву довелось видеть бывав-

* В кабинете В. И. Ленина около рабочего стола и поныне стоят две вращающиеся этажерки, сделанные по рисункам Владимира Ильича в 1920 году. Оп их назвал «вертушками».

ших у Ленина многих людей из России и из-за границы. Видел он бесчисленных докладчиков, вызывавшихся на заседания Совнаркома, включая наркомов, «недоедавших и недосыпавших», видел вошедших в историю ходяков — беспартийных крестьян, приезжавших в Кремль к Ленину. Но никогда не видел Алексеев, чтобы в приемной у Ильича образовывались очереди: «Малочисленный аппарат Совпаркома работал четко, образцово».

В незабываемом 1919 году в личную охрану В. И. Ленина вошел И. А. Новиков*.

— Мне только исполнилось 20 лет, — вспоминал он, — я находился в Красной Армии, был ранен, прибыл в Москву из полевого госпиталя. По выздоровлении должен был быть направлен в 14-ю армию. Так как я ушел на фронт из Кремля, но хотел зайти в Кремль для встречи с друзьями — арсенальцами. В бюро пропусков Кремля меня встретил Михаил Телин. «Где ты пропал, мы тебя всюду разыскиваем», — обрадовался он.

Телин рассказал, что в связи с усилившейся деятельностью эсеров, организованном ими взрыве в Леонтьевском переулке, есть указание Центрального Комитета партии выделить надежных коммунистов для охраны Ленина.

Сокольническому райкому партии было поручено подобрать четырех товарищей, в эту четверку попали Телин Михаил, Лагуткин Павел, Иванов Борис и я — все бывшие рабочие московского завода СВАРЗ. Мы вместе с Телиным явились в ВЧК к начальнику группы комиссаров для особых поручений при коллегии ВЧК Беленькому, который просил меня рассказать биографию, поинтересовался, откуда я знаю Телина, Лагуткина и Иванова.

Я ответил, что мы вместе работали на заводе СВАРЗ, откуда за участие в забастовке меня отправили в царскую армию. Примерно через полчаса или час он попросил меня к товарищу Дзержинскому. Когда мы с Беленьким вошли, Дзержинский встал из-за стола, поздоровался со мной за руку и, предложив сесть, спросил о моем здоровье.

— Спасибо, сейчас чувствую себя хорошо, — ответил я.

* Новиков Иван Андреевич — член КПСС с июня 1917 года, бывший токарь СВАРЗа, с 1918 года — работник оружейного склада Кремля, затем в органах ЧК (Гомель, Слуцк) и в Красной Армии. В личной охране Ленина находился до конца его жизни.

— Ну вот и отлично. Мы думаем вам дать поручение — охранять жизнь нашего вождя, Владимира Ильича Ленина.

В кабинете находился секретарь ВЧК Ксенофонов. Иван Ксенофонович добавил:

— Товарищ Новиков мой земляк, со Смоленщины, парень надежный.

Феликс Эдмундович улыбнулся и сказал:

— Знаю. Он доказал эту надежность своей работой в Слуцкой и Гомельской чрезвычайных комиссиях, верность партии доказал в борьбе с контрреволюцией. Это ему едва не стоило жизни, как погибшим товарищам Ланге, Бочкину, Арефьеву и другим*. Надеюсь, что доверие партии товарищ Новиков снова оправдает. Желаю ему успеха.

А. Я. Беленький дал указание старшему по группе охраны Габалину провести со мной инструктаж. Когда я, как и другие товарищи, вспоминал ветеран-чекист, находился на дежурстве у кабинета или квартиры В. И. Ленина или сопровождал его в поездках, то все внимание было сосредоточено на одном: как уберечь его. Вся первная система была напряжена, всякий шорох, движение привлекали внимание. При выполнении своего долга каждый из нас всегда чувствовал огромную ответственность перед партией и народом за жизнь Владимира Ильича.

На первое дежурство со мной пошел товарищ Габалин. Встреча с Владимиром Ильичем произошла совершенно неожиданно. Товарищ Ленин, проходя в свой кабинет, остановился, поздоровался с Габалиным и спросил у него:

— Это новый товарищ?

Габалин ответил: «Да, Владимир Ильич, это товарищ Новиков, вновь назначенный». Владимир Ильич поздоровался и со мной. Я ожидал увидеть недоступного человека, но Владимир Ильич оказался очень простым, располагающим к себе, внушающим глубокое почтение. Никакой надменности, кичливости, высокомерия.

Говорил ли Ленин с наркомом, с крупным военачальником, с большим ученым или крестьянином из глухой деревушки далекой Сибири, он всегда оставался простым, человечным. Его жесты, улыбка, шутки, задушевный тон располагали к себе, создавали атмосферу дружелюбия.

* Ланге, Бочкин, Арефьев, Беляев и др. были зверски замучены во время контрреволюционного восстания на Гомельщине.

Замкнутым или неискренним никак нельзя было оставаться в присутствии Ленина. Он был очень добрый и чуткий человек²³.

И. А. Новиков приводит три случая, которые оставили глубокий след в его памяти.

— Первый случай. По инструкции каждый из нас, дежурных, обязан был до прихода Владимира Ильича осмотреть его кабинет, проверить, все ли в порядке. Как-то при осмотре кабинета я обратил внимание на лежащую на столе книгу «Капитал». Она меня почему-то заинтересовала. Открыв эту книгу, я попал на формулу: «Деньги, товар, деньги». Я ровно ничего в этом не понимал, так как за спиной имел 3 года сельской школы. Задумался и не заметил, как вошел Владимир Ильич. Он сказал:

— Здравствуйте, товарищ, что это вы читаете? Понятно ли вам?

Я растерялся и смущенно ответил:

— Нет, непонятно.

Он спросил, какое я имею образование, я ответил, сельскую школу-трехлетку.

Тогда Владимир Ильич немного подумал и сказал:

— Да, трудно, даже очень трудно с таким образованием такую книгу читать. Ну ничего, научитесь, прочтете раз, не поймете, прочтете еще и постепенно поймете.

Потом, как бы вслух рассуждая, Владимир Ильич сказал:

— Да, мы еще не успели создать популярной литературы, которая была бы доступна и понятна для всех людей, но мы это сделаем, обязательно сделаем.

Второй случай: как-то я вышел на дежурство без головного убора. Погода была теплая, солнечная. Во время дежурства вдруг звонок из гаража шофера Ленина Степана Гиля.

— Владимир Ильич просит подать машину.

Я быстро спустился вниз к машине. Вышел и Владимир Ильич. Я сел с ним в машину. Он посмотрел на меня и спросил:

— А где же фуражка?

Я смущенно ответил:

— Тепло, Владимир Ильич, я поеду без фуражки.

— Быстро идите за фуражкой. Я подожду...

Когда я возвратился, он душевно сказал мне:

— В следующий раз, товарищ, нужно помнить о фуражке.

Время для Владимира Ильича было распределено буквально по минутам. Он сам был чрезвычайно аккуратен, никогда не заставлял ждать кого-либо из приглашенных и не выносил неаккуратности других. А вот я задержал выезд Владимира Ильича. Я сильно был взволнован, опасался, что он скажет об этом случае Дзержинскому или Беленькому, но все прошло благополучно, без последствий.

Наконец, последний случай: художник работал над скульптурой Владимира Ильича, находясь в его кабинете. Чтобы не было запаха гипса, мы открыли окно. — Получился сквозняк, входная дверь стала открываться. Я вошел в кабинет, закрыл окно.

— Вот спасибо, а то сдувает бумаги, а я сам не догадался прикрыть окно, — поблагодарил Владимир Ильич²⁴.

Ближайший соратник В. И. Ленина Глеб Максимилианович Крижжановский в предисловии к брошюре воспоминаний С. К. Гиля отмечал, что от записок личного шофера Владимира Ильича трудно оторваться: благодарная память Гиля сохранила в такой свежей отчетливости многие черты и черточки Владимира Ильича, что, пробегая строчки воспоминаний, как бы общаешься с Владимиром Ильичем. А что может быть большим счастьем и большей радостью.

— Владимир Ильич нередко помогал мне, — рассказывал С. К. Гиль. — Заботился о том, чтобы у меня были смешники. Рябов Владимир Иванович (пришел из флота), Космачев Петр Сидорович, Горохов Лев Тимофеевич, — каждый из нас чувствовал заботу о себе со стороны Ильича. Все мы понимали, на какое ответственное дело нас поставили. Дзержинский рекомендовал нам менять автомашины, чтобы Ленин пользовался разными машинами.

— Одну и ту же машину куда легче выследить, — говорил Феликс Эдмундович, требуя, чтобы при нас всегда было оружие. Кстати, когда Ленин увидел меня с кобурой, то возразил против этого, пришлось револьвер прятать от Ильича. Недоволен был он и тем, что его сопровождала охрана.

Я с семьей с 1 июня 1918 года жил в офицерском корпусе Кремля. Владимир Ильич спрашивал о пуждах семьи, интересовался, не нуждается ли в чем моя же-

на — Наталья Дмитриевна, иногда брал ее и нашего четырехлетнего сына Мишу на дачу к Бонч-Бруевичу. Да что говорить? — Ленин был необыкновенный. В Кремле в гараже, в так называемом «каретном сарае», был подсобный рабочий Филипп Степанович Скуратович. Его обязанностью было мыть машины водой из котла, который мы с ним вмазали в «каретном сарае».

— А как помощник по мойке? — улыбаясь, порой спрашивал Владимир Ильич. — Греет ли ваш котел?

В. И. Ленин в ряде случаев пользовался автомашиной Ф. Э. Дзержинского.

Шофер С. Г. Тихомолов* вспоминал: «Первая поездка состоялась в 1918 году к гостинице «Метрополь», где тогда находился ВЦИК. Владимир Ильич вышел из здания в Кремле в сопровождении работника охраны — худоцавого, высокого роста латыша, фамилию которого я не запомнил. В дальнейшем я неоднократно возил Ильича на собрания рабочих, как-то в районе Пироговки мы долго блуждали, и, пока работники охраны искали здание, где должен был выступать Ленин, он все интересовался моей работой у Нобеля.

На массовых собраниях, на которых выступал Владимир Ильич, охрану часто брали на себя сами участники собраний».

С этим свидетельством перекликаются воспоминания бывшего председателя Суццевско-Марьинского районного Совета Москвы И. Г. Батышева по поводу выступления Владимира Ильича на беспартийной рабоче-красноармейской конференции 6 августа 1919 года.

Секретарь Московского комитета партии В. М. Загорский предупредил товарищей об их исключительной ответственности за безопасность Ленина.

— Не беспокойтесь, товарищ Загорский, Ильич будет цел и невредим, — ответил Батышев. — Охрану мы берем на себя и несем за это полную ответственность.

За два часа до начала конференции Батышев поехал на Тормозной завод, где организовал боевой отряд — до 30 рабочих, бывших красногвардейцев, с которыми направился к зданию Народного дома имени Каляева. Вокруг дома, где должен был выступать Ильич, и по

* Тихомолов Сергей Григорьевич — в прошлом кочегар, маслящик, помощник машиниста рейсовых судов Нобеля в Астрахани, шофером в ВЧК стал работать с мая 1918 года, награжден почетным знаком ВЧК — ГПУ.

улице были расставлены рабочие, осмотревшие каждый близлежащий двор.

— Не обнаружив ничего подозрительного, — вспоминал Батышев, — я отправился с группой рабочих к входу в Народный дом, где мы стали ожидать Ленина. Я предупредил товарищей, что охрану нужно осуществить незаметно. По окончании доклада рабочие долго и горячо аплодировали В. И. Ленину, а мы, охрана, окружили Ленина и проводили его до автомобиля²⁵.

Кремлевские курсанты. Секретарь В. И. Ленина Л. А. Фотиева справедливо указывала: «К Кремлю тянулись нити любви, надежды, мечты трудящихся и угнетенных всего мира. Но вместе с тем Кремль был центром притяжения вражеской агентуры, сюда старался проникнуть враг для своих черных дел. Убить Ленина, арестовать и уничтожить Совет Народных Комиссаров, обезглавить революцию и удушить Советскую власть — к этому стремилась вся международная контрреволюция. В этих условиях совершенно ясно, какое огромное значение имела хорошо организованная охрана Кремля, и прежде всего охрана жизни и труда Ленина, и какая это была важная и ответственная задача»²⁶.

Не случайно периодически принимались дополнительные меры по охране Ленина. Так, Президиум ВЦИК 5 января 1920 года рассматривал вопрос об организации комендатуры Кремля и «специальной охране Председателя СНК»²⁷.

С декабря 1918 года охрану Кремля несли курсанты Московских пулеметных курсов, Объединенной военной школы имени ВЦИК. На ответственной пост № 27 у квартиры Ленина назначались самые надежные и достойные*.

Владимир Ильич, вспоминал один из кремлевских курсантов И. И. Геллер**, несколько раз выступал с напут-

* В решении президиума коллектива РКП(б) пулеметных курсов предлагалось председателям и секретарям ротных ячеек «собрать немедленно общие собрания ячеек, на которых наметить списки самых надежных тт. коммунистов для назначения их в караул на ответственные посты... в особенности у квартиры товарища Ленина с парадного и черного хода».

** Геллер Иосиф Исаакович — член КПСС с апреля 1920 года. Окончил Объединенную военную школу имени ВЦИК, участник гражданской и Отечественной войн, гвардии полковник в отставке.

ственными речами перед молодыми красными командирами на очередных выпусках, перед курсантами в зале имени Я. М. Свердлова в Кремле, который был нашим клубом. Кроме того, мы имели возможность слушать речи Ленина на конгрессах Коминтерна, съездах и конференциях партии, охранять которые доверялось нам.

Памятна мне речь товарища Ленина в начале осени 1920 года на курсантском собрании о положении на фронтах гражданской войны. Он тогда говорил нам, что надо поскорее закончить войну с белополяками, начать мирное строительство. В заключение В. И. Ленин призвал нас хорошо учиться, чтобы стать высококвалифицированными красными офицерами и помочь народу в победе над врагом. Эти слова Ильича произвели на нас огромное впечатление. И многие курсанты, в том числе и я, в ответ на призыв Ленина добровольно отправились на врагелевский фронт в составе курсантских бригад, участвовали в боях с белыми и махновцами.

Весною 1921 года, после возвращения с фронта, я слушал в том же зале выступление В. И. Ленина о новой экономической политике. Ясный, убедительный доклад помог нам хорошо разобраться в сложных вопросах ээпа и вместе со всей партией активно бороться за его претворение в жизнь²⁸.

Жизнь кремлевских курсантов была нелегкой. Интенсивная учеба, частые караулы, скудное питание. Для молодых рабочих и крестьянских ребят, одетых в красноармейские шинели, месяцы пребывания в Кремле, однако, были самыми памятными в жизни. Превозмогая трудности, они самоотверженно несли караульную службу, ставательно овладевали высотами военной и политической науки, готовили себя к роли командиров Красной Армии, к борьбе с вооруженными до зубов врагами на многочисленных фронтах гражданской войны.

Как писала 6 ноября 1979 года газета «Правда», «на всю жизнь сохранили кремлевские курсанты революционную окрыленность своей боевой молодости».

Владимир Ильич хорошо знал условия жизни и службы курсантов. Он относился к ним по-отечески, всячески стараясь облегчить их труд. Прежде всего он строго следил за тем, чтобы соблюдались все правила караульной службы. Он никогда не ожидал требования предъявить пропуск, а делал это сам, чем показывал пример всем товарищам, работавшим в Кремле. Лично присутствовал на многих выпусках красных командиров и выступал не-

ред ними с напутственными речами. Посещал занятия в казармы. Проверял питание курсантов. Беседовал с курсантами об их учебе, домашних делах и нередко оказывал им помощь в получении отпуска для ремонта дома и участия в хозяйственных работах.

Заботился об облегчении условий караульной службы курсантов. Узнав однажды о том, что ученый Термен изобрел электростатический аппарат²⁹, позволяющий без часового контролировать проходящих в Кремль, он у себя в кабинете устроил демонстрацию этого аппарата. И написал об этом в военное ведомство. Кстати сказать, в этом же письме он рекомендовал увеличить отпуск продуктов для питания курсантов «до полной сытости». Когда при проходе через Троицкие ворота в декабре 1920 года курсанты Тихонов и Артемов по небрежности не оторвали контрольный талон на пропуске, В. И. Ленин, узнав об этом, тотчас обратился с запиской к коменданту Кремля с просьбой не наказывать часовых³⁰.

Нельзя не упомянуть в связи с этим и о другом инциденте, происшедшем во время работы XI съезда партии. Заседания съезда проходили в Кремле, в зале имени Свердлова. Охрану несли кремлевские курсанты. Один из них — Ефим Заболотнов — отказался пропустить на съезд приехавшего из Петрограда товарища, который не имел на руках ни мандата делегата, ни пропуска для входа в зал заседаний. В ответ тот оскорбил часового. Об этом стало известно Ленину.

Специально созданная съездом комиссия разобралась в случившемся. В результате съезд партии по предложению президиума решил передать дело об оскорблении часового в военный трибунал. Решение съезда было объявлено кремлевским курсантам.

В составе кремлевских курсантов в разное время несли службу три женщины, в том числе латышка, бывшая батрачка Эльза Глазер, Анна Новикова (курсанты называли ее Иван Иванович — отчество Новиковой было Ивановна) и Е. Я. Барская. Они носили солдатское обмундирование, коротко стриглись.

Е. Я. Барская* рассказывала, что для того, чтобы не бросалось в глаза, что она девушка, в разговоре вместо слова «пошла» она говорила «пошел», вместо «ушла» —

* Барская Елизавета Яковлевна — член КПСС с сентября 1917 года, красногвардеец, бывший член комитета комсомола Кремлевского подрайкома, участница гражданской войны.

«ушел» и т. д. Правда, однажды на посту № 27 на вопрос Владимира Ильича, с какого фронта прибыл курсант, Барская неожиданно для себя вместо обычного «прибыл» отрапортовала:

— Я прибыла с Южного фронта.

Владимир Ильич не замедлил спросить:

— Так вы — женщина?

Ей пичего не оставалось, как признаться...

Владимир Ильич участливо спросил, не устала ли она стоять на посту?

Елизавета Барская вспоминала, что в ответ она браво выпалила:

— Красноармеец на посту не должен уставать!³¹

Кремлевский курсант Н. И. Данилов вспоминал: «В 1919 году я был председателем бюро партколлектива Первых Московских пулеметных курсов. Наша парторганизация всем кремлевским курсантам ставила в пример чекистов охраны В. И. Ленина: это были скромные, доброжелательные, исключительно дисциплинированные люди».

...Заканчивался 1919 год. 5—9 декабря В. И. Ленин участвовал в работе VII Всероссийского съезда Советов.

Из Большого театра Ильича среди других сопровождал кремлевский курсант М. И. Мартынов*. «...В один из дней заседания VII Всероссийского съезда Советов, — вспоминал он, — мне было оказано высокое доверие сопровождать Владимира Ильича в Кремль из Большого театра, где он выступал перед делегатами съезда. В Москве тогда было беспокойно. Владимир Ильич решил идти в Кремль пешком. Сопровождающих было четверо. Мы вышли на Театральную площадь, на которой было много народа.

Наше появление не привлекло к себе внимания. В то время рабочие Москвы находились на полувоенном положении. На многих из гуляющих были такие же шипели, как у нас. Ленин также был одет очень просто.

Мы шли так: один впереди, один позади и двое по бокам. Сопровождая Владимира Ильича, мы понимали, какое почетное и в то же время ответственное задание возложено на нас.

Пристально всматриваясь вокруг, мы были готовы в любую минуту прикрыть любимого вождя своей грудью.

* Мартынов Михаил Иванович — член КПСС с августа 1917 года, участник Октябрьской революции, помощник коменданта Кремля.

Я шел по левую сторону Ильича. Примерно на середине пути он повернулся ко мне и спросил, из какой губернии я прибыл в Москву.

Услышав, что я приехал из Самары, он оживился и сказал:

— Выходит, мы с вами земляки, я тоже жил когда-то в Самаре...

Да, Самара... — сказал он. — Помню, какие там чудесные калачи выпекали! И сейчас, наверное, самарцы едят настоящий хлеб, а нам приходится довольствоваться суррогатом...

Ленин обладал удивительной способностью располагать к себе людей, вызывать их на откровенный разговор. Когда Владимир Ильич напомнил о самарских калачах, у меня сразу исчезло всякое смущение, и между нами завязалась непринужденная беседа. Так мы незаметно и вполне благополучно дошли до его квартиры в Кремле. Владимир Ильич поблагодарил, пожал нам руки и стал подниматься по лестнице, к себе, а мы еще долго стояли, находясь под впечатлением общения с Лениным»³².

Нельзя не привести воспоминания еще одного кремлевского курсанта, ветерана партии В. В. Кириллова.

— Пост № 27 у квартиры Владимира Ильича в Кремле, — рассказывал он, — был очень ответственным. Не случайно там, кроме кремлевского курсанта, дежурил еще и чекист. Поэтому на пост № 27, как правило, выделялись коммунисты и комсомольцы. О чрезвычайной ответственности поста нам всегда напоминали на заседаниях ротных ячеек... Владимир Ильич хорошо знал в лицо каждого часового у своей квартиры, с каждым из нас здоровался, интересовался учебой, происхождением, спрашивал о родителях, хлопотал о них. Прошли десятки лет, но, как сейчас, слышу знакомый голос Ильича: «Здравствуйте, товарищ!»

Часовой — лицо неприкосновенное, к тому же он не имеет права отвлекаться, но каждый из тех, кто стоял на посту № 27, был безгранично счастлив, когда с ним заговаривал Ильич.

Как-то ночью Ленин появился у нас в казарме и, стараясь никого не разбудить, прошел с дежурным между кроватями. Глава правительства интересовался, в каких условиях живем мы, красноармейцы. В другой раз Ленин, помнится, сделал запрос, что именно требуется для улучшения питания курсантов? Познакомившись с докладной запиской коменданта Кремля Р. А. Петерсона,

наложил следующую резолюцию для Управляющего делами Совета Народных Комиссаров: «Н. П. Горбунову. Необходимо нажать и проверять Вам лично внезапно раз в 2 месяца. Ленин»³³.

Бесконечно дорога каждая строка воспоминаний кремлевских курсантов.

Михаил Федорович Орлов, один из организаторов волостных ячеек РКСМ Белевского уезда Тульской губернии, с сентября 1921 года по май 1923 года был кремлевским курсантом.

— Первая моя встреча с Лениным, — рассказывал Михаил Федорович, — относится к весне 1922 года. Я стоял часовым на посту у Боровицких ворот Кремля. В то время для общего прохода они были закрыты — через них проходил только трамвай, на котором в Кремль доставлялись дрова и другие грузы. Весна была ранняя и теплая. В чистом небе сначала появилась небольшая тучка, а затем пошел дождь. Вижу, что из Тайницкого сада быстрой походкой поднимаются к арке ворот Владимир Ильич и Демьян Бедный.

— Товарищ часовой! — обратился ко мне Ленин, — Вы разрешите нам рядом с Вами постоять, укрыться от дождя?

Я взял винтовку по команде «смирно», отошел в сторону, давая обоим место...

Они оживленно разговаривают. Не желая быть невольным слушателем разговора, отхожу дальше...

— Нет, нет. Вы нам не мешаете, — поспешил сказать Ильич. — Это мы вам мешаем...³⁴

В Тайницком саду. Прогуливаясь по Кремлю, Владимир Ильич любил подходить к Тайницкому саду, наблюдать за спортивными упражнениями или слушать песни кремлевских курсантов.

Бывший кремлевский курсант А. Н. Ганкин вспоминал весенний солнечный день, когда он вместе с товарищами упражнялся на турнике.

— Спрыгнув с турника, я заметил, что меня подзывает Ленин. Он сидел на скамейке неподалеку и, как оказалось, наблюдал за занятиями курсантов. Вместе с ним был Ф. Э. Дзержинский. «Вот этот молодой человек, — сказал Владимир Ильич Дзержинскому, — оказывается, не только хорошо стоит на посту, но и хорошо работает на турнике».

Владимир Ильич был в пальто и кепке. У него было замечательное настроение. Он улыбался. Было радостно

видеть его таким, так как известно было, что сравнительно недавно Владимир Ильич перенес операцию по извлечению пули, оставшейся со времени злодейского покушения на него. Когда к нам подошли другие курсанты, Ленин встал со скамейки. Узнав, что мы будем саперами, сказал, что эта специальность нужна не только для военных дел, но и для мирного строительства.

Я стоял перед Лениным, вытянувшись в струнку. На это обратил внимание Дзержинский. Он хлопнул меня по плечу и сказал, что я могу стоять «вольно». Я смотрел на Ленина, стараясь запечатлеть в памяти его удивительно простое и доброе лицо. «Нам очень важно, чтобы спорт был массовым, всенародным делом, — сказал Ильич. — Здоровье народа — для нас главное».

Владимир Ильич поинтересовался, как живут и питаются курсанты. Мы рассказали, что нас посещают и проводят с нами беседы товарищи М. И. Калинин, А. В. Луначарский, А. М. Коллонтай, А. С. Енукидзе, что нас хорошо кормят. Мы поблагодарили за заботу о нас.

Ленин и Дзержинский тепло с нами простились, пожелали нам успехов»³⁵.

Кремлевская школа. Дети проживавших в Кремле работников правительственных учреждений учились в Кремлевской школе, директором которой была жена Я. М. Свердлова — К. Т. Новгородцева. Школа помещалась на третьем этаже здания, где была квартира В. И. Ленина.

Площадку между Успенским и Архангельским соборами Кремля школьники старших классов превратили в футбольное поле. Играли ребята с большим азартом, хотя вместо кожаного мяча пользовались мячом, сшитым из тряпок. Смотреть футбол приходило немало болельщиков, остро реагировавших на каждый забитый мяч.

Как-то осенью рядом с группой болельщиков — свободных от нарядов кремлевских курсантов и школьников младших классов — остановился Владимир Ильич. Увидев, что мяч был из тряпок, он стал смеяться и начал что-то говорить сопровождавшему его чекисту А. Я. Беленькому и коменданту Кремля Р. А. Петерсону. К концу игры стало известно, что Ленин поручил достать для ребят настоящий кожаный мяч. С тех пор школьники уже не имели дела с мячом из тряпок...³⁶.

ПЛЕЧИ МИЛЛИОНОВ

В воспоминаниях о В. И. Ленине Л. А. Фотиева писала: «Однажды, работая в секретариате Совнаркома и просматривая секретную почту, я прочла сообщение о готовящемся покушении на жизнь В. И. Ленина. Первым моим движением было броситься в кабинет Владимира Ильича и сказать ему об этом.

«Позвоните Дзержинскому», — спокойно сказал мне Владимир Ильич. Каково же было мое смущение, когда я услышала ответ Дзержинского.

«Да, мы знаем об этом. Не говорите Владимиру Ильичу», — подчеркнул он.

Вскоре меня вызвал Владимир Ильич и спросил, что сказал Дзержинский. Мне пришлось передать Владимиру Ильичу ответ Феликса Эдмундовича. Надо было видеть, как хохотал Владимир Ильич, откидываясь на спинку кресла и лукаво поглядывая на меня, подавленную своим промахом...»¹

Лидия Александровна вспоминала о посещении Кремля эсеркой Петровской. Она домогалась приема ее В. И. Лениным, ссылаясь на то, что в 1897 году она по просьбе знакомых ходила в тюрьму на свидание с Владимиром Ильичем. Манера держаться, ужимки Петровской вызвали подозрения Л. А. Фотиевой, которая сказала Владимиру Ильичу, что посетительница не вызывает доверия.

Владимир Ильич не помнил посещения его Петровской в тюрьме, но, когда Мария Ильинична подтвердила этот факт, он написал об этом Петровской. Оказалось, что письмо Ленина потребовалось Петровской для маскиров-

ки своей антисоветской деятельности. Она была тесно связана с английским шпионом-заговорщиком Полем Дюксом. Последний поддерживал отношения с руководителями контрреволюционной организации «Национальный центр», финансировал этот заговор, участвовал в подборе будущего белогвардейского правительства в России.

По совету Дюкса авантюристка Петровская даже пробралась в ряды Коммунистической партии. Она стала правой рукой английского агента, вместе с ним ездила из Петрограда в Москву для знакомства с антисоветскими заговорщиками.

ВЧК арестовала Петровскую еще по делу о кропштадтском заговоре в июне 1919 года, но ей удалось избежать наказания. Вторично арестованная в Петрограде, она была привезена чекистами в Москву. По распоряжению Ф. Э. Дзержинского шпионку возили по улицам столицы до тех пор, пока она не стала «вспоминать» адреса участников антисоветского заговора.

Следствие установило, что в заговоре участвовали царские сановники, белогвардейские генералы и адмиралы, ставившие своей задачей свержение советского строя.

Нетрудно понять, какого рода задание имела эта преступница, имевшая кличку Мисс.

Бывший секретарь В. И. Ленина Л. А. Фотиева дала высокую оценку солдатам революции, которые охраняли Кремль, В. И. Ленина: «Быть на посту у кабинета или квартиры В. И. Ленина считалось очень почетным. Чекистов для охраны Ильича подбирал сам Дзержинский... Время было тяжелое. Охранять Владимира Ильича надо было, но никакая личная охрана не справилась бы со своей задачей, если бы Ленина не охраняли миллионы людей, сама революция, которой всю свою прекрасную жизнь отдавал этот великий и простой человек»².

В день коммунистического субботника. Необычайна историческая и художественная ценность ленинских прижизненных фотографий и кинокадров, донесших до нас неповторимый облик основателя большевистской партии и Советского государства.

В Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС собрано 396 фотографий и свыше 600 документальных кинокадров из двадцати сохранившихся киносъемок В. И. Ленина.

На photographиях и кинокадрах в ряде случаев мы видим тех, кому партия и народ поручали охрану Ильича,

среди них чекистов Беленького, Уралова, Буманиса, Тизенберга и других.

...День международной пролетарской солидарности 1 Мая 1920 года. На фотографиях, запечатлевших Ильича в этот день, молодая работница в кожаной куртке и с косынкой на голове. Это сотрудница Наркомата труда Лидия Максимовна Шмидт.

— Началось с субботника в Кремле, — рассказывала она. — В тот день он проходил повсюду. Мне было 19 лет. Я проживала на территории Кремля и вместе с другими с раннего утра явилась на одну из его площадей.

День был хороший. По-весеннему светило солнце. У всех было прекрасное настроение. Все было для нас ново и необыкновенно. Участникам субботника в Кремле предстояло очистить площадь, заваленную бревнами, щебнем и строительным мусором еще с дореволюционных времен. Все очень дружно приступили к работе. Не было никого, о котором можно было бы сказать, что вот, мол, работает для вида. Подростки и даже детвора всячески пытались помочь старшим.

Главной рабочей силой на субботнике в Кремле были кремлевские курсанты. Они взваливали на свои плечи тяжелые бревна и перетаскивали их в определенное место.

Вместе с ними трудился и В. И. Ленин. Четвертого мая газета «Правда» сообщала: «Артель из 8-ми человек переносит на плечах тяжелое бревно около одной четверти аршина в диаметре. В числе этих 8-ми работников и Председатель Совета Народных Комиссаров Ленин».

Для перевозки строительного мусора, щебня кремлевские курсанты приспособили военную двуколку. Не знаю уж, как тогда получилось, но «запряженной» в нее оказалась... я. Конечно, двуколку толкали курсанты, а я лишь поворачивала ее в нужную сторону. Все шло хорошо. Все спорилось. Шутки, остроумное слово помогали работать. Но как только меня увидел Ленин, он покачал головой и стал журить курсантов. Меня тотчас «выпрягли» и дали другую работу.

После субботника Владимир Ильич собрался в город. Перед выездом из Кремля, сидя в автомашине, он попросил товарища из охраны подойти к Шмидт и в порядке поощрения предложить ей поехать с ним в город.

Шмидт ничего подобного не ожидала. Поправляя на ходу растрепавшиеся на ветру волосы, она быстро накрыла голову белым носовым платком, села в машину.

На фотографиях платок похож на косынку... Шофер т. Гиль тронул машину.

— Владимир Ильич стал иронизировать по поводу того, что я дала «маху» и меня «запрягли» в двуколку, — вспоминала Лидия Максимовна. — Автомашина остановилась на Театральной площади у входа в сквер. В тот день там была назначена закладка памятника К. Марксу. Закладка памятника происходила в центре сквера, куда мы подъехали к двум часам дня.

Был заготовлен гранит, на котором сделана надпись: «Первый камень памятника великому вождю и учителю пролетариата Карлу Марксу». Ленин был в прекрасном, бодром настроении. Поднявшись на трибуну, Владимир Ильич в краткой речи говорил о символичности того, что в международный праздник труда — 1 Мая закладывается памятник К. Марксу.

— Я как раз стояла позади него, справа, когда Ильич, — рассказывала Лидия Максимовна, — взял в руки поданную ему металлическую пластинку с каким-то текстом. Это был «протокол» закладки памятника. Держа обеими руками пластинку, Владимир Ильич ее прочел и затем расписался. После этого пластинку опустили в ларец и замуровали в фундаменте. Меня снова попросили сесть в автомобиль.

Мы поехали на Кропоткинскую набережную. Там Владимир Ильич присутствовал на закладке памятника «Освобожденному труду». Но по пути он остановил автомашину у Александровского сада. Вышел из автомобиля, снял головной убор и несколько минут молча постоял у обелиска деятелям освободительного движения. Затем мы двинулись на Кропоткинскую набережную, к месту закладки памятника «Освобожденному труду».

Затем Владимир Ильич в сопровождении А. В. Луначарского, Демьяна Бедного и других направился в Музей изящных искусств, где была выставка проектов памятника. Мы шли пешком, так как здание музея находится близко от Кропоткинской площади. Вокруг Владимира Ильича собралось много людей. Все стремились увидеть Ленина, но порядок никем не нарушался. Каждый, кто шел за Ильичем, оберегал его от какой-либо неожиданности, каждый старался внимательно взглянуть на шедшего рядом, чтобы, как говорится, самому убедиться в надежности случайного спутника.

В тот памятный день молодой работнице посчастливилось побывать и на квартире Ильича. Произошло это

так. Когда вернулись в Кремль, Владимир Ильич пошел к себе на квартиру, а Лиду окружили курсанты. Ей наперебой задавали вопросы о выступлении Ленина. Она еле успевала отвечать. Затем один из организаторов субботника в Кремле дал ей вырезанный из плотного картона значок в честь 1 Мая и субботника и сказал, что этот значок она должна вручить Владимиру Ильичу. Владимир Ильич уже пообедал и был готов к выезду на какое-то предприятия. Встретив свою попутчицу в столовой, он сердечно поблагодарил за первомайский значок и при ней прикрепил его к красному банту на пиджаке³.

Среди тех, кто 1 Мая 1920 года оберегал В. И. Ленина на предприятиях, был чекист Ф. И. Леонов*.

— Начальник охраны А. Я. Беленький, — вспомнил он, — выделил из числа сотрудников трех человек — Чернокурова, Карпова и меня, — и поручил нам выехать на текстильную фабрику «Трехгорная мануфактура» для охраны В. И. Ленина. Спустя несколько часов мы уже встречали Владимира Ильича у входа на текстильную фабрику «Трехгорная мануфактура». Ленин более получаса, присев на бревно, ждал окончания обеда рабочих в столовой, где затем состоялся митинг.

Вечером, когда В. И. Ленин с М. И. Ульяновой, М. И. Калинин и секретарем МК А. Ф. Мясниковым присутствовали на открытии Рабочего Дворца имени В. М. Загорского на заводе «Икар», мы снова песли охрану. На митинге рабочих, проходившем во дворе, Ленин выступил с речью. Повсюду рабочие встречали Ильича с огромным воодушевлением⁴.

В Горках. Летом 1920 года даже в Подмоскowie иногда появлялись банды. Охрана же В. И. Ленина в Горках была сопряжена с большими трудностями, так как он стремился уйти из-под опеки. Вот выдержка из одного воспоминания: «Товарищ Ленин от охраняющего удирает: скроется в кустах, в лесу, и баста. Туда, сюда, его нет. Приходилось поиски конспирировать. Пойдут, бывало, в разные стороны несколько человек из отдыхающих в санатории (санаторий МК РКП(б). — И. З.), и обязательно кто-нибудь в лесу «нечаянно» наткнется на товарища Ленина, поздоровается, заведет о чем-либо разговор, и идут вместе, товарищ Ленин не подозревает, конечно, с какой целью встретил его собеседник. Но не всегда в

* Леонов Федор Иванович — член КПСС с 1919 года, участник гражданской и Отечественной войн, в органах ВЧК с 1919 года.

таких случаях бывало легко найти товарища Ленина, часто он уходил очень далеко. И направление, куда он пошел, трудно было угадать».

Владимир Ильич, волжанин, прекрасно плавал.

«Уплывет, бывало, на полверсты, — читаем мы в том же воспоминании, — вылезет на берег и сидит. Плыть из нас никто не мог, а идти по берегу... знали, что он этого недолюбливал. В таких случаях как хочешь, так и выкручивайся»⁵.

Карл Адамович Дунц вспоминает:

— Владимир Ильич и мы находились в Горках инкогнито. Никто из посторонних не должен был знать, что именно Ленин временами прогуливается в окрестностях «Большого дома». Как-то на значительном расстоянии от парка навстречу Ильичу шел крестьянин с косой. Поравнявшись с ним, Ленин стал его расспрашивать о семье, его хозяйстве. Владимир Ильич был в вязаной фуфайке, в кепке, рука на перевязи. Мы затем спросили крестьянина — знает ли он, с кем разговаривал? Оказалось, что Ленин был принят землепашцем за дачника. Живя рядом с поместьем бывшего московского градоначальника, крестьянин, наверное, не раз встречал «начальство», кланялся в пояс даже перед челядью из поместья, а тут сам глава правительства запросто разговаривает с ним. Кто в это поверит?

Были случаи, когда, кроме обычной охраны, устанавливались дежурства из числа отдыхающих в санатории в Горках. В первую очередь это относится к тому времени, когда на Советскую Россию напали белополяки. По свидетельству работников охраны, Владимир Ильич в тот период ночами не спал — он ходил по террасе дома, когда все другие обитатели Горок давно уже спали глубоким сном.

Как-то Феликс Эдмундович Дзержинский вызвал к себе чекиста Анатолия Ивановича Крымова и сказал ему:

— Владимир Ильич решительно воспротивился ограждению Горок забором. Людей же в охране мало. Как вы смотрите на то, чтобы хотя бы на время переселиться в Горки?

Анатолий Иванович Крымов, в прошлом руководитель Серпуховского комитета комсомола, с радостью согласился. Пополнив охрану Ильича, он в дальнейшем рассказывал, выступая перед молодежью:

— Я имел редкое счастье видеть Ленина. Я его видел то сидящим на балконе и склонившимся над книгами, то

просто отдыхающим на скамейке в парке, то играющим с детьми и угощающим их гостинцами из Москвы.

Вторая поездка в Петроград. В воскресенье, 18 июля 1920 года, на перроне Николаевского, ныне Ленинградского вокзала Москвы стоял пассажирский поезд № 6, готовый к отбытию в Петроград. В поезде был ряд делегатов II конгресса III Коммунистического Интернационала, основная же масса делегатов уже выехала в Петроград предыдущим поездом. В купе второго класса поезда № 6 находились Владимир Ильич и Мария Ильинична Ульянова. В поезде В. И. Ленина сопровождали А. Я. Беленький и Р. М. Габалин.

Охрана поезда была поручена курсантам кремлевских пулеметных курсов. Среди них был Г. С. Антонов*, возглавлявший пулеметную команду. Вот отрывок из его воспоминаний:

«Командованию курсов через коменданта Кремля было приказано подготовить охрану из особо отобранных курсантов-пулеметчиков. Отбор командование поручило провести непосредственно партийному бюро курсов. Решением бюро это было возложено на меня как члена бюро.

За несколько дней до отъезда я занялся этим вопросом. В результате персонального отбора были выделены как лучшие курсанты-коммунисты Солодов, Глобов, Бершов и другие.

Для поездки делегатов было сформировано два поезда. В одном из них находился и В. И. Ленин. Для пулеметной команды был выделен отдельный вагон.

Во второй половине дня 18 июля Ленин приехал на вокзал. Я его встретил и проводил в вагон. Через несколько минут мы тронулись в путь. Поезд за всю дорогу имел всего три остановки — Клин, Тверь и Бологое. Ильич выходил на всех трех станциях. И хотя тут же открывались митинги, он не выступал, а уходил пройтись по станционным залам.

Когда Владимир Ильич выходил из вагона, мы, естественно, следовали за ним.

На одной из остановок Ленин подошел ко мне и говорит:

— Товарищ Антонов, не надо так охранять меня. Поймите, это производит на людей неприятное впечатле-

* Антонов Григорий Степанович — член КПСС с марта 1917 года, участник Октябрьской революции, Великой Отечественной войны, полковник в отставке.

ние. — И я в дальнейшем перестроил охрану, как этого желал Ленин. Мы стали действовать не так навязчиво»⁶.

Второй конгресс Коммунистического Интернационала открылся 19 июля 1920 года в Таврическом дворце Петрограда.

К охране коммунистических посланцев из многих стран мира и персонально В. И. Ленина были привлечены коммунисты и рабочий актив Петрограда. Ответственность за охрану была возложена на начальника Петроградского укрепленного района Дмитрия Николаевича Аврова.

Бывший главнокомандующий Вооруженными Силами республики С. С. Каменев в своих воспоминаниях писал об Аврове как о самородке, выдвинутом революцией. Реввоенсовет Восточного фронта, учитывая личные качества Аврова — храбрость, находчивость, исключительную волю, назначил его комендантом Казани. Впоследствии Д. Н. Авров стал комендантом Петроградского укрепленного района, принял командование и Петроградским военным округом.

Председатель Комитета по организации празднеств в связи с конгрессом, председатель Петроградского губернского совета профессиональных союзов и одновременно заместитель начальника Петроградского укрепрайона Н. М. Анцелович вспоминал, что, когда Владимир Ильич из Смольного отправился во главе демонстрации, он отказался от всякой охраны.

«Нам пришлось пойти на уловку, — писал Анцелович. — Мы окружили его плотным кольцом, и, чтобы никто не проник в нашу группу, у каждого из нас на пиджаке был прикреплен специальный значок. Этот же значок был и у Владимира Ильича. Он догадывался, что это «кольцо» образовалось не случайно. В ответ на это он хитро улыбался, прищурив глаза»⁷.

Проходя через огромный Екатерининский зал Таврического дворца, Владимир Ильич мельком осмотрел витрины книжной выставки, где лежали экземпляры его последней работы «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Потом, не заходя в зал заседаний, куда направлялись его спутники, В. И. Ленин вместе с ожидавшим его Д. Н. Авровым прошел в комнату, где был установлен телефон для прямых переговоров с Москвой.

Вот несколько строк из воспоминаний П. Кутейникова, которого Д. Н. Авров откомандировал в Таврический дворец для организации телефонной связи.

«Связь к этому дню была устроена на славу... Я — в комнате, прилегающей к залу заседаний, где у нас установлен переговорный пункт с Москвой. Входит Владимир Ильич с Авровым. Ленин вызывает Кремль. Кончив переговоры, Владимир Ильич благодарит... направляется в зал заседаний. Делегаты конгресса и гости встречают его громом аплодисментов. С трудом Ильичу удается остановить приветствия и приступить к докладу о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала»⁸.

В. В. Виноградов вспоминал: «Задумали мы сфотографировать Владимира Ильича на лестнице, при выходе из дворца. Известно, что он не любит сниматься. Хотим попробовать через А. М. Горького. Может быть, ему удастся уговорить Ильича. При этом Дмитрий Николаевич показал мне два условных сигнала: «Следи за мной. Если подниму правую руку и указательный палец, — значит, должен подойти ко мне ты, если левую — то фотограф».

После доклада о международном положении Владимир Ильич Ленин, возбужденный и усталый, вышел на балкон дворца в сопровождении А. М. Горького и, о чем-то дружески беседуя с ним, остановился на ступеньках. В этот момент по сигналам Аврова явился В. В. Виноградов и известный в то время фотограф В. К. Булла. Последний установил треногу и, накрывшись черным покрывалом, начал наводить объектив.

Так была получена известная фотография В. И. Ленина и А. М. Горького. Снимок в те годы был широко распространен. Печатали его газеты и журналы.

Спустившись с лестницы, Ленин и Горький решили пройтись по скверу, подышать свежим воздухом. А за оградой сквера с развевающимися флагами, под звуки оркестров шли бесконечные демонстрации питерских рабочих, приветствуя посланцев коммунистических партий мира и любимого Ильича.

После окончания первого заседания II конгресса Коммунистического Интернационала Владимир Ильич побывал в доме отдыха петроградских рабочих на Каменном острове. Рабочие тепло встретили Ленина. В продолжительной непринужденной беседе Владимир Ильич подробно говорил с ними о роли Коммунистического Интернационала в борьбе за интересы рабочего класса во всем мире.

В тот же день Ленин побывал на квартире А. М. Горь-

кого по Кронверкскому проспекту (ныне проспект М. Горького).

Вечером 19 июля у Зимнего дворца состоялся многочисленный митинг рабочих, красноармейцев и матросов с участием делегатов II конгресса Коминтерна, Владимир Ильич выступал перед ними с речью о внутреннем и международном положении Советской Республики.

На некоторых фотографиях, сделанных в этот день, мы видим и сотрудников охраны В. И. Ленина — в частности, приехавших с ним в Петроград А. Я. Беленького и Р. М. Габалина.

19 июля В. И. Ленин уехал в Москву, где II конгресс Коммунистического Интернационала — с 23 июля по 6 августа — продолжал свою работу.

В охране поезда из Петрограда в Москву среди других был член КПСС с 1918 года, бывший токарь «Нового Леснера» и Семянниковского завода чекист транспортной ЧК бывшей Николаевской железной дороги Петр Герасимович Щевьев. Красногвардеец с Невской заставы, он неоднократно стоял на посту в Смольном и был знаком с В. И. Лениным.

Увидев П. Г. Щевьева в вагоне поезда, Владимир Ильич протянул ему руку и, здороваясь, сказал:

— Я помню вас. Вы ведь из питерских металлистов, работали на боевых, революционных заводах...

В своих воспоминаниях П. Г. Щевьев рассказывает:

— По прибытии поезда в Москву Владимир Ильич снова подал мне руку, сказав: «Большое спасибо за службу. Доехали благополучно и без опоздания»⁹.

На съезде комсомола. 2—10 октября 1920 года в Москве проходил III съезд Российского Коммунистического Союза Молодежи. В день его открытия В. И. Ленин выступил на съезде с речью о задачах союзов молодежи.

— 2 октября 1920 года, — вспоминал Я. М. Рубашевский, — мы сопровождали Лепина на III Всероссийский съезд РКСМ, который проходил на Малой Дмитровке в доме № 6.

Большой зал был набит до отказа. Бросалась в глаза молодежь в красноармейской форме, молодые командиры, рабочие и крестьянские пареньки, просто, но аккуратно одетые девушки — краса и цвет Советской Республики, будущее нашей страны.

В зале еще звучали задорные песни, когда по рядам пронесся, а затем в радостном порыве поднял всех присутствующих клич: «Ленин приехал!»

Ленин стоял на сцене и, улыбаясь, пытался остановить бушующий порыв... Выступление Владимира Ильича делегаты съезда слушали с большим вниманием... Владимир Ильич, смотревший далеко вперед, ставил перед советской молодежью задачу — учиться коммунизму.

Окончив свое выступление, Ленин ответил на многочисленные вопросы...» Ленина на съезде не надо было охранять. Он был среди единомышленников.

7 ноября 1920 года. В третью годовщину Великого Октября В. И. Ленин приехал в Сокольнический район Москвы, где принял участие в торжественном заседании пленума районного Совета с участием представителей фабрично-заводских комитетов.

Бывший секретарь районного комитета партии Т. Ф. Людвинская вспоминала: «В районе было мало крупных предприятий. Различного рода враждебные элементы и их подпевалы распространяли провокационные слухи. Наш район, однако, был известен и тем, что именно у нас, в мастерских Московско-Казанской железной дороги, было положено начало коммунистическим субботникам.

Во всяком случае мы решили просить Ильича выступить в нашем районе с докладом. И вот 6 ноября 1920 года по поручению райкома я позвонила в Кремль к товарищу Ленину и просила его приехать к нам на торжественное заседание по случаю годовщины Октября.

Известно, что Владимир Ильич часто выступал не только по путевкам Московского комитета партии, но и по просьбе отдельных райкомов партии и коллективов трудящихся. На просьбу о выступлении Ильич ответил отрицательно, объяснив, что будет занят в другом месте. Я все же надеялась, что Ильич приедет, и не ошиблась.

В день 7 ноября, когда проходило торжественное заседание пленума Сокольнического райсовета совместно с представителями фабрично-заводских комитетов и правлений предприятий, в зале неожиданно появился Ленин. Он незаметно прошел на сцену театра «Тиволи», где мы собрались, но его, естественно, увидели и только из-за протеста Ильича не стали прерывать докладчика.

Владимир Ильич отозвал меня в сторону за сцену, стал расспрашивать о положении в районе, настроениях коммунистов, рабочих, ходе субботников, задавал вопросы — что именно делается для поднятия трудовой дисциплины на предприятиях и на железной дороге.

Я отвечала на все вопросы Ильича, но он задавал все новые.

— Кто выступает в районе докладчиками? — спросил Ленин.

Владимир Ильич спросил о докладчике нашего юбилейного собрания.

— Педагог, опытный, — ответила я.

Владимир Ильич попросил рассказать подробнее.

Я ответила, что педагог был меньшевиком, но недавно вступил в нашу партию. Прислан Московским комитетом.

— Большевик?! Другого не могли найти? Лучшего не придумали! — с упреком говорил Владимир Ильич. — А где же наши старые пропагандисты?..

Когда доклад был закончен, председательствующий на собрании Алексей Григорьевич Герасимов радостно объявил:

— Товарищи! У нас сегодня дорогой гость, Владимир Ильич Ленин!

Все встали, бурно аплодировали. Но Ленин вышел на трибуну только тогда, когда было объявлено:

— Слово предоставляется товарищу Ленину.

Все восемьсот человек сердечно приветствовали Владимира Ильича. Он жестом дал понять, что пора наконец приступить к делу. Все мы с величайшим вниманием стали слушать его, Ленин говорил о героизме рабочего класса, трудящихся масс, о лишениях людей, их страданиях во имя победы над врагом на фронтах гражданской войны, о том, что после победы перед молодежью, комсомольцами стоит великая задача восстановления разрушенного народного хозяйства. Это — бескровная, но не менее тяжелая война, и мы ее должны выиграть.

Ленин говорил, как необходима сознательность, сплоченность рабочих вокруг партии большевиков и Советов, железная трудовая дисциплина.

Закончил свою речь Владимир Ильич с уверенностью, что будет одержана победа над холодом и голодом, и призвал проникнуться трудовым энтузиазмом, волей к труду во имя быстрейшего подъема народного хозяйства, во имя блага рабочих и крестьян нашей страны»¹⁰.

С Владимиром Ильичем приезжал А. Я. Беленький. Он был хорошо известен Т. Ф. Людвинской еще по парижской эмиграции.

— Беленький называл сотрудников охраны Ленина, — сказала Т. Ф. Людвинская, — солдатами Ильича.

Увидев, что Владимира Ильича встречали специально выделенные нами люди и что они обеспечили образцовый порядок при встрече и проходах товарища Ленина, Бельский, прощаясь с нами, заметил: «Дисциплина у них как у солдат Ильича!»¹¹.

7 ноября 1920 года было воскресенье. В тот день Владимир Ильич присутствовал и на выпуске курсантов Московской кавалерийской школы. Его сопровождал Ф. Э. Дзержинский.

Курсанты были построены в манеже в районе Зубовской площади, где обычно проходили их занятия по кавалерийскому делу.

Остановившись посреди манежа, Владимир Ильич сердечно поздоровался с курсантами и в наступившей после их несмолкавших аплодисментов тишине выступил с речью о третьей годовщине Октябрьской революции. Поздравив 58 выпускников с производством в красные командиры, Ленин собирался с ними попрощаться. Однако от имени курсантов и командиров должен был выступить выпускник школы Владимир Степанович Строгалев. Узнав об этом, Ленин сказал, что он очень торопится.

Держащий в руках конспект своей речи Строгалев вышел из положения очень просто, громким голосом он произнес слова: «Да здравствует товарищ Ленин!»

Все присутствующие бурно аплодировали, выражая свою любовь к Ленину.

В деревне Кашино. 12 ноября 1920 года правление подмосковного товарищества «Заря» через своего ходока, крестьянина С. А. Куркова, направило Владимиру Ильичу следующее письмо:

«Гр(ажданину) Ленину.

Уважаемый товарищ!

Правление товарищества настоящим сообщает, что 14 сего ноября состоится открытие электрического освещения в селении Кашино, на каковое покорнейше просим прибыть, разделить ту радость, которую мы ощущаем при виде электрического освещения в крестьянских халупах, о котором при власти царей крестьяне не смели думать. Ваше присутствие весьма желательно:

Порядок праздника:

1. Прием гостей от 7 часов утра в доме братьев З. и К. Кашкиных.
2. В 4 часа митинг с оркестром музыкантов и пением «Интернационала».
3. В 6 часов вечера обед.

4. В 8 часов вечера балет молодежи деревни с участием струнного оркестра.

Председатель правления Д. Родионов.

Члены комиссии по устройству праздника С. Курков, С. Коробков»¹².

Владимир Ильич принял приглашение крестьян подмосковной деревни Кашино (ранее Волоколамского уезда Московской губернии).

По воспоминаниям Н. К. Крупской, Владимира Ильича особенно интересовал факт электрификации села по инициативе самих крестьян.

Точно в назначенный день — 14 ноября Владимир Ильич и Надежда Константиновна приехали в деревню Кашино, которая находится в 140 километрах к северо-западу от Москвы. Эта поездка В. И. Ленина, его сердечная встреча с крестьянами Кашина и села Ярополец, находящегося неподалеку и куда вечером того же дня по приглашению крестьян ездил Владимир Ильич, хорошо известны.

Хочется познакомить читателя с воспоминаниями бывшего сотрудника Волоколамского уездного политбюро ВЧК Тимофея Савельевича Федорова. Он встретил дорогих гостей в городе Волоколамске и сопровождал их весь день.

— При въезде в город, — вспоминал Т. С. Федоров, — автомашину В. И. Ленина остановил постовой милиционер, потребовав предъявить разрешение Московского исполкома на проезд автомобилем. Такой пропуск был тогда установлен в целях экономии горючего. Милиционер конечно, не знал, что это автомобиль товарища Ленина.

Из автомобиля вышел Беленький, который был в охране В. И. Ленина, и заминка была ликвидирована. Шофер не знал дороги в Кашино из Волоколамска — не знал ее и милиционер. Выручил восемнадцатилетний красноармеец Петр Семенов. Он подбежал к машине и вызвался показать дорогу. Его пригласили в автомашину. Вместе тронулись в путь.

При въезде в деревню Кашино, поравнявшись с шедшим по улице стариком Андреем Курковым, Ленин спросил его, где крестьяне собираются на праздник по поводу пуска электростанции. Курков ответил, что и он туда направляется. Владимир Ильич открыл со своей стороны дверцу автомобиля и предложил старику сесть в автомобиль. Курков в нерешительности стоял возле автомашины и обдумывал, сесть в автомобиль или отказаться. Ле-

нин вторично обратился к нему: «Не стесняйтесь, проходите, садитесь». Когда он сел, Владимир Ильич протянул ему руку и сказал:

— Давайте знакомиться! Председатель Совнаркома Ульянов-Ленин.

После знакомства Владимир Ильич спросил, как живут крестьяне, довольны ли электрическим освещением. Курков ответил:

— Живем, товарищ Ленин, потихоньку, но думаем жить теперь лучше.

Подъехав к дому, где собрались крестьяне на торжественное собрание, первым выскочил из машины Петр Семенов, затем вылез дед Андрей Курков, потом вышли Владимир Ильич и Надежда Константиновна Крупская. Они обратились к собравшимся с приветствием: «Здравствуйте, товарищи!» В ответ раздались голоса: «Здравствуйте! Здравствуйте!» Первым оказался около автомашины техник-строитель Пузанов. Он не знал в лицо Ленина и обратился с вопросом, от какой организации они являются представителями. Ленин ответил, что он Председатель Совнаркома Ульянов-Ленин, с ним его супруга.

При входе в дом братьев Кашкиных струнный оркестр встретил товарища Ленина «Интернационалом».

Крестьяне хотели помочь Ленину раздеться, но он сказал: «Не беспокойтесь, я сам с этим делом справлюсь». Он быстро снял пальто, повесил на гвоздь и помог раздеться Надежде Константиновне. Повесив и ее пальто, Ленин, улыбнувшись, сказал: «Это моя обязанность — ухаживать за супругой».

Сначала крестьяне чувствовали себя несколько напряженно. Каждый думал, с чего начать разговор, но это длилось недолго. Владимир Ильич сам начал расспрашивать об их жизни, вызывая своей приветливостью и простотой на полную откровенность.

Владимир Ильич всех внимательно слушал, иногда, для уточнения, задавал вопросы. Сам говорил. Особую активность в разговорах проявил дед Курков. Он был рад, что приехал вместе с Лениным и здесь сидит с ним рядом. Откровенная беседа продолжалась, а в стороне фотограф Федор Феофанов готовился снять товарища Ленина и присутствующих крестьян. Феофанов сильно волновался, так как не ожидал, что придется фотографировать Ленина с кашинскими крестьянами. Он торопил со съемкой. Обращаясь к Ленину и к Крупской, он сказал: «Прошу пойти на улицу, а то наступают сумерки».

Если бы не вмешательство фотографа, вопросам и разговорам с Лениным не было бы конца. Все быстро оделись, вышли на улицу и направились к указанному фотографом месту. Ленина и Крупскую окружили дети. К ним ласково обращались Владимир Ильич и его супруга и задавали вопросы, дети наперебой отвечали, держались, кто за руки, кто за полы пальто Ленина и Крупской. Владимир Ильич шутил с ребятами, усаживал их перед фотоаппаратом, призывал сидеть смирно, не вертеться, указывал, куда им смотреть, чтобы они получились на фотографии.

Время шло, а съемка не начиналась. Ленин обратился к фотографу со словами:

— Товарищ фотограф, не заморозьте ребят.

Фотограф ответил:

— Ничего, Владимир Ильич, они у нас закаленные, никакой мороз их не берет. Выдержат.

После фотографирования * все пошли к трибуне. Крестьяне попросили ребят отойти в сторону и больше не мешать. Ленин и здесь не оставил их без внимания, предложил шоферу покатавать ребят на машине.

Тов. Родионов открыл собрание и начал вступительную речь, подготовленную накануне, в которой он выразил от имени всех благодарность товарищам Ленину и Крупской. Далее Родионов предоставил слово Ленину. Появление Ленина на трибуне вызвало взрыв приветствий. Все крепко хлопали в ладоши, кричали «ура», бросали вверх шапки. Долго пришлось Ленину успокаивать крестьян, чтобы начать свою речь.

— Товарищи крестьяне! О значении электричества я скажу в конце. Но прежде всего позвольте вас порадовать, только сегодня мною получено известие: на фронте наши дела идут весьма благополучно. Врангель через неделю будет разбит. Мир с Польшей будет заключен. Этого мы добьемся. Что выгодно для помещиков и невыгодно крестьянам, нам хорошо известно. Нам нужен мир, чтобы залечить раны наши и приступить к устройству крестьянского хозяйства. Этого мы не сможем сделать до

* В воспоминаниях фотографа Ф. Феофанова «Как я снимал Ильича с крестьянами» мы читаем: «Мне так хотелось получить хороший снимок, что я, чтобы сразу всех успокоить, крикнул: — Смирно!»

Вижу, Владимир Ильич улыбнулся, — в таком виде я его и снял». (См.: Воспоминания о В. И. Ленине, ч. 2. М., 1957, с. 581.)

тех пор, пока не разделаемся со всеми врагами. Вы видите в своей деревне электричество, но это только одна деревня. Но нам нужно, чтобы вся страна была залита электричеством. Электричество будет нам обрабатывать поля, удобрять землю, будет возить нас. Электричество великая сила, а в руках трудящихся эта сила величайшая. Наступит время, когда Советская власть окрепнет, хозяйство наладится, задымят трубы фабрик и заводов. Но для этого прежде всего должен быть крепко рабоче-крестьянский союз, крепко на деле, а не на словах.

Когда Ленин закончил свою речь, вновь вспыхнула бурная овация. Владимир Ильич поблагодарил и извинился, что не может задержаться больше, так как ему надо побывать по просьбе крестьян в селе Ярополец...

Свои воспоминания Тимофей Савельевич закончил такими словами:

— Охранять Владимира Ильича в деревне Кашино было не от кого. Каждого жителя мы знали в лицо и каждый, кто видел и слышал его в тот день, готов был отдать свою жизнь за товарища Ленина... Но служба службой...

...22 декабря 1920 года В. И. Ленин, выступая на VIII Всероссийском съезде Советов с докладом о внешней и внутренней политике правительства и говоря об электрификации страны, рассказал о своей поездке в Кашино.

«Мне пришлось не очень давно быть на одном крестьянском празднике в отдаленной местности Московской губернии, в Волоколамском уезде, где у крестьян имеется электрическое освещение. На улице был устроен митинг, и вот один из крестьян вышел и стал говорить речь, в которой он приветствовал это новое событие в жизни крестьян. Он говорил, что мы, крестьяне, были темны, и вот теперь у нас появился свет, «неестественный свет, который будет освещать нашу крестьянскую темноту». Я лично не удивился этим словам. Конечно, для беспартийной крестьянской массы электрический свет есть свет «неестественный», но для нас неестественно то, что сотни, тысячи лет могли жить крестьяне и рабочие в такой темноте, в нищете, в угнетении у помещиков и капиталистов. Из этой темноты скоро не выскочишь. Но нам надо добиться в настоящий момент, чтобы каждая электрическая станция, построенная нами, превращалась действительно в опору просвещения, чтобы она занималась, так сказать, электрическим образованием масс»¹³.

Диалог с чекистом. Много раз рабочие, служащие, красноармейцы видели и слушали Владимира Ильича в московском Доме союзов (Б. Дмитровка, ныне Пушкинская ул.). Установлено, что Ленин выступал здесь около 50 раз — намного чаще, нежели в любом другом здании Москвы.

Газетные отчеты того времени, воспоминания участников съездов, конференций, собраний, на которых выступал Владимир Ильич, рисуют обстановку огромного политического подъема при его появлении в Колонном зале или Голубом зале Дома союзов.

Доклады и речи В. И. Ленина поднимали людей на самоотверженную героическую борьбу в защиту Советской Республики в годы гражданской войны, когда против республики ополчились все силы старого мира.

Охрана В. И. Ленина в Доме союзов пополнялась сотрудниками Московской чрезвычайной комиссии (МЧК), одним из них был молодой тогда чекист Илья Александрович Фридман.

...21 декабря 1920 года, вечером, В. И. Ленин сделал доклад и выступил с заключительным словом на заседании Коммунистической фракции VIII Всероссийского съезда Советов. Накануне председатель Московской чрезвычайной комиссии Станислав Адамович Мессинг сказал И. А. Фридману:

— Вам необходимо представиться товарищу Ленину. Он должен вас знать в лицо. О том, что в Доме союзов охрана Ильича организована Московской чрезвычайной комиссией, Дзержинский и я поставили в известность Надежду Константиновну Крупскую и Марию Ильиничну Ульянову.

Но послушаем И. А. Фридмана.

— Идем Владимира Ильича у подъезда Дома союзов с моим помощником Дмитрием Чекмановым и очень волнуемся. Подъехал автомобиль «роллс-ройс». Товарищ Чекманов подбежал к автомобилю и открыл дверцу. Владимир Ильич и Надежда Константиновна были очень удивлены... Ленин поздоровался и сказал: «Спасибо вам, товарищи, но мы всегда сами дверцы открываем».

Чекманов растерялся и сказал:

— Хорошо, товарищ Ленин.

Выйдя из машины, Владимир Ильич и Надежда Константиновна направились к входу. Я в это время находился в вестибюле и, когда они вошли, приложив руку к кубанке, подошел к Владимиру Ильичу для отдачи рапор-

та. Владимир Ильич и Надежда Константиновна остановились. Владимир Ильич ответным жестом поднял руку и приложил к шапке. Я произнес:

— Товарищ Ленин, докладывает уполномоченный Московской чрезвычайной комиссии президиума Моссовета Фридман. В целях полной вашей безопасности нам поручено охранять вас от врагов революции, встречать, провожать, обеспечивать в зданиях полную безопасность и поддерживать порядок там, где вы будете присутствовать.

Владимир Ильич, слушая рапорт, прищурился и пронзительным взглядом пристально посмотрел мне в глаза. Затем улыбнулся, доброжелательно пожал мне и Чекоманову руки. На меня смотрел с ласковой усмешкой... Меня это смутило. Мелькнула мысль: «Очевидно, Владимир Ильич заметил какую-то небрежность в моей одежде?» Я быстро одернул меховую тужурку, проверил пояс, кобуру, кубанку. Эти движения вызвали у Владимира Ильича повторную улыбку. Я еще больше смутился, вытер платком лицо и провел рукой по усикам.

Владимир Ильич, продолжая улыбаться, иронически спросил:

— А почему же только товарища Ленина будете встречать и провожать, товарищ уполномоченный ЧК?

— Конечно, всех руководителей партии и правительства, а вас особо зорко должны охранять, товарищ Ленин, согласно решению Центрального Комитета нашей партии, — ответил я.

Надежда Константиновна добавила:

— Мне об этом сообщили Дзержинский и Мессинг.

Владимир Ильич не спуская глаз посматривал то на меня, то на сотрудников, стоящих рядом, и спросил:

— Уважаемый товарищ уполномоченный ЧК, сколько же вам лет?

— Мне 24 года, — ответил я, но понял, что у Владимира Ильича возникло сомнение относительно моего возраста (выглядел я действительно очень молодым).

— Нет, нет, вы, товарищ, изволите шутить. Вам не более 17—18 лет, — сказал Владимир Ильич и продолжал, обращаясь к Надежде Константиновне:

— Как твое мнение, Надя?

Надежда Константиновна внимательно посмотрела на меня, заулыбалась и сказала:

— Действительно товарищ очень молодо выглядит. Даже его усики не придают солидности.

— Да, да, — смеясь, подтвердил Владимир Ильич. В разговор вступил стоявший рядом Дмитрий Чекмапов. В подтверждение моего возраста, обращаясь к Ленину, он сказал:

— Товарищ Фридман в 1915 году досрочно был призван в царскую армию. Ему тогда было 19 лет. А сейчас ему полных 24 года.

— Верю, верю, — сказал Владимир Ильич, похлопывая меня по плечу. — Вы чем занимались до революции? Где жили? Чем занимались родители? Расскажите о братьях, сестрах, если имеются. Расскажите, пожалуйста, поподробнее.

Я рассказал, что родился в 1896 году в Петербурге, за Невской заставой, в семье рабочего-машиниста. Отец активно участвовал в революционном движении, был большевиком. Семья большая. Два моих брата и я также коммунисты — большевики с 1917 года. Самый младший брат — комсомолец. Все четыре брата, в том числе и я, работаем в МЧК. Сестра работает в другом советском учреждении.

Владимир Ильич оживился, заулыбался и сказал:

— Вся семья ваша — большевики. Это хорошо, прекрасно. Ну а где работает ваш отец?

— Отец погиб в 1912 году при взрыве парового котла на гвоздильном заводе, где он работал. Мне даже помнится, как я с отцом в 1905 году, — продолжал я, — участвовал в демонстрации рабочих Семянниковского завода и при разгоне демонстрации получил по спине казацкой нагайкой.

Владимир Ильич на минуту задумался и сказал:

— Поздравляю вас, значит, вы еще в детстве получили боевое крещение?.. Рабочие Семянниковского завода были революционно настроены, принимали активное участие в революционном движении.

— Я — бывший рабочий-токарь, — осмелев, продолжил я. — С 1912 года распространял «Правду». Рабочие гвоздильного и механического заводов Грюнталя, где я работал за Невской заставой Петрограда, охотно читали ее. В 1915 году работал токарем на Выборгской стороне, на заводе «Парвиаайпен». В августе был призван в царскую армию, был на фронте — под Двинском, Ригой. 1 октября 1917 года в Петрограде вступил в ряды партии большевиков и после победы Октября работал в «военке».

Внимательно слушавший Владимир Ильич оживился.

— А что же вы делали в «военке»?

— Мы вели агитацию среди солдат, распространяли газеты, большевистскую литературу. Сопровождали вагоны с литературой и газетами в Ставку главкома Крыленко в Могилеве. В городе боролись с «контриками».

Владимир Ильич как-то особенно тепло положил мне на плечо руку:

— Товарищ уполномоченный ЦК, вы молодой и в то же время старый революционер. Надя, мы нашими вопросами смутили товарища. А вы не смущайтесь — молодость — это прекрасная пора!

Я набрался храбрости и посетовал:

— Владимир Ильич! Внешность моя всегда меня подводит, вот и у вас она вызвала сомнение. В 1918 году Дзержинский, увидев меня впервые, еще больше удивился, а ведь два года назад я был еще моложе...

С момента этой первой встречи с Владимиром Ильичем Фридману доводилось неоднократно быть в охране в Доме Союзов.

— Владимир Ильич, — рассказывал он, — терпел нас скрепя сердце, но иногда открыто выражал свое недовольство.

— Ваша чрезмерная забота встречать и провожать меня, — говорил он, — не нужна.

Я как-то ответил:

— Владимир Ильич! Вы, пожалуйста, извините, но мы выполняем решение Центрального Комитета партии.

Владимир Ильич добродушно произнес:

— Извиняю, извиняю. Решение ЦК обязательно, и мы должны его выполнять.

— Владимира Ильича часто сопровождали Надежда Константиновна или Мария Ильинична, — продолжал свои воспоминания И. А. Фридман. — Нужно сказать, что они шли нам навстречу, когда он не соглашался с принимавшимися нами мерами предосторожности. Вот один пример. В Колонном зале Дома Союзов заседал съезд или конференция, точно не помню. В назначенное время к зданию подъехал Владимир Ильич. С ним была Надежда Константиновна. Мы их встречали и сопровождали. Не секрет, что Владимир Ильич не любил оваций. Поэтому он старался появиться в зале незамеченным. Из-за кулис сцены Ленин, бывало, рассматривал в заднем ряду президиума свободный стул, низко пригибался и, быстро подойдя к стулу, доставал листок бумаги из

кармана, клал его на колено и начинал небольшим карандашом делать какие-то заметки. Но от глаз присутствующих в зале скрыть свое появление Ленину не удавалось. Как правило, вспыхивали бурные аплодисменты, сопровождавшиеся скандированием: «Да здравствует Ленин!»

В дни выступлений Ленина возле здания собиралось много народа. На пас, которые несли охрану, это накладывало громадную ответственность, вызывало тревогу. В тот день, о котором я говорю, мы посоветовали Надежде Константиновне вывести Владимира Ильича к автомобилю через запасной выход из Дома Союзов.

Надежда Константиновна сразу согласилась с нами. Подвижной отряд охраны занял свои посты в ожидании Владимира Ильича. А он, взяв Надежду Константиновну под руку, на ходу что-то рассказывая ей, направился к основному выходу. Мы с Чекмановым шли сзади. Когда оставалось несколько шагов до лестницы, ведущей к выходу, я и Чекманов забежали вперед и преградили путь Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне. Они остановились.

Мы попросили Владимира Ильича вернуться и пройти подготовленным безопасным выходом к автомобилю. Надежда Константиновна забыла о нашем уговоре. Вспомнив, она сказала:

— Володя! Я заговорила с тобой и забыла сказать, что нас просили выйти через другую дверь. Идем, пожалуйста, обратно.

Владимир Ильич не согласился.

— Знаете, товарищи, — сказал он, — ваши опасения мне начинают надоедать. Мы пойдем именно здесь, — и потянул Надежду Константиновну за руку.

Надежда Константиновна повторила:

— Володя! Вернемся и выйдем подготовленным выходом.

Ее поддержал комендант Дома Союзов И. А. Лихачев*.

Владимир Ильич не послушал ее и нас и заявил:

— Нет, нет, выйдем здесь и прогуляемся до Кремля, а вас, товарищи, прошу отправить автомобиль в гараж.

С этими словами Ленин подпоясал воротник, натянул кепку ниже на лоб и вместе с женой пошел по лестнице

* Лихачев Иван Алексеевич — член КПСС с июня 1917 года, впоследствии — директор широко известного московского автозавода, которому присвоено его имя.

вниз. Пока они спускались, нам удалось перебросить подвижной отряд к месту выхода.

Стоявшие на улице люди, конечно, узнали Владимира Ильича и встретили его возгласами. Владимир Ильич отвечал на приветствия взмахом поднятой руки. Смелчаки из толпы старались забегать вперед, чтобы поближе увидеть Ленина. Нам, охране, это доставляло новые хлопоты и беспокойство, несмотря на то, что Владимир Ильич и Надежда Константиновна шли как по живому коридору охраны.

У входа в Кремль Владимир Ильич и Надежда Константиновна поблагодарили нас за заботу.

Мы были счастливы, что прогулка Владимиру Ильичу понравилась, а главное, что закончилась благополучно¹⁴.

«Какая хорошая ночь». Во время работы VIII Всероссийского съезда Советов (конец декабря 1920 года) и Пленума Центрального Комитета партии (24 и 27 декабря) было проведено совещание председателей губисполкомов. Оно проходило в Москве, на Воздвиженке, 5 (ныне проспект Калинина, д. 5/25), где помещался Секретариат ЦК РКП(б).

Совещание затянулось за полночь. Михаил Иванович Калинин предложил закончить его, так как всех ожидал очередной напряженный день.

Участник этого совещания Б. М. Волин * вспоминал:

— Когда я вышел на улицу и стал спускаться ощупью к Моховой, чтобы затем пойти налево, к I Дому Советов (гостиница «Националь»), я вдруг на самом углу, впереди себя, к моему изумлению, увидел Владимира Ильича. Ему как-то удалось незаметно одному уйти с собрания.

— Как вы решились, Владимир Ильич, в такую ночь один пуститься по Москве?! — вскрикнул я.

Ленин остановился.

— А что, товарищ Волин, если я Председатель Совваркома, — услышал я его насмешливый голос, — то уже лишен всяких прав состояния гражданина республики?..

— Да, но без провожатых!

* Волин Борис Михайлович — член партии большевиков с 1904 года. Участник Февральской и Октябрьской революций в Москве. С 1918 года — председатель ряда губисполкомов, секретарь Брянского губкома РКП(б), в дальнейшем член редколлегии «Известий», редактор «Рабочей Москвы».

— Уж будто не могу и без провожатых, — продолжал он с прежней иронией.

Весь этот короткий разговор происходил на углу Воздвиженки и Моховой. Пробираясь через сугробы, мы добрались до Троицких ворот. Я облегченно вздохнул: все обошлось благополучно.

Но не тут-то было. Владимир Ильич взял меня под руку и, потянув влево, к Александровскому саду, сказал: — Куда спешить! Пройдемтесь. — И опять шутливо: — Смотрите, какая хорошая ночь...¹⁵

Надежда Константиновна Крупская вспоминала, что Владимир Ильич любил звездные ночи, любил подолгу смотреть на звезды.

Артем (Сергеев Ф. А.) вспоминал об одной такой ночной зимней прогулке с Ильичем по опустевшим улицам Москвы:

«Мы сворачиваем за угол, Ленин замедляет шаг и говорит ворчливо:

— Знаете, после Каплан ко мне приставили такую охрану... порой просто это невыносимо.

— Разве охрана так велика?

— Нет, но очень уж они бдительны. Я все понимаю, однако отдых необходим и от охраны...

...Поглядывает на меня искоса, словно хочет сказать что-то веселое, но опять всматривается в снежную мглу и машинальным жестом поправляет шалевый воротник пальто, и в тоне его слышатся сардонические нотки:

— Как здорово вы все это придумали в ЦК — отправить Ленина в Горки, чтобы не думал о партии и Совнарком, а гулял себе в саду и перед сном читал истории о Шерлоке Холмсе. Горки — действительно уютное и целебное место. У меня совершенно прошла бессонница и прекратились головные боли... Поздоровел, окреп, я это чувствую.

Ленин не очень весело смеется и поворачивается ко мне лицом:

— Вы знаете Федора Александровича Гетье? Прекрасный врач, он обнаружил новую болезнь и назвал ее «советская». Симптомы: постоянная перегрузка, переутомление, расстройство и истощение нервной системы. Основную причину этой болезни я вам называю: наше бескультурье. Неумение отдыхать и неумение понять, что наше здоровье принадлежит не только нам! Вы давно видели Дзержинского?

Мы уже на Тверской; впереди в дрожащей мгле вид-

неются три черные фигуры. И я сразу начинаю ощущать в своем кармане тяжесть нагана. Ленин их не замечает, он ждет моего ответа.

— В последние дни Дзержинский плохо выглядит.

— Очень плохо! — поддерживает Ленин. — Мы взвалили на него невероятное количество работы, а он... он нездоров... И еще. Нынче днем приходил Горький, приходил хлопотать об улучшении условий жизни академика Павлова.

— ...У самого Горького открылось кровохарканье, ему нужно немедленно выехать за границу...

...Ленин вдруг улавливает мое волнение, оглядывается через плечо и смеется:

— Знают службу! Выследили нас с вами, товарищ Артем, никудашные мы теперь конспираторы. Это из охраны, не волнуйтесь»¹⁶.

Ветеран ВЧК — ОГПУ З. А. Дымов* рассказывал:

— Из Кремля в здание ЦК на Воздвиженке Ильич ходил пешком. Были случаи, когда на пути он останавливал работников охраны, говорил им: «Не надо меня сопровождать». Одно время я работал в аппарате ЦК партии, был ответственным дежурным ЦК. Как-то на углу Воздвиженки, у приемной М. И. Калинина, мне, вышедшему навстречу Ильичу, он сказал: «И вы здесь... Зря, напрасно убиваете свое ценное время»¹⁷.

Почетная работа. По инициативе В. И. Ленина сотрудники его охраны привлекались к работе по борьбе с беспорядочностью. Об этой малоизвестной странице рассказывал С. А. Спильниченко**.

Владимира Ильича С. А. Спильниченко впервые увидел и услышал 22 октября 1918 года в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабзавкомов и профсоюзов. А через два месяца случилось так, что С. А. Спильниченко оказался на приеме у В. И. Ленина. Произошло это таким образом: член Коллегии политотдела Южного фронта И. И. Ходоровский составил «Памятку коммунисту на фронте». В памятке были такие напутствия ком-

* Дымов Захар Александрович — член КПСС с октября 1917 года, после работы в органах ВЧК — ОГПУ был директором ряда предприятий.

** Спильниченко Семен Аввакумович — член КПСС с августа 1917 года, участник гражданской войны, командир бригады, заместитель начальника войск ВЧК, генерал-лейтенант в отставке.

мунисту на фронте: «Ты должен в бой вступить первым, а выходить из боя последним... Во всякую минуту ты должен уметь взять в руки винтовку и личным примером показать, что коммунист умеет не только благородно жить, но и достойно умереть...»¹⁸

О «Памятке» решили посоветоваться с Лениным. Для поездки в Москву единодушно выдвинули инспектора политотдела Южного фронта С. А. Спильниченко.

29 декабря 1918 года он был у В. И. Ленина. На всю жизнь запомнилась молодому политработнику эта встреча. Читая «Памятку», Ильич что-то в ней подчеркивал. Спильниченко решил, что Владимир Ильич все зачеркивает. Но, выйдя из кабинета, он увидел, что это не так. Оказалось, что Владимир Ильич подчеркивал в «Памятке» те места, которые вызвали его особое одобрение, и расписался на ней. Вне себя от радости Спильниченко сначала не понял Л. А. Фотиеву, которая неожиданно сказала ему про «новые сапоги». Оказывается, Председатель Совнаркома обратил внимание на то, что на ногах у посланца Южного фронта были рваные сапоги, которые он маскировал натянутыми на них большими тяжелыми ботинками.

— Владимир Ильич распорядился, чтобы вам выдали новые сапоги. Зайдите в хозяйственную часть...

В дальнейшем Семену Аввакумовичу выпало счастье, в бытность на работе в ВЧК, вместе с Ф. Э. Дзержинским бывать у главы правительства.

В январе 1921 года председателем комиссии ВЦИК по оказанию помощи детям назначили председателя ВЧК Феликса Эдмундовича Дзержинского. В эту почетную работу им были вовлечены все чекистские органы — как в центре, так и на местах.

С. А. Спильниченко вспоминал:

— Борьбой с детской беспризорностью постоянно интересовался Ленин.

— А сколько конкретно строжайше осуждено спекулянтов, дезорганизирующих снабжение детей? — как-то с пристрастием спросил он меня.

В другом случае Владимир Ильич обратился к Ф. Э. Дзержинскому:

— Феликс Эдмундович! Вы ищите беспризорников. Хорошо бы вам взять к себе в помощь товарищей, которые состоят в охране Председателя Совета Народных Комиссаров. Ведь это — знающие, трудолюбивые люди.

Сказав это, Владимир Ильич назвал некоторые фамилии — Габалина, Пакалла, Стаклиса, Пизана. С тех пор эти и другие товарищи в свободное от дежурств в Горках время выезжали в Москву, иногда целые ночи проводили на московских вокзалах, откуда голодных, чумазных ребятишек приводили в ВЧК. Там их мыли, кормили, а затем организованно устраивали в детские дома.

Об этой работе чекистов, в том числе сотрудников охраны В. И. Ленина, вспоминала и дочь Инессы Федоровны Арманд, одной из близких друзей В. И. Ленина и Н. К. Крупской.

После смерти Инессы Арманд в октябре 1920 года Владимир Ильич и Надежда Константиновна взяли се детей — двух дочерей и младшего сынишку Андрея (старшие сыновья были в Красной Армии) под свою опеку. В ноябре — декабре 1920 года Инна Александровна с братом отдыхала в подмосковном доме отдыха «Чайка», куда специально приезжал навестить их Владимир Ильич. Лето 1921 года по приглашению В. И. Ленина и Н. К. Крупской Инна Александровна провела в Горках.

— Всем известна любовь Ильича к детям, — рассказывала И. А. Арманд. — В окрестностях Горок и в самих Горках он радовался встречам с детворой. У Дзержинского он расспрашивал все подробности, связанные с комиссией по оказанию помощи детям и участием в этом ВЧК. Владимир Ильич считал, что именно чекистам удастся много сделать в деле ликвидации беспризорности.

Инна Александровна вспоминала такой эпизод. Как-то Надежда Константиновна просматривала привезенные из Москвы газеты. Она внимательно искала какие-нибудь сообщения о беспризорных детях. «Владимиру Ильичу хочу показать», — сказала она¹⁹.

На заводе «Динамо». Москва. Симоновская слобода. Завод «Электросила» № 3, бывший «Динамо» (пыле Ленинская слобода, 26. Ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени электромашиностроительный завод «Динамо» имени С. М. Кирова). Сюда Владимир Ильич приехал 7 ноября 1921 года, в четвертую годовщину Октябрьской революции.

Накануне, 5 ноября, рабочие завода выделили делегацию к В. И. Ленину в Кремль. Они посетили Владимира Ильича и в письменном виде вручили ему приглашение коллектива завода посетить предприятие 7 ноября, в день Октябрьской революции.

В письме рабочие писали В. И. Ленину:

«Дорогой Владимир Ильич!

Приглашаем Вас заглянуть на наш семейный вечер-митинг рабочих завода в память Октябрьской революции 7-го сего ноября.

Завод «Динамо», принимавший активное участие в революционном движении рабочего класса с 1903 года, достоин видеть в своих стенах великого вождя пролетарской революции. Ваше присутствие вдохновит работников завода для дальнейшей работы при осаде капиталистического мира»²⁰.

Владимир Ильич пообещал рабочим приехать к ним на завод и свое обещание выполнил. В этой поездке его сопровождал, кроме А. Я. Беленького, знакомый читателю И. И. Алексеев.

— Мы поехали на «Динамо», — рассказывал Иван Игнатьевич, — уже вечером. На улице было темно. Шофер Владимира Ильича Гиль был заранее предупрежден о поездке и точно в назначенное время подал автомобиль.

Перед выездом Владимира Ильича из Кремля об этом позвонили на завод, и когда мы к нему подъехали, то Ильича уже встречали рабочие. Они радостно приветствовали Владимира Ильича, а он, в свою очередь, старался с каждым поздороваться за руку.

Территория завода «Динамо» была прибрана, повсюду были вывешены праздничные лозунги.

— Сразу после приезда В. И. Ленина, — продолжал И. И. Алексеев, — он оказался под надежной охраной самих рабочих.

До своего выступления на заводском митинге Владимир Ильич расспрашивал директора завода и рабочих о перспективах развития завода «Динамо».

Ленин говорил о значении работы динамовцев для электрификации страны, спрашивал, в чем именно нуждается их предприятие.

Многолюдный митинг встретил Ильича восторженно. Его речь о том, что именно делает Коммунистическая партия и Советское правительство для трудящихся, была выслушана с огромным вниманием. При отъезде Владимира Ильича рабочие снова его окружили. Каждый человек старался высказать Ленину свои добрые напутствия. «Родной Ильич» — так его называли²¹.

В Костине. В связи с болезнью Владимира Ильича Политбюро ЦК РКП(б) 3 декабря 1921 года приняло

решение о предоставлении ему десятидневного отпуска.

Через несколько дней — 8 декабря 1921 года Политбюро ЦК РКП(б) принимает постановление, в котором признается необходимым соблюдение абсолютного покоя для Владимира Ильича.

Проходит неделя, и по заключению врачей ЦК продлевает Ленину отпуск. Несмотря на нездоровье, он едет в Москву, 23 декабря выступает на IX Всероссийском съезде Советов с отчетом ВЦИК и Совнаркома о внутренней и внешней политике республики²².

31 декабря 1921 года ЦК принимает решение о предоставлении Владимиру Ильичу с 1 января 1922 года шестинедельного отпуска с запрещением приезжать в Москву для работы без разрешения ЦК.

С 6 по 13 января Ленин живет в Горках.

Жить в Горках, вся территория которых была открытой, оказалось небезопасно. По поручению ЦК Дзержинский организует переезд Владимира Ильича в подмосковный совхоз близ деревни Костино, неподалеку от станции Болшево, в 26 километрах от столицы.

Надежда Константиновна Крупская вспоминала, что зимой 1921/22 года Владимир Ильич чувствовал себя неважно, плохо спал, быстро уставал.

В одноэтажном бревенчатом домике неподалеку от большого помещичьего дома шоколадного фабрикапта Крафта В. И. Ленин жил с 17 января 1922 года по 1 марта 1922 года. Охрану Владимира Ильича возглавлял член КПСС с 1917 года Ф. И. Сотников.

Ответственность за безопасность Ленина была возложена на начальника отдела ВЧК Т. П. Самсонова*. В своих воспоминаниях Т. П. Самсонов отмечал, что Костино было выбрано потому, что это было тихое, удобное место. В домике было тепло, светло, чисто. Кругом был яблоневый сад, смыкавшийся с большим лесом. В лесу можно было поохотиться и походить на лыжах, то есть то, что нравилось Ильичу.

«После того как домик был приведен в порядок, — читаем мы в воспоминаниях Т. П. Самсонова, — я доложил Феликсу Эдмундовичу, и он связался с Ильичем.

* Самсонов Тимофей Петрович — член КПСС с 1919 года (в революционном движении с 1908 года, неоднократно репрессировался царским правительством), бывший начальник Особого отдела 3-й армии Восточного фронта (1919 г.), с сентября 1920 года — начальник секретного отдела ВЧК.

Был пасмурный январский день, дул восточный ветер, дороги оказались заметены снегом, шел редкий снег. Доехать в ту пору до Костина на машине было нечего и думать. Ильич приехал на автосанях в сопровождении Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой.

Я поздоровался с Владимиром Ильичем, Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной. Пошли осматривать усадьбу, и Ильич был в хорошем настроении. Ему захотелось осмотреть сад. Мы пошли по дорожке, но снег под ногами начал проваливаться, и мы вернулись обратно. Тут-то я и разглядел Ильича. Он шутил, вспоминал сибирские снега и условился со мной, что мы доставим ему хорошие лыжи. Они у нас были. Затем осмотрел домик. Он очень понравился Владимиру Ильичу и его спутникам. Особенно ему понравилась светлая с большим окном комната, выходящая в сторону леса. Нам подали чай. Разговорившись, Ильич расспрашивал о состоянии хозяйства усадьбы, о перспективах на будущее. После чая, простившись, Владимир Ильич отбыл на автосанях в Москву, обещал через два дня приехать в Костино. Так оно и случилось. Хотя погода была несносная и Владимир Ильич был серьезно болен, но он все же решил приехать в Костино»²³.

Из Москвы на автосанях Владимира Ильича сопровождали И. С. Уншлихт * и А. Я. Беленький. Был сильный мороз, на дорогах лежал глубокий снег. Не доезжая до места, автосани застряли в снегу. Владимир Ильич и сопровождавшие его чекисты вышли из автосаней и стали помогать водителю.

Ленин обратил внимание на то, что у Уншлихта не было валенок и он вяз по колено в снегу. Владимир Ильич предложил ему во избежание простуды сесть обратно в автосани.

По прибытии на место Уншлихт и Беленький собрались тотчас же вернуться обратно в Москву, но В. И. Ленин не отпустил их, пока не напоил чаем, чтобы они согрелись.

Продолжим воспоминания Тимофея Петровича Самсонова:

«Я ожидал его с большим душевным волнением. Чем

* Уншлихт Иосиф Станиславович — член КПСС с 1900 года. В 1917 году — член Петроградского ВРК, с декабря 1917 года — член коллегии НКВД РСФСР, с апреля 1921 года — заместитель председателя ВЧК, в дальнейшем — на военной работе.

меньше времени оставалось до приезда Ильича, тем сильнее я волновался. Мне хотелось внешне сохранить спокойствие, но все мои усилия оказались тщетны.

Я вышел за околицу. Всматриваюсь в лесную дорогу. Из-за косматых заснеженных елей вынырнули сани. Они с трудом буравили снег, пробиваясь вперед. Наконец машина подъехала и остановилась. Дверца распахнулась, и вышел Ильич. Усы его и борода заиндевели. Приветливо улыбаясь, он спросил:

— Замерзли?

— Нет, не замерз, — ответил я. — Надо полагать, что продрогли вы, Владимир Ильич. В такую пургу поехали.

— О, нет, — сказал Ильич, — я привык к морозам, да и одежонка на мне теплая.

Мы шли рядом. Идя медленным шагом, Ильич спокойным взглядом осматривал строения хозяйства. Зашел в парк. Поднял глаза на столетние липы. Усмехнулся. Мимоходом промолвил: «И возраст у них солидный. Нам их не пережить».

Так как ноги наши стали погружаться глубоко в снег, то я предложил надеть лыжи, но Ильич не захотел. Осмотр окончился. Владимир Ильич остался доволен хозяйством совхоза.

Мы повернули к домику.

За усадьбой хозяйства начинается перелесочек, а дальше идут сплошные леса.

Ильич взглянул туда. Сердце охотника заговорило в нем. Он, как-то особенно тепло усмехнувшись, сказал:

— Балуетесь?..

— Редко, — ответил я.

— Зайчишки?..

— Есть, но мало... Бывает птица.

— Поживем, увидим, — сказал Ильич. Зашли в дом.

— Основательно натопили, как в бане, — заметил он.

Я предложил Владимиру Ильичу крепкого кофе. Но он отказался:

— Вы чайку лучше налейте.

Чай был готов.

Во время завтрака Владимир Ильич вел с нами беседу о хозяйстве, о предстоящей посевной кампании, спрашивал, готов ли у нас сельскохозяйственный инвентарь, семена, есть ли люди, а главное, есть ли умные рабочие и технические руководители. Я давал пояснения. Ильич глядит на меня добродушно, просто. С его губ не сходила

улыбка. Чуть-чуть прищуренный глаз, казалось, видел в человеке все насквозь»²⁴.

Мария Ильинична вспоминала: «Когда Владимир Ильич незадолго до своей роковой болезни поехал в Костино, он в один из последующих дней по приезде направился в скотный двор, чтобы осмотреть его. Служащие совхоза «Костино» еще не знали Владимира Ильича, и, так как вход на скотный двор для посторонних был запрещен, сторож не пропустил Ленина.

Владимир Ильич спокойно повернул вспять, не сказав ни слова»²⁵.

«К нему из Москвы доставляли толстую пачку газет, корреспонденций и разных бумаг, — рассказывал бывший рабочий совхоза Ф. М. Ефремов, сторож домика, в котором жил Владимир Ильич, — несколько раз к нему приезжали товарищи Крупская и Дзержинский. Поздно ночью в окнах домика можно было наблюдать свет: Ильич работал...

Вставал он, однако, рано... Отправлялся на прогулку. Особенно он любил ходить к столетним дубам, которые росли метрах в 70 от домика, в котором он жил»²⁶.

После большого снегопада Владимир Ильич очищал от снега дорожки вокруг дома.

По рассказу А. М. Сысоевой, помогавшей в доме по хозяйству, «товарищи из охраны много раз видели Владимира Ильича на прогулке поздно ночью: видно, бессонница сильно его беспокоила». Шофер П. С. Космачев (он оба раза привозил Ильича на автосанях) из аккумуляторов смастерил своеобразную электростанцию: она служила источником света.

От неосторожного пользования шофером паяльной лампой ночью сгорел сарай, где находилась машина, и один из домов. «Устроив Владимира Ильича в домике, — вспоминал об этом случае Т. П. Самсонов, — я выехал в Москву, наказав охране тщательно следить за порядком в усадьбе. Но случилась беда. Дней через 9—10 после приезда в усадьбу Ленина там произошел пожар. В этот день на Лубянку явился старший по охране и рассказал, как это произошло. Ночь была очень темная и ветренная. Машина Владимира Ильича помещалась в сарае по другую сторону дома. Сарай стоял вплоты с домами для рабочих. И сарай и дом были крыты соломой. Стоял крепкий мороз. Шофер ночью проснулся, зажег паяльную лампу и стал осматривать машину, после осмотра улегся спать, а через полчаса пламя охватило

гараж. Люди, скот и машины были спасены, но дом и сарай сгорели дотла. Из деревни Костино прибежали крестьяне, стали тушить пожар, Ильич, схватив ведро, тоже прибежал к месту пожара. Утром Владимир Ильич сам выяснил все обстоятельства пожара и пришел к заключению, что он произошел не от злого умысла, а от несчастного случая».

Старшему по охране (Ф. И. Сотникову. — *И. З.*) Владимир Ильич сказал: «Передайте т. Самсонову, что пожар произошел от несчастного случая и чтобы он не приезжал в Костино и не беспокоил зря дознанием людей». Желание Ильича я передал Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому. Посоветовавшись со мною, он все-таки решил, что мне надо ехать и секретно от Владимира Ильича все же произвести дознание на месте.

Я тут же выехал в Костино. Оставив машину в лесу, пешком дошел до усадьбы и незаметно расположился в бане.

Ко мне приходили обитатели усадьбы, и я допрашивал их о ночном происшествии. В то время как это происходило, Ильич сидел в комнате у окна с книгой и время от времени поглядывал в сторону леса, на опушке которого была расположена баня. От его взора не ускользнуло то, что в необычный день в нетопленную баню почему-то, через определенный интервал, приходят люди. Владимир Ильич передал охране, чтобы я бросил это занятие и не беспокоил людей. Бросив дознание, я постыдно уехал обратно в Москву.

Мы с Феликсом Эдмундовичем не учли того, что от опытного подпольщика, каким был Ленин, странное движение людей к бане и обратно ускользнуть не могло. Я рассказал товарищу Дзержинскому о постигшей меня неудаче...»²⁷

Находясь в отпуске, Владимир Ильич не прекращал напряженной работы по руководству партией и государством. В направленных из Костина ленинских документах мы находим директивы по многим вопросам партийного, государственного и хозяйственного строительства. Здесь готовился Владимир Ильич и к XI съезду партии, последнему, которым он руководил. В Костине В. И. Лениным были написаны «Заметки публициста» и примечания к этой работе.

«ОБЕРЕГАЙТЕ ЛЕНИНА»

На автодрезине. В первой половине января 1922 года автомобиль В. И. Ленина направился в сторону Московской окружной железной дороги. Владимир Ильич получил сигнал о неблагополучии на курсировавшей по ней автодрезине ВЧК и решил лично проверить поступившую на его имя жалобу.

В этом не было ничего необычного. Владимир Ильич придавал громадное значение образцовому порядку в любом

советском учреждении. По поступавшим на его имя жалобам на те или иные непорядки устанавливались жесткие сроки проверки.

Владимир Ильич совершил эту поездку инкогнито, как сам отмечал, «в качестве неизвестного, едущего при ВЧК». О намерении Ленина проверить состояние автодрезин знал только один человек — Иосиф Станиславович Уншлихт, заместитель председателя ВЧК. Ф. Э. Дзержинский отсутствовал тогда в Москве, организуя вывоз хлеба в промышленные центры страны.

Степан Казимирович Гиль, шофер В. И. Ленина, рассказывал: «О намеченной поездке Уншлихтом ничего не было сказано ни одному из работников ВЧК и НКПС (автодрезина находилась в их совместном ведении), чтобы ничего не было «приукрашено» на дрезине. Таково было указание Ленина. Владимира Ильича сопровождал Петр Петрович Пакалн. Как и Ленин, они были соответственно законспирированы¹.

...После поездки В. И. Ленин написал в ВЧК и НКПС строгое письмо. Оно датировано 16 января 1922 го-

да. Вот выдержки из этого документа. «Мне пришлось на днях, — писал Ильич, — ознакомиться лично с состоянием автодрезин ВЧК, находящихся, очевидно, в совместном заведывании ВЧК и НКПС... Состояние, в котором я нашел автодрезину, хуже худого. Беспорядок полнейший, горячее, видимо, раскрадено, керосин с водой, работа двигателя невыносимо плохая, остановки в пути ежеминутные, движение из рук вон плохо...

...К счастью, я, будучи инкогнито, в дрезине, мог слышать и слышал откровенные правдивые (а не сладенькие и лживые) рассказы служащих... Это не случай, а вся организация такая же неслыханно позорная, развал и близорукость полнейшие.

Первый раз я ехал по железным дорогам не в качестве «сановника», поднимающего на ноги все и вся десятками специальных телеграмм, а в качестве неизвестного, едущего при ВЧК, и впечатление мое — безнадежно угнетающее...»²

Корзинкино. Из материалов по делу атамана Семёнова стало известно, что он имел задание Савинкова «убрать Ленина»³. В июле 1921 года Савинковым в Москву был послан царский полковник Свежемский для убийства Владимира Ильича.

Во второй половине 1921 года и в начале 1922 года ГПУ был раскрыт ряд контрреволюционных организаций и пойманы засылавшиеся из-за границы террористы. Надежда Константиновна Крупская вспоминала, что из-за активизации белогвардейцев жить в Горках В. И. Ленину в то время было опасно. Поэтому его устроили в Корзинкине.

Корзинкино, бывшее старое помещичье имение близ села Троицкое-Лыково Московского уезда и губернии (ныне Ворошиловского района Москвы), как и Костино, находилось неподалеку от Москвы, имело прямую телефонную связь со столицей»^{*}.

Отправляясь в Корзинкино, Владимир Ильич писал в Секретариат ЦК партии: «Если я буду Вам нужен, очень прошу, не стесняясь, вызвать. Есть телефон: можно послать бумаги через Фотиеву. Могу вполне и приехать: я езжу охотно, это менее часа»⁴.

^{*} Длительное время дом считался несохранившимся. К счастью, это не подтвердилось. В 1983 году, благодаря поискам группы ветеранов партии, удалось найти в Корзинкине это дорогое для каждого советского человека здание.

В. И. Ленин с группой командиров обходит фронт войск Всеобщего фронта на Красной площади. Москва, 25 мая 1919 г. Третий в первом ряду справа от В. И. Ленина — С. Г. Уралов, позади него — В. М. Буманис.

С. Г. Уралов.
Э. П. Берзин.

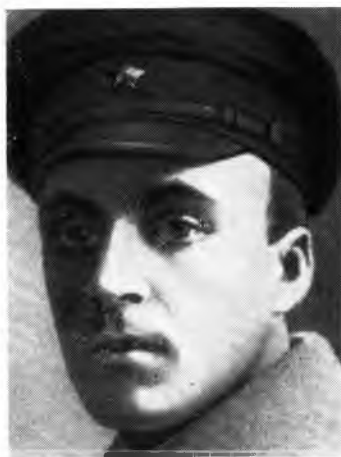
Я. Я. Буйквис.
И. А. Фридман.

В. И. Ленин,
Н. К. Крупская,
М. П. Ульянова
и А. Я. Бельский
на Красной площади.
Москва, 25 мая 1919 г.

Л. А. Фотиева.

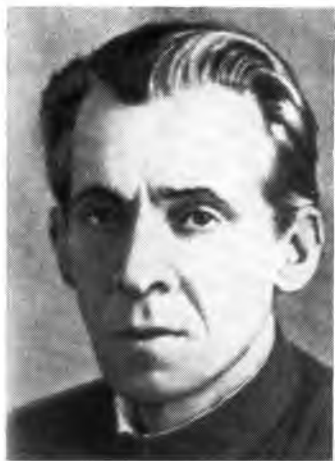

И. И. Алексеев.

В. Н. Манцев.

Н. П. Шевченко.

М. К. Евсеев.

А. П. Крымов.

В. И. Ленин, Тибор Самуэли
на Красной площади
во время парада войск
Всевобуча. В центре —
Н. Эрш (держится
за борт автомашины).

Э. Ю. Тизенберг.

Д. Н. Авров.

И. А. Новиков.

В. И. Ленин
и Н. К. Крупская среди
крестьян деревни Кашино,
1920 г.

В. И. Ленин на закладке
памятника К. Марксу
на Театральной площади
(ныне площадь Свердлова)
1 мая 1920 г. Позади —
Лидия Шмидт.

П. П. Пакалин.
М. Я. Педюра.

А. В. Бельмас.
С. П. Соколов.

Г. П. Иванов.
Т. П. Самсонов.

Ф. И. Балтрушайтис.
П. И. Колосовский.

Сотрудники личной охраны
В. И. Ленина (1922—1923 гг.).
Слева направо стоят:
Струнец, Соколов,
Суслин, Пидюра, Иванов,
Пизан, Бельмас, Кулик,
Проценко, Аликин. Сидят:
Геркин, Пакалн (старший
охраны), Богданов.
Фото сотрудника охраны
Теркина. 1923 г.

Ф. И. Леонов.

Е. Я. Барская.

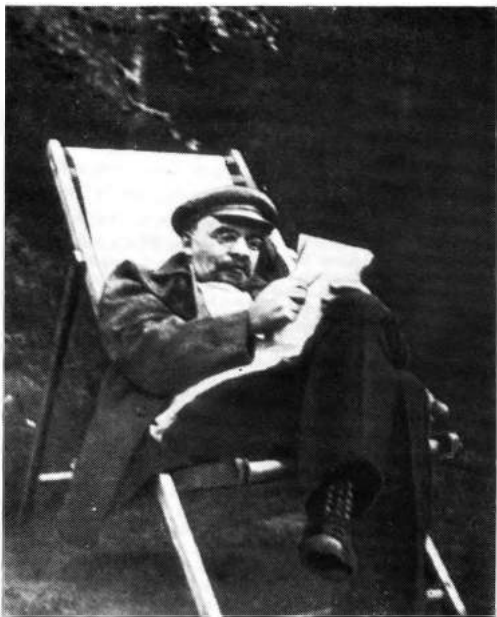
С. П. Кораблев.

Н. В. Смирнов.

И. И. Геллер.

В. И. Ленин среди
кремлевских курсантов
(2-й выпуск Московских
пулеметных командных
курсов), Москва, 12 мая
1920 г.

В. И. Ленин в Горках. 1922 г.

Ф. Э. Дзержинский,
профессор В. П. Воробьев
(справа от него)
и его ассистент
А. Л. Шабдаш. Слева от
Ф. Э. Дзержинского —
комендант Кремля
Р. А. Петерсон, внизу —
начальник охраны
В. И. Ленинца
А. Я. Беленький. 1924 г.

Первый почетный караул
курсантов школы ВЦИК
у Мавзолея В. И. Ленина.

Через сорок лет вновь
на посту № 1...

В Корзинкине Владимир Ильич пробыл около трех недель (6—25 марта 1922 года). Это был двухэтажный деревянный дом с балконом и открытой галереей, с которой открывался чудесный вид на лес и окружающую местность.

В. И. Ленин жил в одной комнате. Остальные комнаты занимали Надежда Константиновна, Мария Ильинична (они приезжали на выходные дни), шофер Петр Сидорович Космачев, домработница Александра Михайловна Сысоева и начальник охраны Абрам Яковлевич Бельский.

Изучение ленинских документов в период пребывания Владимира Ильича в Корзинкине показывает, что и здесь он неустанно работал. В Корзинкине он писал свою известную статью «О значении воинствующего материализма», уделял большое внимание вопросам подготовки партии к очередному XI съезду РКП(б). В. И. Ленин направил в ЦК ряд документов — об условиях приема в партию после проведенной чистки ее рядов, о мероприятиях по дальнейшему укреплению партии. Немалое время отнимали у Владимира Ильича международные дела. В первую очередь следует упомянуть выработку им инструкций советской делегации на международной экономической конференции в Генуе (Италия).

Судя по датам ленинских документов, видно, что в Корзинкине Владимир Ильич написал и направил в Политбюро ЦК РКП(б) важное письмо о политике партии в деревне. Речь идет о принципах вовлечения широких масс крестьянства в социалистическое переустройство деревни через кооперацию. Письмо В. И. Ленина в Политбюро ЦК РКП(б) — оно было написано 16 марта 1922 года — явилось ответом на тезисы Е. А. Преображенского «Основные принципы политики РКП(б) в современной деревне»⁵.

В другом документе — письмо членам Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта — Владимир Ильич подчеркивал необходимость решительно подавить сопротивление духовенства проведению в жизнь декрета ВЦИК от 23 февраля 1922 года «Об изъятии церковных ценностей в целях получения средств для борьбы с голодом».

Заботясь о строительстве новой жизни, Владимир Ильич не переставал думать об укреплении союза рабочего класса и крестьянства. В посланном из Корзинкина приветствии газете «Беднота» В. И. Ленин писал: «Союз рабочих и крестьян — вот что дала нам Советская власть.

Вот в чем ее сила. Вот в чем залог наших успехов и нашей окончательной победы»⁶.

В Корзинкине Владимир Ильич написал предисловие к книге И. И. Скворцова-Степанова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства».

В свободное время Владимир Ильич совершал прогулки по окрестностям Корзинкина. «Мы с Ильичем, — вспоминала Н. К. Крупская, — ходили далеко в лес по пасту...»

Элита Мато Перкович — так звали Елизавету Матвеевну по-боснийски — попала в Россию со своим мужем, русским военнопленным Дмитрием Зверевым, работавшим, как и она, на лесоразработках. Вернувшись к себе на родину, большевик, чекпст Зверев командовал батальоном ВЧК и погиб в одном из боев с белогвардейцами.

Найти старую знакомую, опытную медицинскую сестру-массажистку помог Феликс Эдмундович Дзержинский. По его поручению Петр Петрович Пакали привез ее в Корзинкино.

— С тех пор, — вспоминает Елизавета Матвеевна, — я стала регулярно ездить в Корзинкино. Дом, в котором жил Владимир Ильич, был двухэтажный, деревянный, стоял буквой Т. Украшен узорной резьбой по дереву. В комнаты из-за деревьев поступало мало света. Это огорчало Владимира Ильича, и он мечтал побыстрее перебраться в Горки.

Жил Ленин на втором этаже. Окна и парадная дверь дома выходили к Москве-реке... Он ежедневно просматривал массу газет и журналов, вникал во все, чем жила республика... Вместе с Надеждой Константиновной совершал в окрестностях усадьбы прогулки.

Как-то, помню, обсуждали они в моем присутствии некоторые вопросы, связанные с подготовкой к XI съезду РКП(б). И Владимир Ильич сильно разволновался... Говорил, что вокруг идет отчаянная борьба между социалистическими и капиталистическими элементами и очень важно, чтобы рабочее ядро партии не растратило пролетарскую психологию.

По состоянию здоровья ему нельзя было волноваться. Это, конечно, лучше меня знала Надежда Константиновна. Пришлось все же попросить не начинать разговоры с Владимиром Ильичем на политические темы хотя бы во время сеансов лечебной физкультуры.

Регулярно в то время приезжал к Владимиру Ильичу

врач В. А. Обух. Я слышала, как они говорили о возвращении из-за границы артистов Московского Художественного театра, о работе московских бань и санпропускников... Мне запомнилось, как Владимир Ильич рассмехался, когда прочел заметку в «Правде», в которой сообщалось, что по инициативе заведующего отделом социального обеспечения и здравоохранения Моссовета В. А. Обуха через столичные бани прошло до 800 тысяч москвичей и каждый получил кусок мыла и мочалку.

— Вот точная статистика, — воскликнул Ленин, — которой я никак не добьюсь от ЦСУ!

Приезжая в Корзинкино, я несколько раз заставляла Владимира Ильича за письменным столом...⁷

Не обошлось в Корзинкине и без происшествия.

По воспоминаниям П. С. Космачева, в один из дней загорелась крыша дома, в котором жил Владимир Ильич. В ванной колонка и труба выходили на чердак. Труба была засыпана опилками — она накалилась, воспламенила накат.

Первым это заметил Ленин. Зайдя в одну из комнат, в которой находились П. С. Космачев и работник охраны, он сказал:

— Товарищи, мне кажется, мы опять горим!

Его успокоили:

— Ничего не видно.

— Нет, товарищи, — сказал Ильич, — мы горим. Дым из-под крыши.

На месте были огнетушители, и пожар быстро потушили.

Тревога за жизнь Ленина. Любовь трудящихся к Ленину, забота о его безопасности нашли свое отражение в откликах на решение Чрезвычайной сессии ВЦИК от 27 января 1922 года о назначении В. И. Ленина председателем советской делегации на Генуэзской конференции.

На эту конференцию капиталистические страны официально пригласили Советскую Республику, что само по себе доказывало растущее влияние первого в мире государства рабочих и крестьян. Вся мировая печать откликнулась на посланное в Москву приглашение. Английские газеты писали, что решение пригласить на конференцию премьеров всех государств имело своей задачей прежде всего «заполучить на конференцию Ленина». Английский корреспондент газеты «Таймс», возлагая надежды на приезд «вождя большевиков», писал: «Надо надеяться, что

у Ленина при его восточном темпераменте и позитивном складе ума не закружится голова под влиянием комплиментов со стороны представителей великих держав»⁸.

Буржуазные правительства надеялись разговаривать с Советской Россией в Генуе как с неравноправной стороной. На Западе вынашивались бредовые планы навязать Советской стране кабальные экономические соглашения. Стремясь к установлению со всеми государствами нормальных отношений, Советское государство соглашалось вести переговоры как равное с равными. Это было подчеркнуто В. И. Лениным в его заявлении корреспонденту американской газеты «Нью-Йорк геральд»: «...глубоко ошибаются те, которые собираются предложить русской делегации в Генуе унижительные условия»⁹.

27 января 1922 года Чрезвычайная сессия ВЦИК приняла решение о посылке в Геную делегации РСФСР во главе с В. И. Лениным. Заместителем главы делегации был назначен народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин «со всеми правами председателя на тот случай, если обстоятельства исключат возможность поездки товарища Ленина на конференцию»¹⁰.

Когда стало известно о предстоящей поездке Владимира Ильича за пределы Советской страны, на его имя и на имя ВЦИК стали поступать тревожные письма трудящихся. Красной нитью через все документы того времени проходила одна мысль, один наказ: «Оберегайте Ленина!», «Не отпускать товарища Ленина в Геную!».

Сошлемся на некоторые документы.

«От рабочих и служащих рудника имени Артема Донбасс. 3 февраля 1922 года. Москва, Кремль, ВЦИК. Председателю Совнаркома товарищу Ленину.

Рабочие, служащие рудника имени Артема Щербиновских образцовых рудников Донбасса сомневаются в искреннем приглашении товарища Ленина буржуазными правительствами в Геную. Уверены, что черносотенные круги, как и буржуа за границей, примут все меры к истреблению вождя мирового пролетариата. Постановили: просить ни в коем случае товарища Ленина не отпускать в буржуазные страны»¹¹.

Корчевская уездная крестьянская конференция Тверской губернии приняла резолюцию: «Мы обращаемся к нашему дорогому вождю товарищу Ленину со словами: дорогой вождь Владимир Ильич, не иди к злым врагам трудового народа, ибо чести и совести у них не было с рождения и твоя жизнь может подвергнуться опасно-

сти. Она нужна нам с твоими великими мыслями в нашем великом деле»¹².

Нескончаемым потоком шли в Москву письма из Красной Армии. В воинских частях принимались решения с просьбами к ВЦИК «не отпускать товарища Ленина в Геную» и «зорко охранять незаменимого вождя»¹³.

Пятая беспартийная красноармейская конференция приняла такое решение: «Мы, рабочие и крестьяне Красной Армии, четыре года проливавшие свою кровь в борьбе с ненавистной нам буржуазией, не можем ей верить, что она не посягнет на жизнь нашего великого вождя»¹⁴.

Курсанты и красноармейцы черноморских пехотных курсов записали в своем постановлении: «Если всемирная буржуазия, обломавшая зубы о революционную стойкость нашей социалистической Родины, хочет столкнуться с Советской Россией мирным путем и переговоры вести через нашего дорогого вождя, то пусть приезжает к нам в революционную Россию»¹⁵.

Лепельская уездная беспартийная крестьянская конференция, избрав В. И. Ленина и М. И. Калинина своими почетными председателями, телеграфировала в Совпарком Ленину: «Конференция крестьян против Вашей поездки в Геную».

20 января 1922 года в органе Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии газете «Звезда» была помещена статья, обратившая на себя внимание далеко за пределами республики. Принадлежала она перу видного революционера, впоследствии секретаря Центрального Комитета КПБ деятеля Коминтерна Вильгельма Георгиевича Кнорина.

«Следует ли т. Ленину ехать в Геную?»

Этот вопрос волнует всех, кому дорог Ильич.

Этот вопрос тревожит нашу молодежь, которая выросла под Ильичем и всю душою предана ему, своему вождю.

Этот вопрос тревожит всех членов нашей партии и всех рабочих и революционных крестьян.

За последние три дня на собраниях, на которых мне пришлось выступать, подали мне свыше 60 записок, касающихся этого вопроса.

Их содержание сводится к следующему:

— Не следует пускать Ленина за границу, у нас есть другие работники, которые смогут выполнить это поручение.

— Мы не должны позволить Ленину ехать за грани-

цу, потому что не знаем, что с ним там может случиться.

— Не является ли приглашение Ленина уловкой и не думают ли буржуи с ним расправиться, как с Карлом Либкнехтом?

— Чем мы гарантированы, что, в случае срыва конференции, его не задержат и впустят обратно в Россию?

— Чем мы гарантированы, что фашисты сдержат свое слово?

— Чем мы гарантированы, что русские эмигранты не нападут за границей на Ленина?

— Не следует отпускать Ленина потому, что Коммунистическая партия ни одного дня не может оставаться без своего вождя.

Я не могу привести всех этих более чем 60 записок, полученных мною в течение трех дней, по преимуществу от пашей молодежи. Во всех них глубокая тревога, чтобы Ильич не рискнул, чтобы не поддался желанию непосредственно помериться силами с вождями капитала, чтобы с ним что-нибудь не приключилось.

И мне кажется, что так теперь тревожится вся Россия.

Под статьей редакция подверстала письмо красноармейцев Минского гарнизона. Оно заканчивается категорически: «Ильич не должен ехать». Подобных заявлений было множество.

Командир конного корпуса червоного казачества Примаков послал в Москву па имя ВЦИК телеграмму, в которой по поручению казаков заявил, что червоинные казаки считают возможной поездку В. И. Ленина на Генуэзскую конференцию «не раньше, нежели туда вступит Красная Армия»¹⁶.

7 февраля 1922 года редакция «Правды» опубликовала список предприятий, учреждений, различных организаций, на которых были приняты единодушные резолюции с просьбой отменить поездку Владимира Ильича па Генуэзскую конференцию в интересах его безопасности.

Буржуазные газеты пестрели заголовками: «Приедет ли в Геную Ленин?»

В газете «Нью-Йорк таймс» В. Дюранти писал: «...В Советской России испытывают сомнения: отпустить ли Ленина в Геную, где жизни его может угрожать опасность»¹⁷.

В связи с приглашением для врачебных консультаций к Владимиру Ильичу профессора Г. Клемперера из Германии за границей терялись в догадках: «Что с Лени-

ным?» Орган белоэмигрантов «Новое время» возвестил: «По слухам из Москвы, Ленин умер»¹⁸.

В газетах Берлина и Рима появилось сообщение:

«В Москве упорно циркулируют слухи, что Ленин отправляется в Геную инкогнито, называют даже фамилию Владимиров, под которой Ленин совершит свое путешествие. Ленин едет будто бы в качестве специалиста-инженера. Маршрут и время отъезда сохраняются в тайне»¹⁹.

В адрес советской делегации в Генуе прибыли три контейнера с различными документами. Когда сгружали с машины большой контейнер — он был заполнен книгами, взятыми Г. В. Чичериным для всякого рода исторических справок, — группа полицейских и штатских устремила за контейнером, так как была создана версия, что в контейнере находится... Ленин.

Над этим немало посмеялись благоразумные итальянцы и, конечно, весь состав советской делегации.

Центральный Комитет партии и Советское правительство утвердили советскую делегацию в следующем составе: Г. В. Чичерин, М. М. Литвинов, Л. Б. Красин, П. Н. Нариманов, Я. Э. Рудзутак, В. В. Воровский.

Факты показали, что тревога широких масс трудящихся не была лишена оснований. Вскоре после открытия конференции в Генуе был раскрыт белогвардейский террористический заговор против советской делегации. Среди участников заговора оказался пресловутый Борис Савинков. С фальшивым паспортом, под чужим именем, он стремился попасть в состав охраны советской делегации в Генуе. Справедливость требует сказать, что под сводами купеческой палаты и банка св. Георгия «Палаццо-Сан-Джорджо», где проходила Генуэзская конференция, или в гостинице, где остановилась советская делегация, нашлись и ее доброжелатели. Именно от кого-то из таких людей советской делегацией было, например, получено письменное предостережение.

«Остерегайтесь электроаппаратов, установленных в Ваших комнатах, а также горячих папичков, приготовленных кем-либо помимо преданных вам ближайших людей. Мужество и осторожность» (подписано «Кольра», — вероятно, псевдоним).

В предместьях Генуи, на фабричных стенах, в порту появились плакаты: «Да здравствует Ленин!»

Апрель 1922 года... Трудящиеся Советской России беспокоились о здоровье Владимира Ильича.

Урал. Екатеринбург (ныне Свердловск). Коммунальный клуб. Сюда пришел отчитаться о своей поездке в Москву видный деятель международного рабочего движения, венгерский интернационалист Бела Кун — одно время он работая в Уралбюро ЦК РКП(б).

«Зал был набит битком. Уральские большевики с нетерпением ждали, что скажет Бела Кун о состоянии здоровья Ленина. В городе ходили самые разнообразные слухи, и все волновались. В этом нетерпеливом ожидании проявлялся не только естественный интерес к вождю рабочего класса, но и искренняя любовь к Ильичу, опасение за его жизнь и здоровье. Этими чувствами был охвачен каждый, кто дорожил Лениным и судьбой революции.

Бела Кун вошел в зал. Он сразу понял, что ждут от него слушатели в первую очередь, и речь начал так: «Все слухи, распространяемые нашими врагами, что Владимир Ильич в отставке, оказались, конечно, ложными. Теперь все могли прочесть в газетах, что Владимир Ильич уже председательствовал в Совете Народных Комиссаров». Далее он рассказал, что в последний раз виделся с Владимиром Ильичем 12 апреля, что он начинает работать и в ИККИ (Исполком Коминтерна. — *Н. З.*), что говорил с ним о положении на Урале и оказалось, что Ильич прекрасно знает обо всем»²⁰.

Владимир Ильич получал множество сердечных писем. Рабочие, крестьяне, представители интеллигенции, молодежь в своих письмах выражали готовность не щадить своих сил для строительства нового общества.

От пятиклассника Тамбовского железнодорожного училища Островского пришло такое письмо: «Дорогой Владимир Ильич! Узнав из газет о Вашей болезни, я поневоле глубоко опечалился... Берегите себя: зачем ради одного лишнего часа общественной работы рисковать своей жизнью, нужной для великой Коммунистической партии, партии истины всего мира. Мое письмо, может быть, и не попадет по адресу, но все же я обещаю Вам отдать свои силы святой борьбе за слабых. Я учусь, и учусь для того, чтобы во всеоружии идти на эту борьбу. Начатое Вами дело докончит красная рабочая молодежь; она не пожалеет сил и скорее погибнет вся, чем допустит гнет капитала. Выздоровливайте, берегите себя и знайте, что за Вами стоят миллионы людей, готовых умереть за правду. Уважающий, хотя ни разу не видавший Вас Н. Островский»²¹.

К этому времени относится поимка террористов из числа правых эсеров. «Слежка за Ильичем эсеровских тер-

рористов, вспоминал начальник секретного отдела ВЧК Т. П. Самсонов, — продолжалась около двух недель. Чекистам удалось раскрыть и арестовать этих террористов и таким образом отвести руку убийц от Ильича»²².

О несостоявшейся поездке на Кавказ. Весной 1922 года врачи рекомендовали В. И. Ленину продолжительный отдых и горный воздух. Из его переписки с Г. К. Орджоникидзе видно, что был решен вопрос о поездке Ленина вместе с Надеждой Константиновной на Кавказ²³.

О поездке Владимира Ильича в Грузию с ним велись переговоры и немало рапьше.

Еще 23 марта 1921 года председатель ревкома Грузии Филипп Махарадзе послал Владимиру Ильичу письмо, в котором наряду с описанием положения в Грузии в первый месяц установления Советской власти высказывалась надежда на приезд Ленина на Кавказ. «Надеюсь, что летом, — говорилось в письме, — мы увидим Вас вместе с Надеждой Константиновной у нас в Тифлисе, и мы Вам покажем чудесные места»²⁴. Чрезмерная занятость Владимира Ильича сделала невозможной эту поездку.

В конце января 1922 года открылся первый съезд Коммунистической партии Грузии. На предшествовавших ему уездных партконференциях принимались приветственные телеграммы и письма В. И. Ленину, которого приглашали на республиканский партийный съезд. «Надеемся, что Вы осчастливите наш партийный съезд Вашим присутствием», — говорилось в резолюции Лечхумской партконференции.

7 апреля 1922 года Владимир Ильич написал письмо Серго Орджоникидзе с просьбой подыскать соответствующее место отдыха.

Обсуждались два возможных района для отдыха: Абастуман и Боржоми. Предпочтение было отдано последнему. В Тифлис (Тбилиси) приехал наркомздрав РСФСР Н. А. Семашко, который вместе с Серго Орджоникидзе и врачами курорта осмотрел Боржоми.

В Москве тогда проживал Камо (Тер-Петросян), обратившийся к В. И. Ленину с просьбой дать согласие на поездку с ним на Кавказ для того, чтобы охранять его. Вот что писал Ильичу Камо: «Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Ильич! Я знаю от Л. Б. Красина и от Марии Ильиничны, что доктора настоятельно советуют Вам продолжительный отдых и горный воздух. По мнению Красина, лучше Кавказа для этой цели ничего нельзя придумать.

Он же сказал мне, чтобы я просил Вас взять меня с собой для того, чтобы, во-первых, охранять Вас, а во-вторых, постараться доставить Вам всевозможные удобства и удовольствия.

Хотя я говорил с Марией Ильиничной на эту тему, но все же хотел обратить на это Ваше внимание. Если Вы возьмете меня, я буду не только рад, но и спокоен относительно Вашей безопасности, и у меня есть какая-то самоуверенность, что никто не пригодится в этой поездке, как я. Если Вы согласны, дорогой Владимир Ильич, то можно поговорить о маршруте и времени отъезда»²⁵.

Владимир Ильич и его семья хорошо знали отважного революционера. В одном документе В. И. Ленин писал о нем как о человеке «совершенно исключительной преданности, отваги и энергии...»²⁶. Ленин дал согласие на поездку с ним Камо, о чем известил Серго Орджоникидзе.

Однако поездка В. И. Ленина из-за ухудшения здоровья не состоялась.

Последние выступления. С момента своего приезда из Петрограда в Москву — с 11 марта 1918 года по 1922 год включительно — Ленин выступал перед трудящимися более 300 раз.

После перенесенной летом 1922 года тяжелой болезни Владимир Ильич рвался в Москву.

2 октября 1922 года он возвратился в столицу и вопреки предписанию врачей об ограничении рабочего дня пятью часами день за днем увеличивал свою печеловеческую нагрузку. Перечень заседаний Совнаркома, Совета Труда и Оборона и Политбюро ЦК партии, в которых участвовал Ленин, решая важнейшие вопросы, красноречиво говорит об этом.

13 ноября 1922 года Владимир Ильич выступил на IV конгрессе Коминтерна с докладом «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции».

Делегаты, представлявшие 58 коммунистических партий, встретили Ильича бурными аплодисментами. Все встали и на разных языках начали петь международный пролетарский гимн «Интернационал».

Владимир Ильич сказал, что после своей долгой болезни он не в состоянии сделать большого доклада и может дать «лишь введение к важнейшим вопросам», взяв только небольшую часть темы доклада — вопрос о «новой экономической политике».

Комсомолка двадцатых годов Б. Н. Глан вспоминала об этой встрече: «Это произошло 13 ноября 1922 года, когда В. И. Ленин выступал с докладом на IV конгрессе Коминтерна.

Как и другим комсомольцам, работавшим в аппарате Исполкома Коминтерна, мне разрешили сесть вместе с деятелями и работниками ИККИМа (Исполком Коммунистического Интернационала Молодежи) с левой стороны зала, перед местами делегатов конгресса. Мне очень повезло, мое место было почти перед самой трибуной, в 4—5 шагах от нее. Для того чтобы представить себе, как все происходило, необходимо прежде всего сказать, что заседание IV конгресса Коминтерна проходило в Большом Кремлевском дворце до его реконструкции, которая была проведена в начале 30-х годов. В те годы это был зал (он назывался раньше Андреевским) на 450—500 мест с очень маленькой эстрадой для президиума, задрапированной красным материалом.

Попасть на эстраду можно было только через зал, а в зал только через одну дверь из большого широкого коридора. Вторая дверь из зала вела в анфиладу бывших царских покоев, которые в перерывах между заседаниями использовались как комнаты для отдыха делегатов.

Я говорю подробно об этом потому, что именно благодаря такому расположению помещений нам удалось трижды очень близко увидеть В. И. Ленина.

В первый раз мы увидели его, когда он прошел в трех шагах от нас в президиум. Сидевшие в первых рядах делегаты горячо зааплодировали, но Владимир Ильич быстро, не оборачиваясь, поднялся на небольшую ступеньку эстрады и повернул налево в комнату для президиума. Через 2—3 минуты Владимир Ильич вышел, ему предоставили слово для доклада. Я не берусь описать, что происходило в зале. Восторженные возгласы «Да здравствует Ленин!» на разных языках, овация — долгая, страстная, взволнованная. На лице Владимира Ильича чувство радости от встречи с делегатами и их дружеского приема сменялось иногда чувством недовольного «недоумения» («Ну что так долго приветствовать, хватит!»). Несколько раз он поднимал руку, чтобы остановить делегатов, но буря аплодисментов, криков: «Ура! Вождю мирового пролетариата!» — не ослабевала. Тогда он махнул рукой, улыбнулся, повернувшись в сторону президиума, показал на часы. Наконец наступила тишина.

Владимир Ильич выступал на немецком языке, кото-

рый очень хорошо знал. Но по его просьбе около трибуны (вплотную к нам) сел немецкий коммунист П. Леви — лучший переводчик с русского на немецкий язык. Когда Владимиру Ильичу не хватало какого-либо слова для точной формулировки своей мысли, он тихонько прищелкивал пальцами, и переводчик, пристально следивший не только за речью, но и за каждым жестом Владимира Ильича, мгновенно подсказывал ему. Иногда нужное слово подбрасывали несколько голосов, и тогда Владимир Ильич с улыбкой повторял его, глядя в нашу сторону.

Владимир Ильич закончил свое выступление призывом к коммунистическим партиям учиться друг у друга всему, что может способствовать распространению и утверждению идей коммунизма. К концу доклада Владимир Ильич заметно устал и даже побледнел немного. Сказывались и ранение, и недавняя болезнь.

Зал снова взорвался аплодисментами, Владимир Ильич, махнув рукой, как бы прощаясь, ушел в боковую комнату. Мы, молодые, быстро пробрались между рядами и заняли позицию вплотную к выходной двери, для того чтобы еще раз увидеть Владимира Ильича. Многие последовали нашему примеру, но мы, прижавшись друг к другу, не уступали свой первый ряд.

Еще грохотали аплодисменты и возгласы, а слева от нас вдоль стены к выходу, тесным восторженно приветствовавшими его делегатами, продвигался Владимир Ильич. Его сопровождал один военный товарищ.

Владимир Ильич был в черном пальто с каракулевым воротником шалью, с непокрытой головой (шапка была в руке). Все ближе и ближе он подходил к нам. Мы еще и еще раз жадно всматривались в знакомый по десяткам фотографий прекрасный скульптурный лоб, рыжеватые волосы, усталые добрые глаза и хором прокричали Ленину комсомольское «Ура!».

Увидев тесно сомкнутый, как в строю, молодежный ряд, Владимир Ильич вдруг широко улыбнулся и помахал нам рукой. Но в это время стоявшие сбоку и сзади делегаты, хотевшие поближе увидеть В. И. Ленина, нажали на нас сзади, и мы едва устояли на расстоянии одного-двух шагов от Владимира Ильича.

И вдруг мы услышали тихую, но внятную команду военного товарища: «Молодежь, потеснитесь назад, помогите выйти Владимиру Ильичу». Мы тотчас же взялись за руки, деликатно, но решительно стали оттеснять нажимавших на нас людей, не сводя при этом глаз с так

близко стоявшего Владимира Ильича. Нам удалось освободить проход к двери, ведущей в коридор. Ильич пошел к выходу, но у самой двери повернул голову вправо и еще раз улыбнулся и махнул рукой. Спины и руки наши основательно пыли, но мы были безмерно счастливы»²⁷.

20 ноября 1922 года В. И. Ленин выступал на пленуме Московского Совета. Это было его последнее выступление.

Работник личной охраны Ленина Сергей Николаевич Аликин был одним из тех, кому было поручено сопровождать Ильича на этот пленум Моссовета. Вот его рассказ: «Большой театр был тогда самой вместительной аудиторией не только в Москве, но, пожалуй, и во всей стране. Несмотря на это, зал был переполнен. Ведь, кроме депутатов Моссовета и пленумов всех райсоветов, на доклад Ильича пришли многие другие представители трудящихся столицы. Владимир Ильич запросто вошел на сцену и скромно занял место за столом президиума. Вид у него был усталый, он произнес блестящую речь, неоднократно прерывавшуюся горячими аплодисментами.

— Все присутствовавшие в зале, — продолжал С. Н. Аликин, — всматривались в Ильича, следили за каждым его движением, жестами. Никто, конечно, не мог знать того, что Ильич, родной, близкий, выступает перед трудящимися в последний раз.

Владимир Ильич закончил свою речь словами твердой уверенности в неизбежности победы социализма.

«Социализм, — сказал он, — уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего... Мы социализм протащили в повседневную жизнь... все мы вместе не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу, во что бы то ни стало, так что из России эпоховской будет Россия социалистическая»²⁸.

Во время болезни. В связи с болезнью В. И. Ленина в печати появился «Наказ петроградских рабочих».

«Товарищ Ленин, петербургские рабочие требуют от тебя строго придерживаться на время отдыха режима, предписанного врачами, и побольше бывать в поле и на солнце. Этому режима требуют интересы мировой революции и нашей рабоче-крестьянской страны.

Вот, товарищ Ленин, наш привет и наше справедливое требование»²⁹.

В канун пятой годовщины Октябрьской революции рабочие Клиновской суконной фабрики пожелали присвоить своему предприятию имя В. И. Ленина. 3 ноября

1922 года они прислали Владимиру Ильичу сердечное поздравление и свой подарок — отрез сукна. «Мы будем счастливы, — писали они, — если ты, наш учитель и вождь, оденешь костюм, нашими руками сотканный.носи, Ильич, на здоровье и знай, что мы всегда с тобой».

Ветеран фабрики, член КПСС с 1917 года, Василий Саввич Соломенный вспоминал о том, как они вручали Ильичу этот подарок: «Клины входили в состав Гомельской губернии. Еще до революции они славились суконными фабриками. Старые рабочие решили соткать Ленину отрез на костюм. Отрез вышел на славу, в лупу смотрели, чтобы ни одной соринки, ни одной ворсинки в нить не попало. Избрали делегацию, возглавить ее поручили старику Чеснокову. С длинной белой бородой, в толстовке, высокий, худощавый, он был похож на апостола. Отрез на костюм завернули в рушники, положили туда письмо, которое подписали все рабочие, и вручили делегации. Волнений было много. Какой-то ответ привезет делегация, что-то скажет Ленин? 9 ноября делегация возвратилась. На станцию встречать делегатов пришли члены укома и рабочие Стодольской фабрики.

— Как дела? — спросил председатель укома партии Иванов у старика Чеснокова.

— Прибыли мы на место, — начал свой рассказ Чесноков. — Нас пригласили в кабинет товарища Ленина. Когда мы перешагнули порог кабинета, Владимир Ильич поднялся из-за стола, шагнул к нам навстречу, с каждым поздоровался за руку и пригласил садиться. Мы развернули наш сверток, положили на стол, развернули рушник, вынули отрез и письмо товарищу Ленину.

Всем нам подали чай. Владимир Ильич читает письмо, поглаживает ладонью по сукну, задает вопросы, расспрашивает о жизни рабочих, о молодежи, комсомольцах. Улыбается, видимо, очень доволен нашими откровенными рассказами и качеством сукна. А потом говорит:

— Хорошее сукно, очень хорошее. Спасибо рабочим за такой хороший подарок. Но передайте своим товарищам, что подарков посылать мне не следует. Что я буду делать, если отовсюду мне будут присылать подарки? Ваш отрез мы передадим самому лучшему командиру Красной Армии.

Сказав эти слова, Ленин ласково посмотрел на нас, улыбнулся и спрашивает: «Вы согласны на это?» Ну что мы могли сказать в ответ?.. Мы согласились. А Владимир Ильич продолжал:

— Рабочим, которые послали вас, передайте, чтобы они все сукна на клинцовских фабриках выпускали таким качеством, как этот отрез³⁰.

8 ноября 1922 года Ленин обратился к рабочим фабрики с запиской.

«Дорогие товарищи! — писал Ильич, — сердечно благодарю вас за приветствие и подарок. По секрету скажу, что подарков посылать мне не следует. Прошу очень об этой секретной просьбе пошире рассказать всем рабочим. Самые лучшие благодарности и приветы и пожелания. Ваш В. Ульянов (Ленин)»³¹.

Болезнь В. И. Ленина окрылила врагов. Так, меньшевик Дап в № 13—14 «Социалистического вестника» за 1922 год писал: «Болезнь Ленина превращается в смертельную болезнь большевистского режима. Советская власть идет к своему политическому кризису».

В другом случае «Соцвестник» (№ 22 от 21 ноября 1922 года) пророчил «победоносное восстание» против Советской власти.

По этому поводу газета «Правда» писала, что против Советской республики сколочен единый фронт контрреволюции и требуется быть начеку. По-прежнему грязную роль подстрекателей террора играли выброшенные за борт истории вожаки соглашательских партий.

Вот выписка из эсеро-меньшевистского сборника «Современные проблемы»: «Террор как средство политической борьбы еще, в сущности, против большевиков не применялся. Урицкий и Володарский не были деятелями первого ранга. Покушение Каплан оказалось неудачным. Русская история последнего трехлетия не знает террористических актов, которые по значению могли бы сравниться с убийством Марата или хотя бы Лепеллетье де Сен-Фаржо в пору Великой французской революции. Между тем роль нескольких человек в рядах Советского правительства и Коммунистической партии так велика, что последствия их исчезновения представлялись бы почти беспримерными. Не преувеличивая нисколько размеров личности Ленина, можно с некоторым правом утверждать, что его убийство как исторический акт, приближалось бы к убийству Юлия Цезаря»³².

Тем временем в Москву, в адрес Центрального Комитета партии, ВЦИК, Совета Народных Комиссаров не прекращался поток писем. В наказе вятских рабочих-печатников говорилось: «Берегите Ильича как мозг, как сердце, как волю рабочего класса»³³.

РЯДОМ С ЛЕНИНЫМ

В последний период жизни В. И. Ленина сотрудниками охраны в Горках среди других были С. Н. Аликин, Ф. И. Балтрушайтис, А. В. Бельмас, А. Г. Борисов, Г. П. Иванов, Т. И. Казак, П. П. Пакалн, М. Я. Пидюра. Начальником охраны оставался А. Я. Беленький.

П. П. Пакалн. В телефонной книжке В. И. Ленина, хранящейся и поныне в его кабинете в Кремле, кроме А. Я. Беленького, записана фамилия П. П. Пакална, который был старшим среди сотрудников

личной охраны Ильича. Член партии большевиков с 1919 года чекист Пакалн неизменно был рядом с Лениным.

П. П. Пакалн родился в 1884 году в Латвии в семье сельского писмоносца. Свою трудовую жизнь Петр Петрович начал в городе Риге, был рабочим заводов «Фельзер», «Эрос» и др. «Чекист Пакалн пользовался у товарищей по службе в ВЧК заслуженным авторитетом. Скромный в быту, требовательный, лично дисциплинированный, таким он запомнился всем, кто его знал», — вспоминал Карл Адамович Дунц.

За время работы у Ленина Пакалн никогда не пользовался полагавшимся ему отпуском, выходными днями, почти постоянно находился возле Владимира Ильича.

Мария Ильинична как-то сказала П. П. Пакалну:

— Если ваша жена еще не была в отпуске, пусть едет отдыхать в Горки.

Петру Петровичу и его жене отвели комнату.

После того как не стало Владимира Ильича, П. П. Пакалн был назначен комендантом Мавзолея, а затем работал в ОГПУ. О Петре Петровиче Пакалне добрым словом вспоминают ветераны-чекисты. «Он занимался благоустройством сотрудников и их семей, — рассказывал о нем В. В. Филасов, — и многое для нас делал. Сначала по заданию Ф. Э. Дзержинского, а затем сменившего его Вячеслава Рудольфовича Менжинского Петр Петрович всегда приходил на помощь больным, выходявшим из строя сотрудникам. Чувствовалось, что этот человек за время нахождения рядом с Ильичем прошел настоящую школу заботы о людях».

Каждому из чекистов, охранявших Ленина, в деталях запомнились памятные встречи с Владимиром Ильичем в последний период его жизни. Некоторые из этих встреч состоялись еще в Кремле, до окончательного переезда Владимира Ильича в Горки.

Г. П. Иванов. Георгию Петровичу Иванову, выходцу из бедной крестьянской семьи, «направление в жизни» как он рассказывал, дал лично Владимир Ильич: «Было это в Кремле. Примерно в середине октября 1922 года я дежурил на почном посту у квартиры В. И. Ленина со стороны кухни. Примерно в 11—11.30 часов вечера вдруг слышу в кухне шорох и движение. Я насторожился — посторонний в квартиру проникнуть не может, потому что парадный вход в квартиру строго охраняется нами и кремлевскими курсантами, а со стороны кухни я дежурю. Надежда Константиновна и Мария Ильинична всегда ложились отдыхать после 11 часов вечера. Дольше всех работал по вечерам один Владимир Ильич. Значит, на кухне Ленин. Не успел я так подумать, как дверь открылась и вышел Владимир Ильич.

— Здравствуйте, товарищ дежурный, добрый вечер! Я вас хочу угостить молоком.

Смотрю, Ильич держит в одной руке кувшин с молоком, в другой две фарфоровые кружки.

— Спасибо, Владимир Ильич! Сыт, идя на дежурство, только-только поужинал.

— Кружку молока выпить всегда полезно.

Владимир Ильич подошел к моему столу и налил в кружки молоко. Я стою у стола.

— А вы садитесь, товарищ, — говорит Ильич. — Как ваша фамилия?

Я сел за стол и назвал свою фамилию. Мне стало ясно, что Владимир Ильич хочет о чем-то спросить ме-

ня. Быстро выпил налитое мне Ильичем молоко и поблагодарил его. Ильич тоже выпил свою кружку и спросил, откуда я приехал в Москву. Как и где живут мои родители? Что они пишут? и т. д. Я рассказал Владимиру Ильичу, что родом из Башкирии, из Уфимской губернии, что до революции мои родители были безземельными крестьянами-бедняками, а сейчас жизнь налаживается, хотя в нашей семье девять едоков. Между прочим я упомянул, что меня и брата родители ждут домой...

Ленин спросил:

— Ну, а как вы решаете вопрос о возвращении домой, ведь война-то кончилась?

Я замялся:

— Владимир Ильич, домой не собираюсь, хочу учиться: учеба всегда была мечтой моей жизни. До революции нас учиться никуда не пускали, да и средств у родителей не было и не могло быть. Да вот сомневаюсь, сумею ли я поступить на рабфак? Как вы посоветуете, Владимир Ильич?

— А какое у вас образование, товарищ Иванов?

— Только четыре класса начальной и сельской школы.

— Да, образования у вас маловато, но на рабфак вас примут. Все трудности можно преодолеть упорной работой.

Я осмелел.

— А после рабфака я мечтаю поступить в вуз, хочу стать инженером.

— Одобряю ваше решение учиться, товарищ Иванов, это очень правильное решение. Без знаний пельзя строить новую жизнь. Наша советская молодежь навсегда похоронит историческую несправедливость, закрывшую двери в средние и высшие учебные заведения рабочим и крестьянам. Советская власть открыла для вас, нашей молодежи, рабфаки, где можно получить среднее образование и поступить в высшие учебные заведения. Для социалистического строительства потребуется много специалистов. Инженеры, врачи, агрономы, юристы, экономисты, учителя и др. Вы приняли, товарищ Иванов, замечательное решение, идите учиться и непременно добейтесь инженерного образования.

Я был взволнован, не мог проронить ни слова, слушая Ленина.

Владимир Ильич попрощался со мной за руку, пожелал после дежурства мне хорошего отдыха и пошел сам

отдыхать. У двери он снова повернулся ко мне лицом, приветливо сказал:

— Не сомневайтесь, товарищ Иванов, не сомневайтесь, инженер из вас обязательно получится, смелее действуйте, и вы своего добьетесь!

После этой ленинской «консультации», напутствия Ленина у меня с новой силой возникло желание учиться — именно он мне дал путевку в жизнь и в науку»¹.

Г. П. Иванов добился своего. Он закончил рабфак, институт, стал инженером, кандидатом технических наук, много лет работал научным сотрудником в Центральном научно-исследовательском институте технологии машиностроения.

М. Я. Пидюра. Макарий Яковлевич Пидюра родился в 1901 году. Он тоже из бедной семьи крестьян — села Боровица Чигиринского района Киевской губернии. После окончания сельской школы он пошел на заработки. Был чернорабочим, слесарем, кочегаром, помощником машиниста.

В 1919 году М. Я. Пидюра добровольцем пошел в Красную Армию. В 1920 году в Красном Сулине вступил в партию. В 1922 году был мобилизован в ЧК — в отряд особого назначения.

— Я был в красном уголке дома № 11 по Большой Лубянке в Москве, — рассказывал М. Я. Пидюра, — когда Кравченко, Тюрина и меня вызвали к Дзержинскому. Никто из нас не знал, почему это нас вызывают к самому Дзержинскому. Быстро собрались, пошли. Поднялись на третий этаж, входим в секретариат. Нас приветливо встречает секретарь Дзержинского товарищ Герсон и сразу просит пройти в кабинет Феликса Эдмундовича. Входим. Каждый спешит по-военному представиться. Феликс Эдмундович встает из-за стола, выходит к нам навстречу и с каждым здоровается за руку.

— Дело к вам, товарищи, очень нужное, очень важное, — сказал он. — Пусть каждый расскажет о себе. Кто как может. Не торопитесь, но не упускайте главного. Где кто родился, где служил, при каких обстоятельствах вступил в партию, словом — главное, самое существенное.

Феликс Эдмундович еще ранее предложил нам сесть, но, когда по очереди мы стали ему рассказывать о себе, невольно приходилось то и дело подниматься. «Сидите, рассказывайте сидя,» — усаживал Феликс Эдмундович и внимательно, очень внимательно слушал. Каких-

либо вопросов никому не задавал, не перебивал. А затем сказал:

— Мы вас направим в распоряжение товарища Пакална — вы будете в охране Владимира Ильича. Будьте хорошими коммунистами и чекистами. Верю, что вы оправдаете доверие...

— Оттого, что Дзержинский не стал больше распространяться, а ограничился лишь приведенными словами, — продолжал М. Я. Пидюра, — мы вышли из кабинета очень взволнованными. Мне был 21 год, а Кравченко и Тюрину и того меньше. Но каждый из нас понимал, что означает быть в охране Ленина. Петр Петрович Пакалн, коммунист с 1919 года, любил службу. Он встретил нас как хороший товарищ. Сказал, что служба будет нелегкая. Действительно, кремлевские курсанты дежурили у Ильича по 2 часа, а каждый из нас по 8 часов. Они были в военной форме, а мы в штатском... В коридоре стоял небольшой столик, за которым мы сидели. В кабинет и квартиру Владимира Ильича никто не мог пройти, минуя нас.

— Очень скоро я уже знал видных деятелей партии, бывавших у Ильича: Калинина, Цюрупу, Чичерина, Сталина, Енукидзе, Семашко, Петровского, Бонч-Бруевича, Рудзутака, Фрунзе, Склянского, Крыленко, Ольминского. Многие здоровались со мной за руку. Был список — кто именно мог проходить к Ленину без пропуска. Затем я переехал с Ильичем в Горки. В Горках я ежедневно видел Владимира Ильича, Надежду Константиновну Крупскую, Марию Ильиничну Ульянову, Анну Ильиничну Елизарову, Дмитрия Ильича Ульянова².

— Все меньше становится тех, кто видел Ленина, — отмечал Макарий Яковлевич, — кто говорил с ним, слышал его голос. Не говорю уже о тех, кто был вблизи Ленина. Наша молодежь любит Ленина, и эта любовь перешла к ней от отцов, старших братьев и сестер. Молодежь судит об Ильиче по книгам, кинофильмам, произведениям живописи, скульптуры. Вот почему так важно правильно показывать Ленина. Я считаю, что самой сильной чертой Ильича была его человеческая простота и скромность. Он органически не переносил никаких знаков особого внимания, почета по отношению к себе, не любил шумных приветствий, оваций, старался абсолютно ничем не выделяться среди других. При его жизни советские связисты подготовили к выпуску почтовую марку с его изображением. Это была первая в Стране Советов —

да и во всем мире — почтовая марка с изображением основателя Коммунистической партии и Советского государства. Когда Ленину стало об этом известно, он распорядился уничтожить печатную доску, на которой была выгравирована марка, чтобы от нее и следа не осталось.

Как-то Владимир Ильич, занятый своими мыслями, поднимался по узкой боковой лестнице в Кремле на третий этаж. Неожиданно на лестнице ему повстречалась уборщица, спускавшаяся вниз с ведром и тазом в руках. При виде Ленина женщина растерялась и, стараясь освободить дорогу Владимиру Ильичу, повернулась, чтобы подняться обратно. Но Ленин остановил ее:

— Нет, нет, товарищ, зачем же вам, да еще с тяжестью, подниматься опять наверх? Вот смотрите, я прижмусь тут в уголке, а вы и пройдете!

Уместно сказать, что Владимир Ильич — глава огромного государства и вождь великой партии — никогда не обращался к нам, как и ко всем рабочим или крестьянам, на «ты».

Старшие товарищи рассказывали, — продолжал М. Я. Пидюра, — что в марте 1922 года Ленин написал статью для газеты «Беднота». Посылая в редакцию эту статью, Владимир Ильич приколол к ней записку, в которой, ссылаясь на свое нездоровье, писал, что написать что-либо путное он не смог и что если его статья не подойдет, то надо бросить ее в корзину...

Советские люди знакомы с воспоминаниями известного советского окулиста профессора Авербаха. Навестив как-то Ленина и отмечая необычную его обходительность, простоту, внимание (Ильич интересовался, напоили ли перед уходом на работу профессора чаем, тепло ли он одет), профессор Авербах привел такой факт. Когда он стал прощаться с Владимиром Ильичем, то в передней Ленин все время пытался ему помочь надеть пальто. Потом стал разыскивать и подавать ему калоши, предварительно вытерев их.

С. Н. Аликин. Сергей Николаевич Аликин, 1901 года рождения, член КПСС с 1920 года, бывший рабочий Нытвенского завода на Урале, участник гражданской войны, боец дивизии, которой командовал В. К. Блюхер, затем стал чекистом. В мае 1922 года был командирован Ф. Э. Дзержинским в личную охрану Владимира Ильича.

— Напутствуя меня и моих товарищей, — рассказывал Сергей Николаевич, — Дзержинский поинтересовался: «Вы коммунисты?» Мы ответили: «Все коммунисты».

Феликс Эдмундович сказал: «Тогда я уверен, вам ясно, какими вы должны быть...»⁴.

С. Н. Аликин охранял Ленина в Кремле, во время его выступлений, а после переезда в Горки — в Горках.

— Я приехал в Горки, когда Владимир Ильич уже болел. Известно, что вначале он жил в северном флигеле на втором этаже. Мы, охрана Ильича, разместились тоже в этом здании, на первом этаже. Раньше, до революции, северный флигель был построен для прислуги.

Врачи рекомендовали создать Ильичу абсолютный покой, чтобы ничто не беспокоило его. Мы старались на первом этаже вести себя как можно тише. Но лестница, которая вела на второй этаж, разохлась и скрипела, когда мы производили смены. Этот шум беспокоил Ильича. Ленину предлагали несколько раз переехать в Большой дом, но он долго не соглашался. Ночью Ильич просыпался и не мог заснуть. Тогда было принято безоговорочное решение — перевести Ильича в Большой дом.

Переехать туда Ильича уговаривали Надежда Константиновна, Мария Ильинична и Беленький... Только после длительных переговоров Ленин согласился переехать⁵.

Сергей Николаевич Аликин в деталях вспоминал свои поездки с Владимиром Ильичем в лес на охоту и за грибами. В этих поездках принимали участие Беленький, Пакан и фельдшер Казимир Зорька.

— Лес, река Пахра, парк в Горках были излюбленными местами Ильича. Любил он встречаться с крестьянами, ребятишками. Не было случая, чтобы он детей не останавливал, не заговаривал с ними.

С. Н. Аликину запомнилась прогулка по березовой роще. Это было в конце августа 1922 года. Стояла прекрасная теплая погода. В прогулке Владимира Ильича сопровождали Надежда Константиновна и Мария Ильинична.

— Ленин вышел из парка с северной стороны. Селение совхоза «Ленинские горки» осталось справа, огороды тоже. Мы прошли порядочное расстояние. Вышли на Каширское шоссе, свернули влево и пошли межой.

Здесь мы увидели на узкой полоске пахавшего крестьянина. Соха была деревянной, с деревянными оглоблями, только сошник и отвал железные.

Крестьянин был в домотканых штанах и рубаше, в пошленных сапогах. Лошаденка была тощая, еле-еле тащила соху. Ленин поравнялся с пахарем, поздоровался.

Крестьянин остановил лошадь, снял фуражку, ответил:

— Здравствуйте, Владимир Ильич!

Многие крестьяне окрестных деревень знали Ленина в лицо.

Между Владимиром Ильичем и крестьянином началась непринужденная беседа.

— Почему вы, товарищ, пашете один? — спросил Ленин.

— А с кем же мне пахать? — ответил пахарь. — Я ведь один обрабатываю землю, взрослых сыновей у меня нет, а жена по дому ухаживает и за скотом. Имеются у нас коровенка, овечки, куры. Землю обрабатываю я сам, но на весь год хлеба не хватает. Приходится еще и па стороне зарабатывать, а если не заработаешь, то можно с голоду умереть, вот наша-то бедняцкая жизнь.

— А почему бы вам не пойти в сельскохозяйственную артель? — поинтересовался Ленин. — Ведь артель даст большую выгоду. Артелью легче приобрести плуги, сеялки, молотилки. А потом и трактора. Маломощному крестьянину не под силу самому приобретать их; осилить это могут только зажиточные крестьяне.

— Так-то оно так, — сказал крестьянин, — да мы непривычны жить-то артелью. Да и жена возражает. Мы ведь живем так, как жили наши деды и прадеды: что заготовили, то и поели. А вот в артели надо ждать, пока тебе дадут. Свое — так это и свое, бери да ешь. Никого не спрашивай. Мое — значит собственное, и никто другой не имеет права им распоряжаться.

— А вы подумайте над тем, что я вам сказал, — продолжал Ленин, — поговорите с женой, убедите ее, скажите, что в сельскохозяйственной артели жить будет лучше, да и с другими крестьянами-бедняками посоветуйтесь.

— Хорошо, Владимир Ильич, поговорим сходом, может быть, действительно будет лучше, — ответил крестьянин и добавил:

— Спасибо, Владимир Ильич!

Мы пошли дальше до озера, свернули влево, прошли мимо однодневного санатория МК ВКП(б) и с южной стороны зашли в парк. Все это время Владимир Ильич находился под впечатлением беседы с крестьянином и, как бы продолжая с ним разговор, говорил нам, сопровождавшим его, о будущем советской деревни.

Известна фотография, на которой мы видим в Горках

В. И. Ленина, Н. К. Крупскую, А. И. Ульянову-Елизарову с племянником Виктором Ульяновым и девочкой Верой.

С. Н. Аликин рассказывал:

— Это было летом 1922 года около северного флигеля, над прудом напротив круглой большой клумбы. В то время (август—сентябрь) Марией Ильиничной было сделано несколько фотографий в разных местах Горок. Девочка Вера Брусова была дочерью дворника в доме по Манежной улице в Москве, где жила сестра Ленина Анна Ильинична. Еще до появления в Горках Ильич под выходной день выезжал за город и часто звонил Анне Ильиничне, приглашая составить ему компанию. Ильич заезжал за ней на Манежную улицу.

Необыкновенно сильной была любовь Владимира Ильича к детям. Стоило ему подъехать к той или иной деревне, как навстречу гурьбой бежали деревенские ребятишки. «Дяденька, покатай», — просили они. Ильич просил шофера остановить машину, брал в нее до отказа детей и если еще шли другие машины, то и в них просил посадить детей. По дороге Ильич шутил с ребятишками, спрашивал, далеко ли от деревни растут грибы, просил научить собирать их, спрашивал, есть ли поблизости всдоём, рыбачат ли они. Ребята отвечали хором, из их ответов можно было узнать, что, мол, везде много грибов, что «Ваня с Митей на днях ходили и принесли полные корзины» и т. д.

Проехав километра полтора-два, Ленин обычно говорил: «Ну хватит, ребята, если вас дальше увезти, то вы можете заблудиться». Шофер останавливал машину. Ребята выходили и хором благодарили, а мы продолжали свой путь. Как-то, увидев, что ребята играли в матерчатый мяч (это было в Кремле), Владимир Ильич поручил А. Я. Белецькому принести кожаный мяч. Радости ребят не было границ»⁶.

А. В. Бельмас. Александр Васильевич Бельмас также оставил свои воспоминания о В. И. Ленине⁷. Биография этого чекиста сходна с биографией его товарищей.

Белорусский батрак, он в 1917 году ушел от кулака и стал бороться за Советскую власть. Красная гвардия, а затем Красная Армия. Гражданская война, а после нее учеба, чтобы стать красным командиром. В 1922 году отряд особого назначения при коллегии ВЧК — ОГПУ. Вызов к Ф. Э. Дзержинскому. Назначение в Кремль. Охрана В. И. Ленина в Москве, в Горках.

— В Москве, в Кремле, мне, правда, недолго пришлось быть, — рассказывал он, — но за время своих дежурств у кабинета и квартиры Владимира Ильича я видел многое. Я убедился, что товарищ Ленин всегда заботился о том, чтобы его посетителям охрана не чинила никаких препятствий, никого ни на минуту не задерживала, чтобы быстро, незамедлительно проверяла пропуска.

Был случай, когда Владимир Ильич подошел ко мне и попросил, чтобы у двух иностранцев, профессоров из Швейцарии, я вообще не спрашивал никакого пропуска. Чтобы удостовериться в том, что я сделаю именно так, Ленин мне показал газету с их фотографиями, напомнив, что эти люди уже были у него на приеме.

После мартовского приступа (1923 г.) здоровье Ильича пошло на поправку. Когда в Горки приезжал Дзержинский, он напоминал нам — охране, что Ленина надо всячески оберегать от любого волнения. Однажды я сам чуть было не нарушил этот наказ. Дежурия внутри Большого дома, я просматривал привезенные из Москвы утренние газеты. Развернув, кажется, «Бедноту», стал читать какой-то фельетон. Чтением так увлекся, что не заметил, как, опираясь на плечо фельдшера Казимира Зорьки, подле меня оказался Владимир Ильич.

Кивнув мне головой, он знаком показал на газеты. Их Ленину не давали — какая-нибудь заметка или газетное объявление могли вызвать его волнение: врачи категорически запретили Ильичу заниматься политикой.

Что же мне делать? — мелькнуло у меня в голове. Вдруг около нас оказались Мария Ильинична и Надежда Константиновна. Н. К. Крупская выручила меня. Со своей находчивостью она мигом взяла из моих рук «Бедноту», попросила у меня и все другие газеты.

— Хорошо, — мягко сказала она Владимиру Ильичу, — вот сейчас мы с тобой вместе узнаем все газетные новости. Пойдем в парк, будем читать. — С этими словами Надежда Константиновна вышла с Владимиром Ильичем из дома. Сидя с ним на скамейке в парке, она стала ему читать, разумеется, выбирая в газетах те сообщения, которые наверняка не могли его взволновать, а, наоборот, лишь благотворно действовали на него.

...Ильич любил наблюдать, как простой рабочий человек выполняет ту или иную работу. Приехал как-то в Горки из Москвы по вызову молодой столяр Андрей Михайлович Рассыпнов. В одном из деревянных помещений вроде сарайчика надо было вырезать окно.

— А как вы, товарищ, думаете прорубить окно? — спросил Ильич.

— Очень просто, — ответил столяр, — вот сейчас буравчиком просверлю в стенке отверстие, в него просуну лучковую пилочку и буду резать окно.

— Сколько вам лет? — задал ему вопрос Ленин.

— Восемнадцать, около девятнадцати, — поправился Рассыпнов.

— Молодой, а уже мастер, — довольно улыбнулся Ильич.

Летом 1923 года в Большом доме ремонтировали веранду. Она была рядом с окном Владимира Ильича. Я не знал столяров, которые были на веранде, и, когда увидел, что Владимир Ильич, придвинув свое кресло к окну, стал смотреть на них, заслонил окно. Владимир Ильич тотчас же постучал мне, чтобы я отошел от окна. Снова увидев рабочих, он улыбнулся им.

Мне стало очень обидно, что вольно или невольно я хотел лишить Ильича возможности наблюдать за мастерством рабочего человека⁸.

Ф. И. Балтрушайтис. С 1922 года в Горках в охране В. И. Ленина был Франц Иванович Балтрушайтис — литовец.

Вспоминая о службе в Горках, встречах Владимира Ильича с крестьянами, его отдыхе, Ф. И. Балтрушайтис рассказал:

— Владимир Ильич всегда интересовался совхозом в Горках. Вспоминаю эпизод, который относится к августу 1923 года. Был ясный, безветренный день. Я находился на дежурстве — неподалеку от сторожевой будки у въездных ворот.

К вечеру, часам к шести, с северной стороны подъехала автомашина. В ней были Владимир Ильич, Надежда Константиновна, Мария Ильинична и Накалн.

Совхоз получил два «фордзона», и они сразу пошли в дело. Ильичу захотелось понаблюдать за работой тракторов. На участке находились директор совхоза Панков, некоторые рабочие совхоза и тракторист, который на своем тракторе за день уже вспахал большой участок поля. Когда машина с Лениным остановилась, он поздоровался с людьми и стал следить за работой трактора. Лицо Ильича было радостным, он внимательно смотрел на проворного тракториста и новенький трактор. Неожиданно трактор заглох. Тракторист со знанием дела быстро стал заводить трактор, но он не заводился. К трактористу подо-

шли рабочие, стали помогать, но трактор бездействовал. Прошло немало времени, не менее 20 минут. Трактор не заводился. Владимир Ильич продолжал терпеливо ждать. Но мотор так и не завели. Ленин уехал. Я подошел к трактористу и, видя, что он весь в поту, дружески спросил его:

— Что же ты, друг, весь день пахал, а сейчас подкачал!

— Ума не приложу. А главное — при Владимире Ильиче, — сокрушенно сказал он в ответ, сильно волнуясь и переживая⁹.

Однажды Ф. И. Балтрушайтис заменил Ильичу парикмахера. У Франца Ивановича были свои бритва и машинка для стрижки волос. «Одного из ребят из охраны побрил, другого постриг, в общем «набил руку» и стал считаться заправским парикмахером». Как-то зимой 1923 года, после дежурства на внешнем посту, к вечеру Франц Иванович читал книгу.

Вдруг в общежитие заходит Александр Васильевич Бальмас. «Тебя зовет Петр Петрович (П. П. Пакалн. — П. З.)», — сказал он.

Прихожу в Большой дом.

— Балтрушайтис, тебе, как парикмахеру, надо поработать у Ильича, — сказал Петр Петрович и, видя мое смущение, добавил: — Я же по совместительству прокручиваю кинофильмы! Что делать, если по штату нет киномеханика!

«Вопросов задавать не приходилось, — надо так надо. Но ведь одно дело стричь или брить своих ребят, а другое — сойти за парикмахера у Ленина», — с опаской подумал я. Но долго раздумывать не пришлось. Сбежал за инструментом — взял машинку, ножницы, бритву. Снова пришел, поднялся с Пакалном на второй этаж, в гостиную, где располагался врач Кожевников. Жду. Пакалн отлучился и вскоре появился — вывез на коляске Владимира Ильича. Рядом Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Ильич кивком головы поздоровался, улыбнулся.

— Здравствуйте, Владимир Ильич, — не особенно громко сказал я.

Мария Ильинична спросила, со мной ли мой инструмент. Я ответил удовлетворительно. Увидев мою машинку для стрижки, она подала мне свою пулевую. Беру из ее рук маленькую блестящую никелированную пулевку и говорю Ильичу как профессиональный парикмахер:

— Разрешите, Владимир Ильич, начать? Начнем с того, что подправим бородку, усы...

Ильич заулыбался. Все стали улыбаться. Улыбался и Пакали. Я смотрел на Ильича, и мне было радостно, что он бодр. У меня как рукой сняло робость, волнение.

Приступаю к делу. Подстриг Ильичу бороду, усы. Владимиру Ильичу подали зеркало. Он посмотрел на него и остался доволен.

— Все было хорошо, — сказал мне потом Пакали. — Годишься в настоящие мастера¹⁰.

А. Г. Борисов. Александр Григорьевич Борисов из деревни Курово Торжокского района Калининской области. Работал пастухом, а затем учеником стеклодува. С сентября 1919 года вступил добровольцем в батальон войск ВЧК: с марта 1921 года был назначен в отряд особого назначения при коллегии ВЧК.

В личной охране В. И. Ленина с февраля 1922 года.

— Как-то раз — это было в Кремле, — вспоминал он, — Владимир Ильич вышел из своего кабинета и направился в парикмахерскую. Увидев, что там очередь, он спросил, кто последний.

— Владимир Ильич, — ответили хором. — Вы будете первым.

— Нет, это неправильно. Ведь у каждого есть свои дела, — сказал Ильич и, держа в руках газету, присел на свободный стул.

Кто-то возразил:

— Ни у кого из нас нет столько дел, сколько их у вас, Владимир Ильич. Доставьте нам удовольствие — пройдите к мастеру.

Ленин все же не согласился и стал ожидать своей очереди.

В Горках Владимир Ильич всегда проявлял интерес к тому, как тот или иной рабочий выполняет свою работу. Однажды в отсутствие Владимира Ильича оклеивали его комнату. Во время этой работы он вернулся. «Не помещаю ли я вам?», — спросил он и стал смотреть, как рабочие наклеивают на стены обои.

Был и такой случай. Из совхоза одна из работниц принесла ему плетеную корзинку. Он стал интересоваться, как именно ее плели. Работница стала ему показывать, и он сосредоточенно наблюдал за каждым движением пальцев ее рук¹¹.

Т. И. Казак. С декабря 1922 года в составе личной охраны Ильича был Тимофей Исидорович Казак.

Он родился в 1902 году в бедной молдавской семье в селе Маркауцы Дубоссарского района Молдавии. В двухлетнем возрасте лишился родителей, воспитывался у старшей сестры, работал истопником в учительской семинарии «с правом посещать классные занятия».

Добровольно вступив в ряды Красной Армии, Т. И. Казак участвовал в боях с Деникиным, Врангелем и бандами Махно.

В январе 1921 года был направлен на курсы красных командиров, где через год был принят кандидатом в члены Российской Коммунистической партии (большевиков). Находясь в охране Ленина, стал членом партии.

В своих воспоминаниях Тимофей Исидорович приводит такой факт:

— Однажды я и два других работника охраны, проходя через парк, встретились с Владимиром Ильичем и Марией Ильиничной. Владимир Ильич, поздоровавшись с нами, и увидев у одного из нас, у Горбунова, в руках книгу, заинтересовался ею и спросил, что он читает. Горбунов передал Владимиру Ильичу книгу. Это был второй том «Капитала» Карла Маркса.

Полистав книгу, Владимир Ильич спросил Горбунова:

— А вы, товарищ, изучили первый том?

— Нет, Владимир Ильич, не изучал, — смутившись, ответил Горбунов.

Возвратив книгу, Владимир Ильич обратился к Марии Ильиничне:

— Маняша, помоги, пожалуйста, товарищам подбирать книги в библиотеке для чтения.

— Хорошо, Володя, — ответила Мария Ильинична.

Тимофей Исидорович продолжал:

— Другой человек на месте Ленина спросил бы, почему Горбунов читает второй том, не прочитав первого, но Ильич этого не сказал, проявил такт, чтобы не смущать Горбунова и нас.

Очень любил Владимир Ильич природу, животных. В Горках у Ленина были две охотничьи собаки, белый сибирский кот, кролики, куница и лисица. Владимир Ильич часто сам их кормил. В парке было множество белок, и Ильич во время прогулок любил наблюдать за их возней.

Последний раз я видел Владимира Ильича утром 18 января 1924 года. Он вышел на крыльцо Большого дома и стоял в ожидании сапей, чтобы поехать на прогулку в лес. Одет он был в зимнее пальто с каракулевым во-

ротником, в каракулевой шапке. Опираясь на палку, он задумчиво смотрел на парк¹².

На отдыхе. Елена Дмитриевна Стасова, выступая 19 апреля 1947 года в доме партактива Ленинградского горкома КПСС, рассказывала, что в 1917—1920 годах, в бытность ее секретарем ЦК партии, Надежда Константиновна и Мария Ильинична говорили ей:

— Надо принять какие-либо меры — Владимир Ильич доработался до бессонницы. Когда мы говорим, что ему требуется отдых, то он только машет рукой: «Некогда!»

Елена Дмитриевна принялась тогда обзванивать членов ЦК, которые вынесли постановление об отпуске Ленину. Стасова по телефону поставила Владимира Ильича в известность о состоявшемся решении.

— Владимир Ильич, имеется постановление ЦК, чтобы предоставить вам отпуск.

В ответ слышался очень сердитый голос Ильича по телефону:

— Когда прикажете приступить к отпуску, Елена Дмитриевна?

Владимир Ильич не спорил, раз есть постановление ЦК партии, — вспоминала Е. Д. Стасова, — но он очень был недоволен — ведь по Уставу партии вопрос должен решаться в присутствии товарища, которого он касается, а тут вопрос решен в его отсутствие и притом против его воли. Но, получив отпуск, Владимир Ильич на этот раз почти никакими делами не занимался: отдыхал, ходил на охоту...

Впервые охотиться Ленин стал еще в 1887 году, в Кокушкипе, куда был выслан под надзор полиции после исключения из Казанского университета. Вместе с тем, по воспоминаниям родных, в отличие от младшего брата Дмитрия Ильича, Ленин никогда страстным охотником себя не считал и им не являлся. Но уже в сибирской ссылке, в Шушенском, Владимир Ильич для охоты использовал любые возможности, завел себе собаку, а через брата выписал из Москвы охотничье ружье, с которым не разлучался, охотясь на зайцев, дупелей, бекасов.

В последние годы жизни охота стала для Ильича одним из самых любимых в свободное время занятий. «Когда он был уже больной, — вспоминала Мария Ильинична, — ему кто-то достал маленького щенка, ирландского сеттера. Одного достали — заболел чумкой и погиб. Потом другого достали. В 1922 году, когда он был болен, он

немало возился с ним. Охота для него была просто отдыхом»¹³.

В записях Л. А. Фотиевой со слов Пакална отмечено, что ежедневно к Ильичу в Горках «приводят собаку (Айду), с которой он играет и которую он очень любит».

Надежда Константиновна Крупская писала: «...Играл в городки. Плавал, хорошо катался на коньках, любил кататься на велосипеде... На Волге места не грибные, где он жил. Когда я приехала к нему в ссылку, мы часто ходили в лес по грибы. Глаза у него были хорошие, и когда он (быстро) научился искать и находить грибы, то искал с азартом. Был азартный грибник. Любил охоту с ружьем. Страшно любил ходить по лесу вообще... Азарт на охоте — ползание за утками на четвереньках. Зряшного риска — ради риска — нет. В воду бросался первый. Ни пугливости, ни боязливости»¹⁴.

Брат В. И. Ленина Дмитрий Ильич Ульянов вспоминал, что, когда выпал снег, на охоту они ездили в санях. Владимир Ильич подолгу любовался прекрасными видами зимнего пейзажа. Последняя поездка его была еще за три дня до смерти¹⁵.

Сергей Николаевич Аликин вспоминал о поездке Владимира Ильича за грибами (август 1922 года). «Ехали мы на двух машинах. Я сидел рядом с шофером в машине, в которой был Ильич. За рулем был Рябов. Отъехали от Горок километров восемь, оставили машины на лужайке и пошли собирать грибы. Я пошел по прямой дальше, в глубь леса. Прошел вперед значительное расстояние. Ильич опередил меня слева, быстро вышел из-за куста вереска, как будто вырос из-под земли.

Пакалн, Проценко и я рассыпались по лесу, делая вид, что ищем грибы, а сами старались с Владимира Ильича глаз не спускать. Подойдя ко мне поближе, Ленин спросил:

— Насобирали много грибов?

— Нет, Владимир Ильич, я не нашел ни одного.

— Я тоже ничего не нашел, здесь не грибное место. Дайте сигнал для сбора.

Я дал сигнал, мы все собрались, сели в машину и поехали в глубь леса. На новом месте нам повезло: грибов набрали две большие корзины; в них было много белых грибов.

— Все же нашли подходящее местечко, вот сколько грибов набрали! И на грибницу хватит, и на засол, — радовался Ильич по дороге домой.

Машина была открытая, подул прохладный ветер, Ленин поднял воротник пальто. Шофер ехал медленно. Ленин говорил:

— Нельзя ли, товарищ Рябов, побыстрей?

Надо полагать, что Ленину было холодно.

Рябов ответил:

— Владимир Ильич, я еду медленно потому, что дорога неровная и вас будет трясти.

— Ничего, везите побыстрей, — сказал Ленин.

Шофер ускорил езду, и мы быстро доехали обратно ¹⁶.

С. Н. Аликин вспоминал и о другой поездке глубокой осенью 1922 года. Охотились на зайца. Погода была холодной. Моросил дождь со снегом. От Горок отъехали примерно десять километров. В автомобиле с Ильичем были: Беленький, Пакалн и фельдшер Зорька. Вел машину также Рябов...

Остановились на опушке леса. Машины оставили на лужайке под большой сосной.

— Владимир Ильич, Беленький, Пакалн, Зорька, Проценко и еще кто-то, теперь уже не помню, — рассказывал Сергей Николаевич, — остановились в засаде на опушке леса. Остальные, я в том числе, были в загоне. Тогда убили трех зайцев. Когда выгнали зайцев, Пакалн растерялся и промахнулся. Ильич все время подшучивал над ним: «Да, вы, батенька, здорово промазали. Косой был совсем рядом...» ¹⁷.

Во время поездок на охоту работники охраны всячески конспирировали Ильича, но это не всегда удавалось. Младший брат Ленина Дмитрий Ильич привел такой факт: «После охоты зашли к леснику. Когда сели за стол попить чаю, в избу зашел приехавший из Москвы знакомый лесника, рабочий. Увидя Ленина и обращаясь к нему, сказал: «Здравствуйте, Владимир Ильич!»

— Разоблачили! — раздался голос Беленького, отвечавшего за конспирацию ¹⁸.

Река Пахра с ее красивыми берегами в летнюю пору как магнит притягивала к себе рыбаков (они ловили рыбу сетью) и всех отдыхающих. Ленин прекрасно плавал, мог подолгу находиться в воде, свободно переплывал реку, искусно нырял.

— Приезжая летом из Москвы в Горки, — рассказывал Александр Васильевич Бельмас, — Владимир Ильич первым делом шел на Пахру. Посидит несколько минут на берегу и сразу в воду. Плавал как настоящий, хороший пловец.

Макарий Яковлевич Пидюра отмечал, что каждый из охраны Ленина по-хорошему завидовал Ильичу, — в воде он никогда не уставал, так как чередовал плавание, ныряние с отдыхом, лежа на спине.

Сидя на берегу, Владимир Ильич любил наблюдать за рыбаками, сам ловил рыбу.

Сергей Николаевич Аликин вспоминал о дне, когда он впервые увидел Ленина.

— В один из солнечных дней, когда я вышел на дежурство, предыдущий дежурный сообщил мне, что Ильич ушел с удочкой по направлению к реке Пахре. С ним были Мария Ильинична, Петр Петрович Пакалин и несколько других наших товарищей.

Большая аллея парка граничила с обширным фруктовым садом. Если пройти по аллее вверх, можно было увидеть огромный развесистый дуб, которому тогда уже исполнилось несколько столетий. Под ним стояла удобная садовая скамейка — на ней любил отдыхать Владимир Ильич. Дверь была закрыта на засов со стороны парка, и я все время смотрел в ту сторону, откуда должен был он появиться. Вскоре за дверью на дороге послышались голоса, я подошел к воротам, увидел приближающегося Ленина с его спутниками и раскрыл дверь. Владимир Ильич вошел в парк, поздоровался и сказал:

— У нас нынче улов.

В руке у него на кукане висело несколько рыбок.

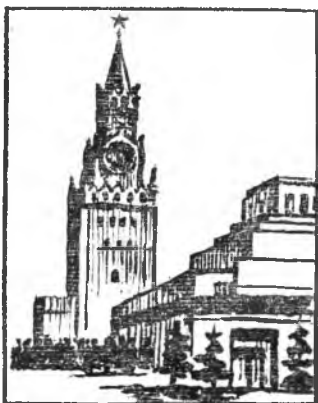
— Целый праздничный обед кошечке, — пошутила Мария Ильинична.

Владимир Ильич ее перебил:

— Зато вдоволь погуляли, прокатились на лодке, побывали на правом берегу Пахры.

Владимир Ильич с уловом, Мария Ильинична с удочкой отдохнули под развесистым дубом и направились к себе в Большой дом.

ИЗ ГЛУБИНЫ СЕРДЕЦ

Всенародная любовь.

На XII съезде партии (17—25 апреля 1923 года) Владимир Ильич из-за болезни не мог присутствовать, но работа и решения съезда были проникнуты ленинскими идеями. Чувства партии, созданной и закаленной Лениным, чувства всего рабочего класса, всех трудящихся были выражены в принятом съездом приветствии Ильичу.

«От глубины сердца партии, пролетариата, всех трудящихся, — говорилось в нем, — съезд посылает своему вождю, гению пролетарской мысли и революционного действия, привет и слова горячей любви Ильичу, который и в эти дни тяжелой болезни и длительного отсутствия не менее, чем всегда, спланирует съезд и всю партию своей личностью»¹.

Имя Владимира Ильича было в сердцах миллионов и миллионов людей. Письма, телеграммы на его имя шли со всех уголков страны. «Ильич получал, — писала «Правда», — тысячи посланий из городов и сел Российской Федерации, Украины и Белоруссии, Закавказья и Средней Азии, со всех концов молодого Союза Советских Социалистических Республик. К нему обращались рабочие, крестьяне, красноармейцы, подростки.

Наши отцы и деды своими горячими, бесхитростными посланиями Ильичу рассказывали о себе, о времени, о величайшем вожде партии и народных масс»².

22 апреля 1923 года рабочие киевского «Арсенала» направили в Москву, в Кремль, на имя Предсовнаркома РСФСР Владимира Ильича такой документ:

«В знаменательный для всего рабочего класса, и, в частности, для русского рабочего, исторический день 22 апреля мы, рабочие киевского красного «Арсенала», поздравляем с 53-летней годовщиной рождения друга и идеолога рабочих и нашего дорогого вождя и товарища Ильича. С нетерпением ожидаем скорейшего выздоровления нашего Ильича. Мы, рабочие-арсенальцы, заявляем, что всегда с тобой и руководимой тобой РКП(б).

В ознаменование дня твоего рождения и для более тесного сближения с дорогим Ильичем мы общим собранием постановляем включить тебя в списки рабочих нашего завода почетным токарем, металлистом токарного цеха красного киевского «Арсенала». Мы знаем, что под руководством квалифицированного токаря марксистской мысли Ильича, имея в руках точные инструменты классовой борьбы и коммунизма — «Капитал» и «Коммунистический манифест», будем твоими помощниками: мастерами и подмастерьями социалистического общества, вырабатывая методы к осуществлению коммунизма. Живи еще долгие годы и работай на пользу рабочего класса.

Вместе с шефами, рабочими-арсенальцами, поздравляют Ильича и подшефные курсанты 3-й Киевской военно-инженерной школы, которые избрали Ильича почетным курсантом-инженером. Секретарь комячейки Фалалеев, предзавкома Гайцан»³.

Всенародная любовь к вождю проявлялась во всем.

Побывавший на приеме у Ленина посланец Милиновской волости Судогодского уезда Владимирской губернии Иванов нашел, что в кабинете главы правительства холодно. (Владимир Ильич любил умеренную температуру.) Вернувшись из поездки в Москву, Иванов сообщил, что Ленин работает в плохо отопленной комнате. В связи с этим Милиновский исполком постановил: «Послать т. Ленину вагон дров на средства исполкома, а в случае надобности поставить железную печь руками своего кузнеца».

Люди были счастливы выполнить какое-нибудь поручение, связанное с Ильичем.

А. Я. Беленький как-то позвонил в портновскую мастерскую в Спасо-Глинищевском переулке в Москве.

— Надо сшить Владимиру Ильичу гимнастерку и брюки, — сказал он.

— Хорошо, — ответили ему. — Мерка у нас есть. Третий рост, 50-й размер.

Заказ был поручен портным Иосифу Журкевичу, Сер-

гею Смирнову и Ивану Андрееву. Выбрали материал — саржу.

Портной Николай Игнатьевич Чебурашвили сам отвез костюм Ильичу. В этом костюме он был во время прогулок в Горках летом 1923 года — в свое последнее лето.

Лечение В. И. Ленина. Партия позаботилась о том, чтобы к лечению Владимира Ильича были привлечены светила советской медицины — профессора и консультанты: М. Авербах, В. Бехтерев, Б. Вейсброд, Ф. Гетье, С. Доброгаев, Л. Доркшевич, П. Елистратов, А. Кожевников, М. Кроль, Л. Левин, А. Минковский, В. Обух, В. Осипов, В. Розанов, П. Семашко, Д. Фельдберг, Г. Россолимо. Некоторые из этих лиц уже тогда имели мировое имя.

Кроме того, из-за границы к Ленину приглашались профессор Борхардт, Бумке, Клемперер, Хеншен (Геншен), Крамер, Ноннэ, Ферстер, Штрюмпель.

Александр Васильевич Бельмас рассказывал:

— Ильич и его семья очень уважали врачей, встречали их всегда радушно и приветливо. Особенно это относится к доктору Обуху. Старый большевик В. А. Обух* был давно известен Ленину, чаще других приезжал в Горки, запросто бывал в семье Владимира Ильича, был большим другом.

Активное участие в лечении Ленина припимал известный хирург Б. С. Вейсброд**. С ним Владимир Ильич, когда был здоров, прогуливался по парку, часто играл в шахматы. Как-то в разгар шахматной игры Ленин заметил неправильный ход со стороны Вейсброда, воскликнул:

— Эй, эй, против оппортунизма в шахматах!

— Большим уважением всей семьи Ильича, — продолжал А. В. Бельмас, — пользовался доктор Гетье***. Этот крупный медик в 1919 году был приглашен лечить Надежду Константиновну и с тех пор стал бывать в квартире Ленина. Владимир Ильич часто обращался к доктору Гетье с просьбой осмотреть того или иного работника, лично незнакомого Ленину, но о котором его просили другие. Во время болезни Ленина доктор Гетье жил

* Обух Владимир Александрович — член КПСС с 1894 года, участник Октябрьской революции в Москве, в 1929—1931 годах — профессор 2-го мединститута.

** Вейсброд Борис Соломонович — член КПСС с 1904 года, главный врач 2-й градской больницы Москвы.

*** Гетье Федор Александрович — главный врач больницы имени С. П. Боткина (бывшей Солдатенковской больницы).

в Горках в течение 8 месяцев. В 1921 году он был назначен консультантом Кремлевской больницы — о том, что инициатива об этом исходила от Ленина, доктор Гетье узнал через несколько лет, уже после смерти Владимира Ильича.

В своих воспоминаниях о В. И. Ленине профессор Ф. А. Гетье писал: «Я заслужил доверие Владимира Ильича и сохранил его до самой его смерти. Это доверие сказалось, между прочим, в том, что Владимир Ильич стал давать мне поручения. Поручения эти заключались в том, чтобы осмотреть того или иного из партийных работников и сообщить ему, что надо предпринять, чтобы поправить его здоровье»⁵.

Большое личное уважение оказывал Владимир Ильич известному хирургу профессору В. Н. Розанову*.

23 апреля 1922 года в хирургическом отделении В. Н. Розанова Владимиру Ильичу была сделана операция по извлечению пули. «Владимир Ильич, — вспоминал Розанов, — приехал точно в 12 часов, с ним тов. Беленький и еще кто-то из охраны. Приехал и Н. А. Семашко»**.

Операция по извлечению пули, оставшейся после ранения в 1918 году, производилась немецким профессором Ю. Борхардтом и В. Н. Розановым в присутствии главного врача больницы В. И. Соколова, Н. А. Семашко и докторов Е. Д. Рамонова и Я. Р. Гольденберга. «Пуля, извлеченная из раны, оказалась размером от среднего браунинга». (Из медицинского заключения.)

Вначале предполагалось, что Ленин уедет к себе на квартиру в тот же день, но было решено оставить его в больнице хотя бы на сутки.

В. Н. Розанов продолжал: «Это неожиданное помещение в больницу, конечно, наделало много хлопот не нам, больничным, а главным образом охране... Владимир Ильич чувствовал себя прекрасно, на вопрос мой, не нужно ли чего, ответил, показывая на тов. Беленького, который стоял в дверях: «Скажите ему, чтобы они не очень волновались и больных бы не стесняли»⁶.

* Розанов Владимир Николаевич — с 1910 года заведовал хирургическим отделением Солдатенковской больницы. Впервые был приглашен на консультацию к Ленину после покушения на него 30 августа 1918 года и с тех пор часто осматривал Владимира Ильича.

** Семашко Николай Александрович — член РСДРП с 1898 года, большевик, по профессии врач. В 1918—1930 годах — народный комиссар здравоохранения РСФСР.

Когда стало известно, что Владимир Ильич остается в больнице, А. Я. Беленький попросил в ВЧК дополнительно людей для круглосуточного дежурства. Одним из тех, кто был направлен в Солдатенковскую больницу для усиления охраны Ленина, был чекист П. И. Колосовский*.

— Нам сказали, с какой целью мы направляемся в Солдатенковскую больницу, и ни у кого из нас не было тогда праздных вопросов, — вспоминал он. — В моей жизни это было главное служебное поручение.

Решение о продлении срока пребывания Ильича в больнице еще на один день было неожиданным для родных. Туда приехали Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Обращаясь к ним и показывая на В. Н. Розанова, Ленин шутил: «Посмотрите на этого человека, который засадил меня в одиночку».

Мария Ильинична вспоминала:

— В марте 1923 года за несколько часов до потери Ильичем речи мы сидели у его постели и перебирали минувшее. «В 1917 году, — говорит Ильич, — я отдохнул в шалаше у Сестрорецка благодаря белогвардейским прапорщикам; в 1918 году — по милости выстрела Каплан. А вот потом — случая такого не было?».

В памяти стенографистки. В последний период своей жизни Ильич вынужден был прибегать к помощи стенографисток.

Диктуя М. А. Володичевой** как-то из Горок в Кремль, Владимир Ильич прервал себя, извинился за паузу, краткое молчание. «Прошу извинить меня, товарищ Володичева, — сказал он, — я уронил карандаш. Сейчас я его найду, и мы продолжим...»

Во время болезни Владимира Ильича Володичева сидела рядом с ним.

* Колосовский Петр Иосифович — член КПСС с 1917 года, ветеран-чекист.

** Володичева Мария Акимовна — член КПСС с 1917 года, с 1918 по 1924 год помощник секретаря СНК. М. А. Володичева, как и другие советские работники, питалась тогда скверно. Весной 1920 года по инициативе В. И. Ленина ей предложили прервать работу, хотя бы на короткое время уехать из Москвы на отдых. Мария Акимовна отказалась. Это вызвало следующую записку Владимира Ильича тогдашнему секретарю ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинскому: «Если она не хочет уехать, дадим (через Оргбюро) приказ дать ей хлеба, масла, мяса, а то умрет от истощения» (Ленинский сборник XXVII, с. 197).

В дальнейшем М. А. Володичева работала научным сотрудником ИМЛ.

— Хорошо бы приходиться вам с книгой, читать, когда у меня не ладится, — сказал ей Владимир Ильич.

23—25 декабря 1922 года Владимир Ильич диктовал Марии Акимовне крайне важный документ. Речь идет о его «Письме к съезду», известном также под названием «Завещание». Каждое его слово проникнуто огромной заботой о сохранении единства партии.

В. И. Ленин предупредил Володичеву, что текст этого документа совершенно секретен и что хранить его следует «в особом месте».

Спустя много лет Володичева не могла сохранить душевное равновесие, вспоминая о словах В. И. Ленина, сказанных им ей в тот памятный день: «В случае моей смерти вскрыть этот пакет».

— Нечеловеческий, гигантский труд Ленина не мог на нем не сказаться, — вспоминала М. А. Володичева. — Во всяком случае, в 1922 году болезнь Ильича обострилась, 12 декабря он в последний раз работал в своем кабинете в Кремле. Он ушел оттуда в 8 часов 15 минут вечера. Врачи разрешили ему лишь два раза в день по несколько минут писать свой дневник, который он диктовал Лидии Александровне Фотиевой или мне.

Владимир Ильич привык не диктовать свои работы, а писать их от руки. До своей болезни он так и делал. Во время прочтения мною одной из продиктованных им статей он сказал, что привык видеть рукопись перед своими глазами, самому ее исправлять, дорабатывать, улучшать и т. д. Ленин вспомнил, как еще в 1918 году он пытался диктовать свою работу о Каутском, но из этого ничего путного не вышло, пришлось даже сжечь рукопись и засесть за писание от руки. Но неумолимая болезнь вынудила Ильича отказаться от привычной организации работы — все его последние статьи, опубликованные в 1923 году, были им продиктованы. Диктовал он днем, около 12 часов, чаще вечером, около 18 часов. По вызову Марии Ильичичны я входила в комнату, где лежал Владимир Ильич, и садилась за небольшой столик, который стоял возле его кровати. Владимир Ильич приветливо со мной здоровался, просто, по-товарищески протягивал мне левую руку, заботливо спрашивал, не слишком ли часто я дежурю, не слишком ли переутомляюсь, почему я такая бледная. Грозил пальцем...

Мария Акимовна записала в первые дни февраля 1923 года:

«2 февраля: ...Диктует, как всегда, превосходно: без

остановки, очень редко затрудняясь в выражениях, вернее, не диктует, а говорит, жестикулируя...

4 февраля: В. И. Ленин вызывал сегодня около 6-ти часов. Спросил, не имею ли я возражений против того, что он вызывает меня и по праздникам. («Ведь захотите же и Вы, наконец, когда-нибудь отдохнуть?»)

Стенографистка Ильича вспоминала:

— Мне особенно памятен день 2 марта 1923 года. Владимир Ильич закончил диктовать мне свою статью: «Лучше меньше, да лучше» и попросил прочесть ее всю целиком. Частью он сам читал ее вслух, указывал, какую внести поправку или дополнение. Он был весел, шутил, смеялся. Положенное время для диктовки вышло. В комнату вошла Надежда Константиновна. Владимир Ильич стал ее заверять, что он ведь не работает, не диктует, а только читает написанное.

В Горках Владимир Ильич страдал головными болями. 6 марта 1923 года М. А. Володичева, например, записала в дневнике дежурных секретарей: «Чувствовал себя плохо...»

Как работник секретариата Совета Народных Комиссаров, М. А. Володичева хорошо знала чекистов и кремлевских курсантов, охранявших Ильича.

— Не только я, но все мы, сотрудники секретариата Ленина, хорошо знали этих товарищей, — рассказывала она. — Это были молодые, я бы сказала, романтические люди. Никто из них никогда не старался выделить себя чем-либо. Скромность была их главным отличительным свойством. Тактичность, предупредительность, уважение к каждому посетителю — вот что было характерно для этих товарищей. Нет ничего удивительного, что к ним хорошо относились члены семьи Владимира Ильича. Прежде всего я имею в виду Надежду Константиновну Крупскую и Марию Ильиничну Ульянову. Они часто сопровождали Ильича и больше других общались с работниками охраны.

Мария Акимовна называет Абрама Яковлевича Бельского, Роберта Матисовича Габалина, Петра Петровича Пакална — их она знала особенно хорошо, знала и их семьи.

— Это были, — продолжала Володичева, — подтянутые, собранные, дисциплинированные коммунисты⁸.

Огромную ценность представляют фотографии, запечатлевшие Владимира Ильича в Горках на отдыхе после болезни в августе — сентябре 1922 года. В изданной ЦПА

ИМЛ при ЦК КПСС книге «Фонд документов В. И. Ленина» об этих снимках сказано, что они принадлежат приезжавшему в Горки фотокорреспонденту «Правды» В. И. Лободе и Марии Ильиничне Ульяновой.

Фотокорреспондент помог Марии Ильиничне купить маленький (размером 6×9 см) аппарат и научил пользоваться им.

Большинство снимков в Горках сделала Мария Ильинична.

Бесценен снимок Ильича в шезлонге, читающего книгу с карандашом в руках. По воспоминаниям сестры Ленина, он порой устраивался в укромном местечке парка и тайком от врачей и родных углубленно работал.

Страницы истории. Молодое Советское государство по-прежнему было во враждебном окружении. 8 мая 1923 года стало известно о пресловутом «ультиматуме Керзона». Через 2 дня после этого, вечером 10 мая, в Лозанне (Швейцария) злобный враг СССР, отпрыск бывшего владельца шоколадной фабрики в Петербурге, Морис Конради убил соратника В. И. Ленина В. В. Воровского.

Белогвардейский убийца подкараулил В. В. Воровского в гостинице «Сесиль», когда тот пришел ужинать в ресторан. Террорист сидел за одним из свободных столиков ресторана гостиницы и, дождавшись прихода В. В. Воровского, поднялся и, целясь почти в упор, выпустил в него из браунинга шесть пуль, из которых три пули попали в Вацлава Вацлавовича, а другими были ранены два его сотрудника.

Буржуазная печать по-своему откликнулась на это политическое убийство. Распространенная в то время в Швейцарии газета «Журналь де Женев» 13 мая 1923 года в передовой статье «После покушения» писала: «Мстители зря избрали жертвой именно Воровского... Жест Конради, впрочем, не содержит ничего, так сказать, экстраординарного, следует даже удивляться тому, что он так редок».

Продолжая эту провокационно-подстрекательскую линию, газета далее писала: «...Господа Чичерин, Красин, Литвинов и другие могли и все еще могут разгуливать по улицам многих городов Запада, останавливаться в отелях, чтить своим присутствием большие рестораны, и ни один выстрел из револьвера не последовал в них...»

Последняя поездка в Москву. Во второй половине июля 1923 года в состоянии здоровья В. И. Ленина наступило улучшение. Он начал ходить, упражняться в

письме левой рукой. 18 октября 1923 года Владимир Ильич предпринял поездку в Москву.

Георгий Петрович Иванов, который с другими товарищами из охраны Ленина сопровождал его в этой последней поездке, вспоминал:

— Владимир Ильич чувствовал себя значительно лучше, уже с первой половины августа он читал «Правду», просматривал «Известия». Небольшие расстояния Ленин мог проходить самостоятельно, с палочкой. Речь его восстанавливалась. Регулярно, два раза в день, вместе с Н. К. Крупской Ильич занимался чтением, письмом. 18 октября днем, после обеда, он настоял на поездке в Москву. Его отговаривали, ссылаясь на скверную погоду, так как был дождь, но это не помогло. Решили ехать на крытой машине. В автомобиль сели: Надежда Константиновна, Мария Ильинична, фельдшер Казимир Зорька и дежурный санитар Владимир Александрович Рукавишников. Рядом с шофером — им был Петр Сидорович Космачев — сидел Петр Петрович Пакалн⁹.

Надежда Константиновна и Мария Ильинична надеялись, что поездки в Москву удастся избежать. С шофером они условились о небольшой автомобильной поездке вокруг Горок. Машина сделала два круга, но Ильич так и не отказался от мысли о посещении столицы.

За машиной с Ильичем ехали сотрудники охраны: Иванов, Бельмас, Теркин, Пидюра, Проценко, Аликин. Последняя поездка В. И. Ленина в Москву на всю жизнь запомнилась каждому из них.

Сергей Николаевич Аликин рассказывал:

— Ильич встал рано утром, попросил, чтобы его побрили. Настроение у него было хорошее, бодрое, он шутил и смеялся. Мария Ильинична сказала: «Не иначе как собирается ехать куда-то, если собрался пораньше побриться». Никто, конечно, не предполагал, что Ленин действительно решил избрать новый маршрут.

Я уже второй год работал в Горках. Радовался, что Ильич выздоравливал. Когда стало известно, что Ленин решил ехать в Москву, Надежда Константиновна убеждала его не делать этого, опасалась, что он устанет, расстроится и ему снова станет плохо.

Как только машина с Лениным выехала, мы, его охрана, направились вслед. Шофер Ленина попытался осуществить план Надежды Константиновны и Марии Ильиничны. Выехал из гаража с южной стороны парка. Миновал лес и направился по Каширскому шоссе, через де-

ревню Горки. Потом свернул вправо в березовую рощу и с северной стороны въехал в парк... Вот тут-то всем и досталось от Ильича за эту уловку. Пришлось немедленно выехать, но уже не по маршруту Надежды Константиновны и Марии Ильиничны... Когда направились действительно в Москву, Владимир Ильич посмотрел в заднее стекло машины, повеселел, улыбался. Очень был доволен поездкой в столицу¹⁰.

Со слов П. П. Пакална, Макар Яковлевич Пидюра рассказывал, что Ленин давно мечтал о поездке в Москву. В дороге он был в прекрасном настроении, всем своим видом давал понять, что доволен тем, что «заговор» Надежды Константиновны и сестры с шофером, чтобы не ехать в Москву, провалился...

Когда издали только показалась Москва, Ленин радостно улыбнулся.

— В Москве, — рассказывал Г. П. Иванов, — Владимир Ильич проехал по нынешней улице Горького и сделал краткую остановку у здания Моссовета. Потом поехал в Кремль.

У царь-пушки Ленин остановил машину и вышел из нее. Он намеревался совершить прогулку по Кремлю пешком. В сопровождении Надежды Константиновны, Марии Ильиничны и фельдшера он с палочкой пошел в направлении колокольни Ивана Великого. Неподалеку были мы, работники охраны. Пройдя метров 50—60, Ильич устал и идти дальше не смог. По знаку П. П. Пакална ему подали стул-коляску, Ильич сел в нее и стал продолжать свой путь в коляске.

В здании Совнаркома Ленин поднялся на лифте на 3-й этаж в свою квартиру. Там Ильича очень трогательно встретила Александра Михайловна Сысоева*, прослезилась, обняла Ильича и поцеловала.

Тетя Саша — так ее называл Пакалн — предложила Ильичу и сопровождавшим его обед. От обеда он отказался и попросил чаю. Саша подала чай с пирожками и печеньем. За чаем Надежда Константиновна беседовала с Сысоевой о хозяйственных делах.

Владимир Ильич отбирал в книжном шкафу нужные ему книги.

На другой день, 19 октября, Владимир Ильич зашел

* Сысоева Александра Михайловна — двоюродная сестра И. В. Бабушкина, долгое время жила в семье В. И. Ленина.

в свой кабинет, посидел за столом, побывал в зале заседаний Совнаркома...

— Когда мы уезжали из Кремля, — продолжал рассказ Г. П. Иванов, — совершенно неожиданно перед нами возник идущий строевым шагом и с песнями взвод кремлевских курсантов. Они до этого занимались строевой подготовкой. Помощник командира взвода Януш Мейсarroш, увидев Владимира Ильича, не растерялся, четким и громким голосом подал команду: «Смирно, равнение на Председателя Совета Народных Комиссаров товарища Ленина!» Ильич был глубоко тронут, снял кепку и, ласково улыбаясь, махал ею, приветствуя курсантов до тех пор, пока они все мимо него не прошли¹¹.

Много лет спустя бывший кремлевский курсант Григорий Петрович Коблов, генерал-майор в отставке, вспоминал: «Ильич кивнул нам, приветливо улыбнулся и совсем по-граждански, как-то по-отечески помахал кепкой. Над площадью прозвучало наше дружное: «Да здравствует Ленин! Ура! Ура! Ура!» Вернувшись в казарму, мы восторженно рассказывали о встрече с Ильичем. Вечером я написал отцу, матери, сестрам, что видел Ленина, что он здоров и скоро вернется к работе. Все наши курсанты также послали домой радостные письма: «Ленин вернулся!..»¹².

Покинув Кремль, Владимир Ильич изъявил желание снова проехать по Москве. На берегу Москвы-реки, на бывшей территории Нескучного сада, была открыта первая Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка. Г. П. Иванов продолжал:

— Было 2—3 часа дня. Шел дождь, но выставка была в самом разгаре, народу было на ней много. Вся территория Нескучного сада и прилегающие к ней большие пустыри по правому берегу Москвы-реки от Крымского моста и до Воробьевых гор (Ленинских гор. — *И. З.*) были благоустроены и застроены павильонами. Раньше на месте выставки была городская свалка. Владимир Ильич приехал на выставку неожиданно. Машины остановились в центре выставки — со стороны Крымского моста через Москву-реку, неподалеку от него, на большой площади, где были расположены павильоны союзных республик: РСФСР, Украинской, Белорусской, а также Закавказской федерации. Ленин направился в главное здание павильона РСФСР. Посетители выставки бурными аплодисментами и криками «ура!» стали его приветствовать.

Приезд Ленина на выставку был огромной радостью

для посетителей, вызвал всеобщее ликование. В течение нескольких минут наши машины окружила огромная толпа людей. Нам, сотрудницам личной охраны В. И. Ленина, было очень трудно сопровождать вождя. Но выход был найден самими посетителями. К павильону РСФСР они проложили «живой коридор», передние ряды взялись за руки и сдерживали других людей. Так Ильич потихоньку, с палочкой, при нашей поддержке осмотрел экспонаты и остался чрезвычайно доволен успехами в развитии и подъеме сельского хозяйства молодой Советской Республики.

В павильоне РСФСР В. И. Ленин был недолго, так как много ходить и стоять по состоянию здоровья не мог. После беглого осмотра экспонатов он прошел к своей машине. Руководители выставки хотели организовать в честь приезда Владимира Ильича летучий митинг, но Надежда Константиновна просила этого не делать¹³.

В половине пятого В. И. Ленин вернулся в Кремль, взял на квартире отобранные книги и, удовлетворенный посещением Москвы, выехал в Горки. Отъехав 5—7 километров от Москвы, Владимир Ильич остановил машину, сосредоточенно смотрел несколько минут в сторону столицы, как бы прощаясь с ней.

«Рабочее сердечное тепло». Последний период жизни великого Ленина... Петроградские текстильщики послали вождю в подарок вытканый ими плед. В своем письме они писали, что текстильщики хотят, чтобы дорогой Ильич ощутил от их скромного подарка «вместе с физическим теплом и то рабочее сердечное тепло», которым его хочется укутать¹⁴. У Ильича был старый плед, который ему подарила мать Мария Александровна во время их последней встречи в 1910 году в Стокгольме. Владимир Ильич очень берег плед матери, но он уже изрядно изнашивался.

2 ноября 1923 года у Владимира Ильича побывала делегация рабочих Глуховской мануфактуры (бывший город Богородск, ныне Ногинск Московской области). Рабочие привезли Ленину приветственное письмо глуховских ткачей и подарок — вишневые саженцы. Участница этой памятной встречи рабочих с Ильичем П. А. Холодова* вспомнила: «Нас ввели в приемную. Через две ми-

* Холодова Пелагея Анасьевна — член КПСС с 1917 года, работница Богородско-Глуховской мануфактуры. Кроме нее, в состав делегации входили И. П. Воронцов, К. И. Гусева, Г. Н. Козлов, Д. В. Кузнецов, Н. Н. Сергеев.

нуты мы услышали голос Марии Ильиничны: «Володя, к тебе гости». Дверь открылась, и к нам вышел улыбающийся Ильич. Позади следовал санитар. Подойдя к нам, Ильич снял левой рукой свою кепку, переложил ее в правую и поздоровался с нами левой рукой»¹⁵.

Побывав с В. И. Лениным пять минут, рабочие, прощаясь, расцеловались с ним.

60-летний рабочий Кузнецов прощался последним. «Две минуты они стояли, обняв друг друга. А старик Кузнецов сквозь слезы все твердил: «Я рабочий, кузнец, Владимир Ильич. Я — кузнец. Мы скуем все намеченное тобой...»¹⁶. Это была последняя встреча В. И. Ленина с рабочими.

«Как здоровье Владимира Ильича?» По всей стране трудящиеся озабоченно следили за состоянием здоровья Ильича.

...7 ноября 1923 года. Город Харьков, площадь Тевелева перед зданием Всеукраинского ЦИК. В разных местах площади с украшенных зеленью грузовиков представители Коммунистической партии и правительства Украины рассказывают о достижениях за 6 лет существования народной власти. На одной из машин — Михаил Васильевич Фрунзе. Собравшиеся наперебой его спрашивают о состоянии здоровья Владимира Ильича Ленина.

— Как здоровье Ильича?

— Поправляется ли товарищ Ленин?

— Расскажите поподробнее о Ленине! — раздаются отовсюду голоса.

М. В. Фрунзе обещает обязательно ответить на эти вопросы, но в конце выступления. Однако собравшиеся требуют сразу и подробнее рассказать о здоровье Ленина.

О состоянии здоровья Владимира Ильича спрашивали накануне и на юбилейном заседании Харьковского горсовета. Вот что об этом сообщала газета «Коммунист» (Харьков) в номере от 7 ноября 1923 года: «Вчера в театре им. Шевченко, в ознаменование 6-й годовщины революции, состоялся торжественный пленум Харьковского горсовета с участием партийных и профессиональных организаций, фабзавкомов и делегаций от воинских частей.

На повестке дня — доклад тов. Фрунзе: международное положение и шестилетие Октябрьской революции.

Отвечая на многочисленные запросы о здоровье това-

рища Ленина, тов. Фрунзе заявляет, что его здоровье за последнее время чрезвычайно улучшилось и окрепло, но ему надо еще много отдыхать и лечиться.

Сейчас товарищ Ленин ведет упорную борьбу, чтобы овладеть речью и движениями правой руки. Он совершает продолжительные прогулки на автомобиле и, приехав недавно в Москву, был в Кремле в своем кабинете...»

Мы привели лишь два факта и притом по одному городу, по здоровью народного вождя беспокоило, волновало всех честных людей огромной страны. И не только нашей страны, но и далеко за ее пределами.

Так, осенью 1923 года ЦК Коммунистической партии Великобритании прислал в подарок Ленину кресло-коляску.

Вечно живой. При выборах Московского Совета трудящиеся Москвы ежегодно избирают Владимира Ильича своим первым депутатом. В 1923 году он был избран в Моссовет от коллектива рабочих завода имени Владимира Ильича (бывший Михельсона).

В приветствии к своему первому депутату 10 декабря 1923 года Моссовет писал:

«Приступая к своей работе, мы, представители трудящихся масс — депутаты Московского и районных Советов, — шлем тебе свой горячий товарищеский привет. Мы счастливы тем, что в наших рядах первым в списке членом Московского Совета значится великий вождь и учитель наш Владимир Ильич. Мы заявляем тебе, что наши пролетарские силы неисчерпаемы и что твердо и уверенно будем продолжать наше великое дело, следуя ленинским заветам.

Да здравствует наш вождь Ильич! Поправляйся быстрее, дорогой товарищ, на страх нашим врагам и на пользу международному пролетариату.

Займи свое место в Московском Совете»¹⁷.

Как известно, В. И. Ленин навсегда оставлен в списках депутатов столичного Совета: депутатский мандат № 1 принадлежит Ильичу. При обмене партдокументов в 1973 году партийный билет № 1 также был выписан на имя великого Ленина.

7 января 1924 года Владимир Ильич присутствовал на елке, устроенной для детей рабочих и служащих совхоза в сапатории «Горки». Об этом незабываемом детском празднике рассказывает воспитанник сестер В. И. Ленина Мария Ильинична и Анны Ильиничны Л. В. Юстус.

— Инициаторами елки были сестры Владимира Ильича. Они считали, что этому празднику обрадуется в первую очередь сам Ленин, искренне и горячо любивший детей. Однако предварительно решили посоветоваться с врачом Николаем Семеновичем Поповым.

— Давайте хорошенько подумаем, — сказал опытный врач. — Верно, что здоровье Ильича заметно улучшается. С другой стороны, нельзя не учитывать и другого: неизбежный шум детворы может нарушить покой товарища Ленина, утомить его.

Возникшие опасения сразу отпали, когда обратились за советом к самому Владимиру Ильичу: инициатива с устройством елки им была горячо одобрена.

О елке я и брат узнали от Анны Ильиничны.

— Я возьму вас с собой, — сказала она, — но при условии, чтобы никто из вас не беспокоил дедушку Ленина никакими вопросами, ведь он полностью еще не выздоровел и его нельзя утомлять.

Я за себя и за брата Артура обещал не нарушать это условие.

На елку в Горки я поехал без брата — он тогда приболел. Как только подъехали к Большому дому, я не вышел, а буквально выскочил из автомашины. Первое, что я увидел, была высокая елка, увешанная игрушками, многие из которых сделали Надежда Константиновна и сестры Владимира Ильича. На верхушке елки светилась пятиконечная звезда с вмонтированной внутри электролампочкой. Вместе со мной в дом входили другие приглашенные.

Меня усадили неподалеку от лестницы, ведущей на второй этаж, где жил Ленин. Анна Ильинична шепнула мне:

— Ты, голубчик, сиди на этом месте и скоро увидишь Владимира Ильича!

Действительно, вскоре, держась за перила, показался Ленин. В сопровождении Н. С. Попова и П. П. Какалина он сошел вниз, сел в кресло. Чрезвычайно довольный, он смотрел на окружавшую его детвору.

— Дорогие мои, — обратилась к ребятам Надежда Константиновна, — на эту красивую зеленую елку вас пригласил дедушка Ленин, который рад встрече с вами.

Мария Ильинична подошла к пианино, заиграла. Начались детские игры, хороводы. нас угощали, дарили подарки. Всем было очень весело, а главное, с нами веселился Владимир Ильич¹⁸.

19 января на автосанях Ленин выезжал в лес, наблюдал за охотой. В тот же день, открывая XI Всероссийский съезд Советов, Михаил Иванович Калинин сказал:

— В работе настоящего съезда Советов все еще лишен возможности принимать участие Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич Ленин, признательность и глубокая любовь к которому одинаково наполняют и волнуют всех здесь присутствующих... Его появление на съезде всегда было праздником для присутствующих... Пусть наше слово, наш единодушный возглас, наше самое искреннее пожелание о скорейшем выздоровлении Владимира Ильича послужат ему поддержкой в его тяжелой борьбе с недугом.

Голос с места: «Да здравствует вождь мирового пролетариата, тозарищ Ленин!» (Аплодисменты, крики «ура!») ¹⁹.

До последнего дня своей жизни В. И. Ленин живо интересовался важнейшими событиями.

19 и 20 января 1924 года Надежда Константиновна читала ему резолюцию XIII партийной конференции. Слушал Владимир Ильич очень внимательно, задавая иногда ей вопросы.

20 января Н. К. Крупская читала ему из «Известий» отчет об открытии XI Всероссийского съезда Советов. Особенно понравилась Владимиру Ильичу речь на съезде неграмотной крестьянки села Бесоновки Пензенской губернии Е. М. Борисовой, призывавшей крепить союз рабочего класса и крестьянства.

21 января 1924 года в 6 часов 50 минут вечера Владимира Ильича не стало. В Большом доме в Горках дежурил тогда знакомый читателю Александр Васильевич Бельмас.

На всю жизнь врезался ему в память тот тягостный зимний день.

— Накануне ночью 20 января Владимир Ильич потерял сознание. Еще до этого несколько дней от его постели не отходили Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Кроме врачей — профессора Розанова, Обуха, Крамера, Ферстера и Гетье, — в Горках был нарком здравоохранения Николай Александрович Семашко. После того как Ильич впал в беспамятство, врачами было сделано все возможное, чтобы приступ у него прошел. В результате к утру 21 января приступ действительно кончился. Я как раз в тот день заступил на дежурство. Из Москвы

все время в Горки звонили, спрашивали о состоянии здоровья товарища Ленина. «Как Ильич?», «Как здоровье Владимира Ильича?» — только и слышно было в телефонную трубку. Эти телефонные звонки, эти вопросы нагнетали нервозность, вызывали глубокое беспокойство, тревогу. Несмотря на то, что Ильичу совсем недавно стало значительно легче, настроение у всех было подавленное. Однако никто не предполагал возможности скорой катастрофы, которая неожиданно произошла. В 7 часов вечера я был в Большом доме внизу, у телефона, когда к нему подбежала Мария Ильинична и быстро схватила телефонную трубку. В невероятном волнении, едва сдерживая слезы, она срывающимся голосом неожиданно произнесла страшные слова: «Ленин умер». Сообщив в Москву эту печальную весть, сестра Ильича сразу поднялась вверх. От волнения она забыла повесить телефонную трубку. Я остолбенел, совершенно потерялся. Стою и вижу, что телефонная трубка все еще не на месте, беру ее и твердой рукой кладу обратно на рычаг. Телефон сразу зазвонил. Кто-то спросил:

— Как состояние товарища Ленина?

Отвечаю:

— Ленин жив.

Кладу трубку на рычаг, но снова звонят. Снова, как и до этого, отвечаю, что Ленин жив. Раздаются все новые и новые звонки. Отвечать приходится одному мне. Около меня никого нет. Всем отвечаю, что Ленин жив. Я сам поверил в то, что Владимир Ильич не умер, что он жив, что он не может умереть...²⁰

— Через некоторое время, — вспоминал далее Бельмас, — ко мне подошел начальник охраны тов. Пакалин, весь в слезах, и говорит: «Пойди скажи ребятам, что Ленин умер». Иду выполнять последнее поручение. Вхожу в помещение. Меня встретили вопросом: «Ну что... говори скорее?». Я отвечаю: «Ребята, Ленин умер».

Это была страшная весть, все плакали. Потом пошли в оранжерею совхоза, набрали цветов и с ними направились в последний раз к Ленину, прощаться.

Большой светлый зал, посредине стол, на нем Ленин, самый дорогой всем человек. Положив цветы, сами все встали возле него в почетный караул. Здесь же, ни на минуту не отходя, сидели Надежда Константиновна и Мария Ильинична.

Затем приехали делегаты II съезда Советов СССР, члены Политбюро Центрального Комитета партии и чле-

ны правительства, стали в почетный караул. Здесь же, в библиотеке, члены Политбюро провели совещание о порядке похорон.

Я стоял у своего стола, подошла Н. К. Крупская, подавленная горем, не узнать ее, что-то говорит, губы шевелятся, а звука нет. Чуть слышно сказала: «Не убеждали»²¹.

...Рано утром 22 января 1924 года было опубликовано правительственное сообщение.

«21 января в 6 часов 50 мин. вечера в Горках близ Москвы скорпостижно скончался ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ УЛЬЯНОВ-ЛЕНИН.

Ничто не указывало на близость смертельного исхода.

Последнее время в состоянии здоровья Владимира Ильича наступило значительное улучшение. Все заставляло думать, что здоровье будет дальше восстанавливаться.

Совершенно неожиданно вчера в состоянии здоровья Владимира Ильича наступило резкое ухудшение.

Несколько часов спустя Владимира Ильича не стало.

Заседающий в Москве Всероссийский съезд Советов, а также открывающийся в ближайшие дни Всесоюзный съезд примут решения для обеспечения дальнейшей непрерывной работы Советского правительства.

Самый тяжелый удар, постигший трудящихся Советского Союза, а также всего мира со времени завоевания власти рабочими и крестьянами России, глубоко потрясет каждого рабочего и крестьянина не только нашей Республики, но также всех стран. Широчайшие массы трудящихся всего мира будут оплакивать величайшего своего вождя.

Его больше нет среди нас, но его дело останется незабытым.

Выражающее волю трудящихся масс, Советское правительство продолжит работу Владимира Ильича, идя дальше по намеченному им пути. Советская власть стоит твердо на своем посту на страже завоеваний пролетарской революции.

Москва, Кремль, 22 января 1924 года».

В извещении Центрального Комитета РКП(б) «К партии. Ко всем трудящимся» было сказано: «Ленин живет в душе каждого члена нашей партии... в сердце каждого честного рабочего... в сердце каждого крестьянина-бедняка... Ленин живет среди миллионов колониальных рабов...»

Весть о кончине В. И. Ленина с быстротой молнии облетела весь мир. С глубокой скорбью воспринимали ее советские люди. Далеко за пределами Страны Советов мысли трудящихся обращались к Москве, к Ленину.

В адрес ЦК партии, ЦИК СССР, правительства поступали просьбы отсрочить похороны В. И. Ленина. «Не надо так скоро хоронить, — писали рабочие фабрики бывшей Эйнем. — Мы все любим его. Его любит вся страна. Многие захотят увидеть его в последний раз»²².

На груди Владимира Ильича был орден Красного Знамени, прикрепленный кавалером этого ордена, управляющим делами Совнаркома Н. И. Горбуновым.

Только за два дня (22 и 23 января) поступило свыше 900 телеграмм соболезнования от правительств, общественных организаций и деятелей многих стран мира. В дни прощания с В. И. Лениным в Колонном зале побывало до 1 миллиона человек. К гробу с телом было возложено свыше 3 тысяч венков, знамен, стягов, адресов.

В заявлении трудящихся Саранского уезда, возложенном на гроб В. И. Ленина вместе с траурной лентой, было сказано: «Мы не несем тебе на могилу обычных венков, символов скорби и грусти. В знак нашей признательности мы пошлем от твоего имени 20 плугов в наши темные сельские углы братьям-крестьянам»²³.

II съезд Советов 26 января 1924 года принял постановление о выпуске сочинений В. И. Ленина. В постановлении съезда было сказано, что лучшим памятником Владимиру Ильичу будет широкое и массовое распространение его произведений, которое сделает идеи коммунизма достоянием всех трудящихся.

Съезд принял также решения о сохранении тела В. И. Ленина в склепе, о памятниках В. И. Ленину, об образовании фонда имени В. И. Ленина для помощи беспризорным детям, о переименовании Петрограда в Ленинград²⁴.

Когда Ильич умер, сотрудники его охраны провожали великого вождя в последний путь, а затем — 27 января 1924 года — вместе с кремлевскими курсантами встали в почетный караул у Мавзолея.

В траурные дни после смерти основателя Коммунистической партии и Советского государства, гениального мыслителя, великого вождя и учителя трудящихся всего мира свыше 240 тысяч передовых рабочих вступили в ряды Коммунистической партии. Это был исторический Ле-

нинский призыв. «Кто крепче — в ряды РКП(б)», — писала «Правда».

Читатель помнит слова В. В. Маяковского:

Стала
 величайшим
 коммунистом-организатором
даже
 сама
 Ильичева смерть!

Мавзолей В. И. Ленина. В те скорбные дни в Москву отовсюду шли различные предложения — как наиболее достойно выразить искренние чувства уважения и любви трудящихся к покойному вождю. Предлагалось построить на Красной площади громадный памятник-дворец Ильичу. К обсуждению поступавших проектов привлекли архитекторов. В конечном итоге остановились на проекте талантливого советского зодчего, академика, архитектора А. В. Щусева, предложившего всемирно известную форму Мавзолея с его простыми, строгими линиями.

Первое деревянное здание Мавзолея было готово 27 января 1924 года. Его строили без перерыва — и днем и ночью, в лютый мороз. На помощь московским строителям — землекопам, плотникам, столярам — пришли друзья-политэмигранты — венгры, поляки, австрийцы, французы, финны. Через несколько лет, в октябре 1930 года, деревянный Мавзолей был заменен каменным, гранитным, монументальным зданием ленинской усыпальницы.

Мавзолей был сооружен в рекордно короткий срок — менее чем за полтора года.

Каждый, кто трудился над его созданием, — уральский каменотес, искавший мрамор; тверской гранитчик, вырубавший в монолите черного лабрадора гнезда для букв «Ленин»; гомельский строитель, возводивший стены Мавзолея — все работали самоотверженно, с отдачей всех своих сил.

Строительством Мавзолея руководил сам А. В. Щусев. Красная площадь была реконструирована и с ленинским Мавзолеем в центре, народными трибунами и серебристыми елями у кремлевской стены стала поистине величественной, главной площадью страны.

В первый день, 27 января 1924 года, часовыми у поста № 1 у входа в Мавзолей стали кремлевские курсанты Григорий Коблов, Арсентий Кашкин, чекисты Франц Балтрушайтис и Семен Соколов. Первым разводящим был

венгерский интернационалист Януш Мейсарош. Начальником первого караула у усыпальницы вождя был Николай Дрейер, впоследствии генерал-лейтенант, ветеран Великой Отечественной войны.

...Не одно десятилетие в вечном карауле стоят молодые часовые, вчерашние мальчишки, внуки героев Переконпа, сыны освободителей Европы от фашизма. Каждый мечтает быть часовым поста № 1.

Успешное выполнение задания партии и правительства о бальзамировании тела Владимира Ильича явилось подвигом советских медиков. Неоценимую, главную роль в выполнении поставленной задачи сыграл профессор Харьковского медицинского института Владимир Петрович Воробьев*.

Член Комиссии Климент Ефремович Ворошилов рассказывал: «Трудно передать словами то значение, которое придавалось Центральным Комитетом партии и Советским правительством сохранению тела Владимира Ильича. Не проходило буквально ни одного дня, чтобы они не интересовались подготовкой к этой важнейшей ра-

* В. П. Воробьев родился 15 июля 1876 года в Одессе. Царский министр просвещения Кассо трижды за демократические взгляды не утверждал В. П. Воробьева в звании профессора и руководителя кафедры.

После Великой Октябрьской революции В. П. Воробьев, развивая труды своих предшественников об анатомии, внес громадный вклад в практику бальзамирования. В 1924 году, когда перед партией встал вопрос о сохранении тела В. И. Ленина, Владимир Петрович одним из первых ученых был вызван в Москву.

24 марта 1924 года в газетах появилось следующее сообщение:

«После смерти Владимира Ильича тело его подвергнуто было бальзамированию обычным способом, имевшим целью временное его сохранение.

В настоящее время, идя навстречу пожеланиям широких масс Союза ССР и других стран видеть облик покойного вождя, Комиссия по похоронам В. И. Ленина решила принять меры, имеющиеся в распоряжении современной науки для возможно длительного сохранения тела.

...Комиссия поручила известному анатому профессору Харьковского медицинского института В. П. Воробьеву немедленно приступить к бальзамированию, отвечающему намеченной цели.

К означенной работе привлечены следующие лица: проф. П. И. Карузин (анатом), проф. Б. И. Збарский (биохимик), старший ассистент глазной клиники Я. П. Замковский, проректор анатомического театра А. Л. Шабаташ и помощник проректора А. Н. Журавлев.

Общее наблюдение за этими работами Комиссией поручено гг. Л. Б. Красину, проф. Б. С. Вейсброду и проф. В. Н. Розанову.

Председатель Комиссии ЦИК Союза ССР по похоронам В. И. Ульяпова (Ленина) Ф. Дзержинский».

боте. Кандидатура харьковского профессора Воробьева Владимира Петровича была рекомендована одним из руководителей Украинской ССР В. П. Затонским. До того, как Комиссия остановилась на кандидатуре этого профессора, с его работами в Харьковском анатомическом институте ознакомился Леонид Борисович Красин, в тот период народный комиссар внешней торговли СССР. Будучи в Харькове по служебным делам, он по поручению Комиссии вместе с В. П. Затонским изучил накопленный профессором Воробьевым опыт с целью определения возможности пойти на большой научный риск. Сразу после возвращения Л. Б. Красина в Москву Комиссия вызвала из Харькова Владимира Петровича Воробьева»²⁵.

Его ассистент А. Л. Шабадаш* вспоминал:

— Перед советскими учеными правительством была поставлена задача небывалой тяжести и ответственности. Мировая наука не знала случая, чтобы можно было сохранить тело человека на длительное время с сохранением сходства и в доступном для обозрения виде.

Владимир Петрович Воробьев был вызван из Харькова по телеграмме секретаря ЦИК СССР Авеля Сафроновича Енукидзе сразу после смерти Владимира Ильича. В Кремле и в кабинете Ф. Э. Дзержинского, председателя правительственной Комиссии, на многих совещаниях с участием медиков Москвы, Ленинграда, Харькова шла дискуссия, в ходе которой высказывались различные, зачастую противоположные, мнения. Крупные ученые склонялись к тому, что наука не может предложить ни одного способа выполнения поставленной задачи.

Подробно обсуждались предложения о бальзамировании тела В. И. Ленина с применением для этого низких температур, но это предложение не получило достаточной поддержки.

В отличие от других участников совещаний профессор В. П. Воробьев, основываясь на своих опытах в Харьковском медицинском институте, предложил свой метод бальзамирования**.

* Шабадаш Арнольд Леонович — доктор медицинских наук, в течение длительного времени (по 1977 год) работал в Академии наук СССР.

** Предложение В. П. Воробьева также встретило возражения московской и ленинградской групп ученых и вначале не было принято. В первый наш приезд в Москву безрезультатно закончилось научное обсуждение поставленной задачи, это отметил на последнем заседании правительственной Комиссии Ф. Э. Дзержинский.

Как известно, конечные результаты работы по бальзамированию тела Владимира Ильича превзошли все ожидания.

26 июля 1924 года в 12 часов дня комиссия по увековечению памяти В. И. Ульянова-Ленина во главе с Ф. Э. Дзержинским посетила Мавзолей. Затем в Кремле, в зале заседаний Президиума ЦИК СССР, состоялось заседание комиссии. На нем присутствовали: А. Енукидзе, Л. Красин, К. Ворошилов, В. Аванесов, В. Бонч-Бруевич, Н. Семашко, проф. В. Воробьев, проф. Б. Збарский, А. Шабаш, П. Карузин, проф. В. Розанов, А. Журавлев, Я. Замковский, доктор А. Савельев, эксперты-профессора Н. Мельников-Разведенков, В. Тонков, К. Яцута, комендант Кремля Р. Петерсон и А. Беленький.

Первое слово было предоставлено профессору В. П. Воробьеву. Его обстоятельный доклад о бальзамировании тела В. И. Ленина был заслушан с огромным вниманием. Основной вывод доклада сводился к следующему:

После отъезда Л. Б. Красина из Харькова Владимира Петровича Воробьева срочно вызвали в Москву. Мы приступили к работе.

А. Л. Шабаш вспоминал:

— Безмерно большую помощь В. П. Воробьеву и его коллегам в создании условий для работы оказывали А. Я. Беленький (начальник личной охраны В. И. Ленина) и комендант Кремля Р. А. Петерсон.

По поручению Феликса Эдмундовича Дзержинского они блестяще организовывали помощь нам чертежами, набросками необходимых приборов и приспособлений, размещением заказов на них. Рабочие московских предприятий при первых словах — «Для Ленина» — в кратчайший срок выполняли эти заказы. Так, на заводе «Научук» добровольная смена в течение одной ночи изготовила крайне необходимые для нас предметы, и уже утром 25 марта мы могли их использовать. И так было буквально на каждом предприятии. В. П. Воробьев и его коллеги проводили в Мавзолее по 16—18 часов. Иногда Беленький и Петерсон, уходявшие поздно вечером, заставляли медиков рапо утром на прежних «рабочих местах» и дружески спрашивали: «Да вы что, не уходили и ночью?»

Несмотря на близость гостиницы, где нам отвели комнаты (на Варварке, ныне ул. Разина), — вспоминал А. Л. Шабаш, — по условиям работы никому из нас нельзя было отрываться надолго, чтобы иесть или слегка отдохнуть. Наши «окекуны», конечно, информировали об этом Ф. Э. Дзержинского, и к концу первой недели нашей работы в Мавзолее по сохранившимся вдоль кремлевской стены трамвайным путям подкатили два вагона, в которых было организовано питание, элементарный отдых. Мы получили своего рода «кают-компанию». (Архив автора.)

примененный новейший способ сохранения на длительный период тела В. И. Ленина вполне себя оправдывает.

Эксперты полностью подтвердили этот вывод докладчика. В своем заключении они записали: «Произведенные проф. В. Воробьевым работы основаны на прочных научных основаниях, дающих право рассчитывать на продолжительное, в течение ряда десятилетий, сохранение тела Владимира Ильича в состоянии, позволяющем обозревание его в закрытом стеклянном гробу, при соблюдении необходимых условий в отношении влажности и температуры»*.

На заседании произнес речь А. С. Енукидзе.

— Сохранению тела Владимира Ильича, — сказал он, — вся наша партия и заседавший в январе II съезд Советов Союза ССР придавали громадное значение... Мы не хотели создать из остатков Владимира Ильича какие-то мощи, посредством которых мы могли бы популяризировать или сохранять память о Владимире Ильиче. Своим гениальным учением и революционными действиями, которые он оставил в наследство всему революционному движению, он достаточно увековечил себя... Не было еще человека в мировой истории, который пользовался бы при жизни масс величайшей популярностью и любовью со стороны широчайших масс рабочих и крестьян всего мира... Мы хотели сохранить тело Владимира Ильича не для того, чтобы просто популяризировать его имя, а придавали и придаем величайшее значение сохранению облика этого замечательного вождя для подрастающего поколения и для будущих поколений, а также для тех тысяч, может быть, и миллионов людей, которые будут в высшей степени счастливы увидеть облик этого человека...

В заключение своей речи Авель Сафронович сказал:

— Вы прекрасно понимаете то волнение, которое мы переживали в первый момент работы по сохранению тела Владимира Ильича. Было много колебаний и сомнений и среди Комиссии, и среди тех специалистов, которых мы привлекли к этой работе. Четыре месяца назад проф. Воробьев взял на себя очень смелую задачу и сегодня, ровно через четыре месяца, как и обещал нам проф. Воробьев, результаты произведенных им работ, по определе-

* В. П. Воробьев был удостоен премии имени Ленина (1927 г.), награжден орденом Ленина (1934 г.), избран действительным членом Академии наук УССР, состоял членом ЦИК УССР.

нию авторитетнейших экспертов, вселили в нас уверенность, что эта работа завершилась весьма удовлетворительно... Сотни тысяч людей с благодарностью будут вспоминать имена и работу тех, которые создали возможность посетить могилу Владимира Ильича и видеть его облик.

Могилу Владимира Ильича — единственная могила, к которой никогда не зарастет путь, и можно смело сказать, что она будет посещаемая во все времена...²⁶

В июле 1941 года, когда гитлеровские захватчики рвались к Москве, тело В. И. Ленина было срочно эвакуировано за Урал, в город Тюмень.

В апреле 1945 года, когда Советская Армия добивала фашистского зверя в его логове — Берлине, саркофаг с телом Ильича вернулся в Мавзолей.

В торжественной глубокой тишине, скорбно склоняя головы, к Мавзолею В. И. Ленина пескончаемым потоком идут люди. К ленинской усыпальнице делегации возлагают венки из живых цветов. На ярко-красных, бордовых, белых, красных с черным лентах из шелка трогательные надписи от посланцев народов Союза Советских Социалистических Республик, народов всего мира.

Представители всех стран без различия рас, цвета кожи, национальности приходят сюда, чтобы отдать дань уважения, почтить память великого Ленина.

Еще не было человека, который, говоря словами Горького, так, как В. И. Ленин, действительно заслужил бы в мире вечную память.

Трепетно и учащенно бьются сердца людей в Мавзолее Ленина. К нему, к Москве устремлены мысли и взоры трудящихся всей планеты.

Имя Ленина, его учение будут жить в веках!

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1. ВОЗВРАЩЕНИЕ

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 49, с. 434.
2. Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника со бытий, т. 1. М., 1957, с. 355.
3. См.: Дунаевский А. Платтен известный и неизвестный. М., 1974, с. 108.
4. Эрнст Генри. Против терроризма. М., 1981, с. 126.
5. См.: Горьковская правда, 1957, 22 апреля.
6. См.: Правда, 1965, 9 апреля.
7. Архив автора. Воспоминания В. А. Бородавкина; см. также: Советская Молдавия, 1964, 15 апреля.
8. Архив автора.
9. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1. М., 1969, с. 435.
10. Архив автора.
11. Архив автора.
12. См.: Рабочие и крестьяне России о Ленине. М., 1958, с. 76.
13. Архив автора.
14. Архив автора.
15. Архив автора.
16. Архив автора.

Глава 2. ПОДПОЛЬЕ В «СВОБОДНОЙ» РОССИИ

1. См.: Иванов В. Дорогие сердцу места. Л., 1969, с. 105. Текст листовки провокаторы направили В. И. Ленину.
2. Правда, 1917, 23 апреля.
3. См.: Правда, 1924, 16 июля.
4. Там же.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 322.
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 427.
7. Там же, с. 433—434.
8. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 82.
9. См.: Рабочий и солдат, 1917, 23 июля.
10. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 452.
11. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 444.
12. Муштуров В. Б. Рядовой ленинской гвардии. Л., 1965, с. 52.
13. Красная летопись, 1927, № 3, с. 28.
14. См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 4. М., 1973, с. 290, 294.
15. См.: Красная летопись, 1927, № 4, с. 30.
16. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 434.
17. Встречи с Лениным. М., 1962, с. 36. См. также: С Лениным вместе. Петрозаводск, 1970, с. 100.
18. С Лениным вместе. М., 1970, с. 133.
19. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 4, с. 315.
20. С Лениным вместе, с. 133—134.
21. Там же, с. 120.
22. Архив автора.
23. Советская Россия, 1967, 15 июня.
24. Вопросы истории КПСС, 1974, № 1, с. 111.
25. См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 4, с. 319.
26. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 2. М., 1969, с. 436.
27. Там же.
28. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 5. М., 1970, с. 113.
29. Там же, с. 115.
30. С Лениным вместе, с. 150—153.
31. См.: Красная летопись, 1922, № 5, с. 310; Нева, 1970, № 4, с. 100.
32. См.: Уральский рабочий, 1947, 22 января; Ялава Л. Г. Летели искры. Петрозаводск, 1970, с. 84.
33. См.: Нева, 1970, № 4, с. 42.
34. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 125.
35. Архив автора.
36. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 4, с. 350.
37. Здесь свершался Великий Октябрь. Л., 1967, с. 121.
38. В. И. Ленин. Биография. М., 1970, с. 387.
39. Архив автора. См. также: Новый мир, 1968, № 11, с. 100.
40. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 435—436.
41. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 2, с. 446.
42. См.: Воспоминания о В. И. Ленине, т. 2, с. 433.

Глава 3. ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

1. Советская Эстония, 1965, 22 апреля.
2. Архив автора.
3. Архив автора.
4. Мы встречались с В. И. Лениным. Л., 1967, с. 25—27.
5. Прибалтийцы о В. И. Ленине. Рига, 1970, с. 60.
6. Архив автора.
7. Герои Октября. Л., 1967, т. 1, с. 339.
8. Ленинский сборник, XXXV, с. 7.
9. Муштуков В. Б., Никитин П. Е. Здесь жил и работал Ленин. Л., 1961, с. 377.
10. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 560.
11. Там же, с. 501.
12. Правда, 1966, 22 апреля.
13. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 3, с. 141.
14. Скрипник М. Воспоминания об Ильиче. М., 1965, с. 51—52.
15. Архив автора.
16. Живой Ленин. М., 1965, с. 153.
17. Петроградский Военно-революционный комитет, т. 2. М., 1966, с. 430.
18. Там же, т. 3, с. 196, 255.
19. Стучка П. Пять месяцев социалистической Советской Латвии, ч. 1. 1919, с. 143.
20. Архив автора.
21. Прибалтийцы о В. И. Ленине, с. 86.
22. Там же, с. 105—106.
23. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 2. М., 1957, с. 278—279.
24. О Ленине. Воспоминания ветеранов Латвии. Рига, 1969, с. 126—127.
25. Минц И. И. История Великого Октября, т. 3. М., 1977, с. 491.
26. Архив автора.
27. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 3. М., 1969, с. 69, 79.
28. Там же, т. 1, с. 171.
29. Дунаевский А. Платтен известный и неизвестный, с. 156.
30. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 5, с. 174.
31. См.: Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. М., 1969, с. 327—341; Ворошилов К. Е. Нас Ленин учил побеждать. М., 1978, с. 114. Показания Штырева и некоторые другие материалы по делу о покушении опубликованы в журнале «Звезда», № 9—10 за 1967 год.
32. Фонд документов В. И. Ленина. М., 1970, с. 211.
33. Прибалтийцы о В. И. Ленине, с. 109.
34. Ленинский сборник, XXXV, с. 100.

Глава 4. В БОРЬБЕ И ТРЕВОГЕ

1. Яковлев Е. Портрет и время. М., 1979, с. 86.
2. Прибалтийцы о В. И. Ленине, с. 112.
3. См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 5. М., 1974, с. 325.
4. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 509.
5. В. И. Ленин и кремлевские курсанты. М., 1969, с. 59.
6. Пост 27. М., 1961, с. 68.
7. В. И. Ленин и кремлевские курсанты, с. 87.
8. Архив автора. См. также: Блохин А. Д. Во имя будущего. М., 1971, с. 97—98.
9. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 5, с. 240—241.
10. История латышских стрелков. Рига, 1972, с. 256
11. См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 5, с. 610—611, 613.
12. Война и революция, 1927, № 10—11, с. 107.
13. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 524.
14. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 529—533.
15. Архив автора.
16. Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине, с. 394.
17. Архив автора.
18. Наш Ильич. М., 1960, с. 202—203.
19. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 173.
20. Там же, с. 180.
21. Архив автора. См.: также: Рассказывают участники Великого Октября, с. 17—23.

22. Альберт Рис Вильямс. О Ленине и Октябрьской революции. М., 1960, с. 47—48.
23. Пролетарская революция, 1923, № 9, с. 100; Первое десятилетие, М., 1982, с. 25.
24. Пролетарская революция, 1927, № 6—7, с. 277.
25. Там же.
26. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 6. М., 1975, с. 113.
27. Наш Ильич, с. 24—29. Показаниями Семенова и других на процессе правых эсеров в 1922 году установлено, что матрос был демультиным боевиком-террористом, который преднамеренно задержал шедших за Лениным рабочих.
28. Пролетарская революция, 1923, № 6—7, с. 279—280.
29. Архив автора.
30. Особое задание. М., 1968, с. 20.
31. Архив автора.
32. Пролетарская революция, 1923, № 6—7, с. 279—280.
33. Вечерние известия Московского Совета, 1918, 2 сентября.
34. Там же. См. также: Воспоминания о В. И. Ленине, т. 4, с. 176.
35. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 3, с. 320.
36. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 4, с. 176.
37. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 3, с. 152.
38. Свердлов Я. М. Избранные произведения. М., 1976, с. 213.
39. ЦГАОР, ф. 1235, ед. хр. 3, л. 81.
40. Правда, 1918, 4 сентября.
41. Дорогой товарищ Ленин. М., 1969, с. 9.
42. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 573, примечание 41
43. Там же, с. 95.
44. Архив автора.
45. Известия ВЦИК, 1918, 3 сентября.
46. Козлов Н. Хранить вечно. М., 1974, с. 88—89.
47. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1. М., 1968, с. 552.
48. Архив автора.
49. Архив автора.
50. Прибалтийцы о В. И. Ленине, с. 153.
51. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1. М., 1968, с. 552.
52. Волкова В. Ленин в Горках. М., 1968, с. 18.
53. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 356.
54. О Ленине. Воспоминания революционеров Латвии, с. 208.
55. Архив автора.
56. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 2. М., 1957, с. 600.
57. О Ленине. Воспоминания революционеров Латвии, с. 208.
58. Там же.
59. Архив автора.
60. Имени Владимира Ильича. М., 1970, с. 156—157.
61. К новой жизни, 1970, № 4.

Глава 5. НЕЗАБЫВАЕМЫЯ 1919-й

1. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1., 1968, с. 583.
2. Архив автора.
3. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 180.
4. В. И. Ленин и кремлевские курсанты, с. 72.
5. Лозгачев-Елизаров Г. Я. Незабываемое. М., 1960, с. 176.
6. См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. т. 6, с. 591.
7. Метлицкий Б. Г. Снова в Петрограде. Л., 1966, с. 90—91.
8. Архив автора.
9. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 324.
10. Там же, с. 325.
11. Архив автора.
12. Партийный архив МК и МГК КПСС, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 100.
13. ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, ед. хр. 882.
14. Ульянов Д. И. Воспоминания о Владимире Ильиче. М., 1968, с. 94.
15. Мальков П. Л. Записки коменданта Кремля. М., 1967, с. 145.
16. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 2, с. 263.
17. Ленин в Москве и Подмосковье. М., 1974, с. 310.
18. Зубов Н. Ф. Дзержинский. Биография. М., 1971, с. 245.
19. См.: Ярославский Е. Третья сила. М., 1932.
20. Московские большевики на защите советской столицы в 1919 году. М., 1947, с. 54.
21. Вечно живой, с. 271—272.

22. Там же, с. 273—274.
23. Архив автора.
24. Архив автора.
25. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 3. М., 1960, с. 196.
26. В. И. Ленин и кремлевские курсанты, с. 5.
27. ЦГАОП, ф. 1235, оп. 37, ед. хр. 5, л. 39.
28. Архив автора.
29. См.: Ленинский сборник, XXXVII, с. 358.
30. См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 9. М., 1978, с. 527.
31. Архив автора.
32. В. И. Ленин и кремлевские курсанты, с. 43.
33. Ленинский сборник, XXXVII, с. 100.
34. Архив автора.
35. За передовой опыт (ВДНХ СССР), 1967, 22 апреля.
36. Архив автора.

Глава 6. ПЛЕЧИ МИЛЛИОНОВ

1. Фотиева Л. А. Из жизни В. И. Ленина. М., 1967, с. 122—123.
2. Архив автора.
3. Архив автора.
4. Архив автора.
5. См.: Проектор, 1925, № 15 (61), с. 24.
6. В. И. Ленин и кремлевские курсанты, с. 26—27.
7. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 2. М., 1967, с. 105.
8. Красная Карелия, 1924, 26 января.
9. Победа (Феодосия), 1974, 11 апреля; 1975, 7 ноября.
10. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 11.
11. Сокольники. М., 1967, с. 30.
12. Ленинский сборник, XXXV, с. 168.
13. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 159—160.
14. Архив автора.
15. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 4, с. 94—95.
16. Полонский Р. Ф. Только бы хватило жизни. М., 1981, с. 212—214.
17. Архив автора.
18. См.: Политическое самообразование. 1965. № 10, с. 100; Лазебников А. Их знал Ильич. М., 1967, с. 61—65.
19. Архив автора.
20. См.: Ленин в Москве и Подмоскowie, с. 313.
21. Архив автора.
22. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 291—329.
23. Калининградская правда, 1967, 3 декабря.
24. Там же.
25. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1. М., 1967, с. 210.
26. Рабочие и крестьяне России о Ленине. М., 1958, с. 297.
27. Калининградская правда, 1967, 3 декабря.

Глава 7. «ОБЕРЕГАЙТЕ ЛЕНИНА»

1. Архив автора.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 114—116.
3. ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 4, ед. хр. 3703.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 201.
5. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 43—47.
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 58.
7. Архив автора.
8. Выгодский О. Ю. У истоков советской дипломатии. М., 1965, с. 199.
9. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 160.
10. Документы внешней политики СССР, т. 5. М., 1961, с. 67.
11. Письма трудящихся к В. И. Ленину. М., 1960, с. 262.
12. Письма тверяков к Ленину. М., 1973, с. 176.
13. Из глубины сердца. Сборник писем военнослужащих Красной Армии В. И. Ленину. М., 1970, с. 139.
14. Там же, с. 141.
15. Там же, с. 143.
16. Письма трудящихся Белоруссии В. И. Ленину. Минск, 1969, с. 84.
17. Любимов Н. Н., Эрлих А. Н. Генуэзская конференция. М., 1963, с. 12.

18. См.: Звезда, 1969, № 7, с. 263—264.
19. Там же, с. 182.
20. Кун И. Бела Кун. М., 1966, с. 263—264.
21. Цит. по кн.: Чикин В. В. Сто зимних дней. М., 1972, с. 12.
22. Архив автора.
23. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 230—231.
24. Эсамшвили В. Г. В. И. Ленин в Грузии. Тбилиси, 1970, с. 263.
25. Там же, с. 264.
26. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 42.
27. Архив автора.
28. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 309.
29. Правда, 1922, 24 сентября (иллюстрированное приложение).
30. Архив автора.
31. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 272.
32. Правда, 1922, 17 декабря.
33. Кирюхина Е. Ленин и Вятский край, с. 135.

Глава 8. РЯДОМ С ЛЕНИНЫМ

1. Архив автора.
2. Архив автора.
3. Архив автора.
4. Архив автора.
5. Архив автора.
6. Архив автора.
7. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 4, с. 398—404.
8. Архив автора.
9. Архив автора.
10. Архив автора.
11. Архив автора.
12. Архив автора.
13. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1. М., 1968, с. 164—165.
14. Там же, с. 611, 617.
15. См.: Ульянов Д. И. Воспоминания о Владимире Ильиче, с. 104.
16. Архив автора.
17. Архив автора.
18. Ульянов Д. И. Воспоминания о Владимире Ильиче, с. 100.

Глава 9. ИЗ ГЛУБИНЫ СЕРДЕЦ

1. XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968, с. 89.
2. Правда, 1973, 20 апреля.
3. Там же.
4. Там же, 1919, 26 февраля.
5. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 4, с. 373.
6. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 3, с. 326.
7. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 184.
8. Архив автора.
9. Архив автора.
10. Архив автора.
11. Архив автора.
12. Правда, 1971, 17 октября.
13. Архив автора.
14. См.: Дорогой товарищ Ленин. Л., 1969, с. 319.
15. Воспоминания о В. И. Ленине, т. 4. М., 1969, с. 460.
16. Там же.
17. Ленин в Москве и Подмоскowie, с. 276.
18. Архив автора.
19. XI Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет. М., 1924, с. 5.
20. Архив автора.
21. Исторический архив, 1958, № 2, с. 163; Воспоминания о В. И. Ленине, т. 4, с. 412.
22. Вопросы истории КПСС, 1974, № 2, с. 87.
23. Дань любви всенародной. Саранск, 1969, с. 129.
24. Известия, 1924, 27 января.
25. Архив автора.
26. Известия, 1924, 27 января.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства	3
<i>Глава первая.</i> ВОЗВРАЩЕНИЕ	4
<i>Глава вторая.</i> ПОДПОЛЬЕ В «СВОБОДНОЙ» РОССИИ	16
<i>Глава третья.</i> ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ	47
<i>Глава четвертая.</i> В БОРЬБЕ И ТРЕВОГЕ	74
<i>Глава пятая.</i> НЕЗАБЫВАЕМЫЙ 1919-Й	113
<i>Глава шестая.</i> ПЛЕЧИ МИЛЛИОНОВ	142
<i>Глава седьмая.</i> «ОБЕРЕГАЙТЕ ЛЕНИНА»	175
<i>Глава восьмая.</i> РЯДОМ С ЛЕНИНЫМ	192
<i>Глава девятая.</i> ИЗ ГЛУБИНЫ СЕРДЕЦ	210

ИБ № 4416

Николай Иванович Зубов
ОНИ ОХРАНЯЛИ ЛЕНИНА

Редактор

И. Андреев

Мл. редактор

А. Савельев

Художник

Ю. Боярский

Художественный редактор

Р. Тагирова

Технический редактор

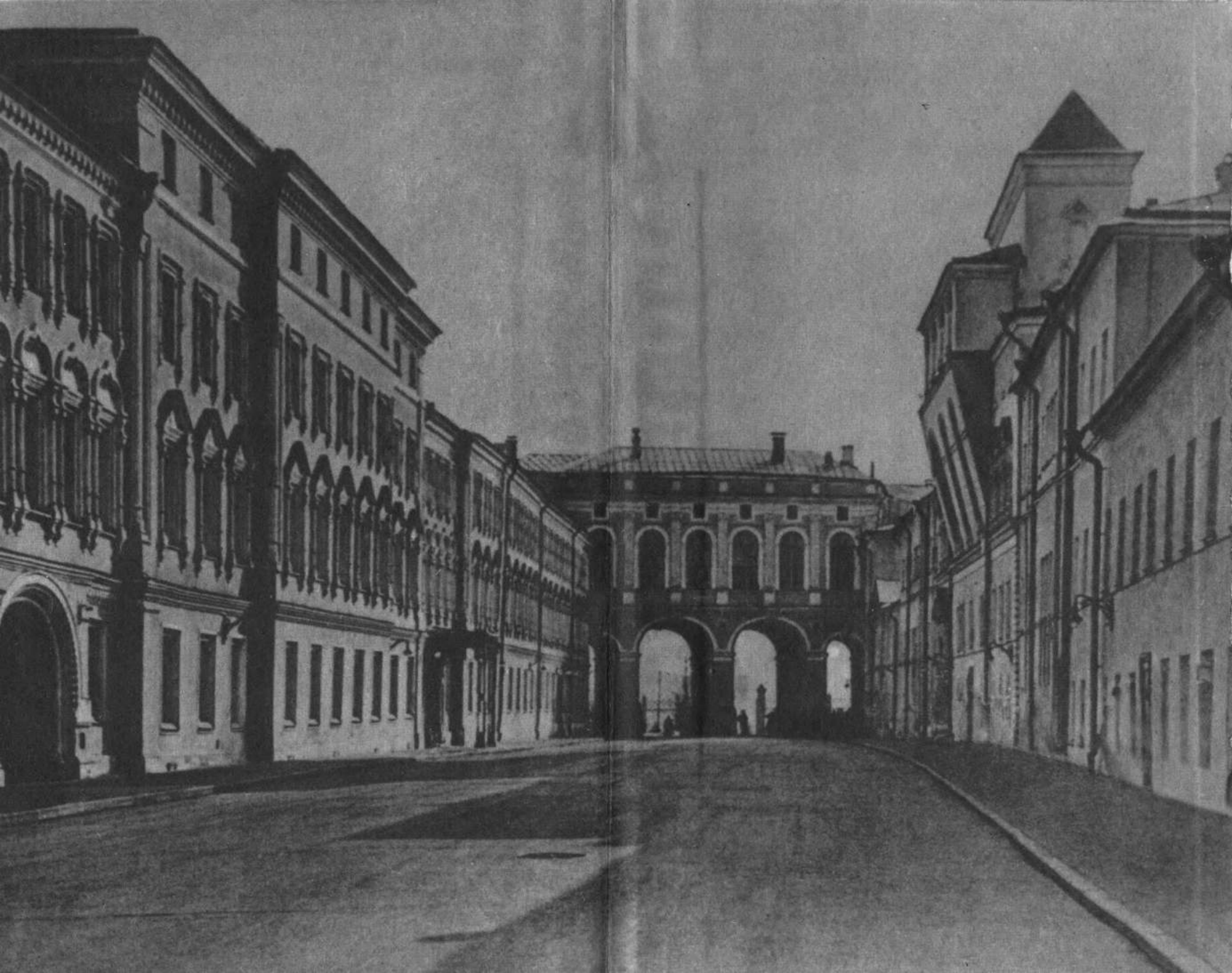
Н. Носова

Корректоры

И. Тарасова, Н. Самойлова

Сдано в набор 16.02.84. Подписано в печать 19.07.84. А00755.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 12,6+
+1,68 вкл. Усл. кр.-отт. 14,7. Уч.-изд. л. 15,6. Тираж 50 000 экз.
Цена в переплете 80 коп. (45 000 экз.), в бумажном перепле-
те 90 коп. (5 000 экз.). Заказ 2277.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типогра-
фии: 103030, Москва, К 30, Суцеская, 21.

ПЕТРОГРАД

1. ЦК и ПК большевиков. Бывший особняк Кшесинской.
2. Квартира А. И. и М. Т. Елизаровых. Широкая, д. 48/9.
3. Квартира М. Л. Сулимовой. Набережная реки Карповки, д. 25.
4. Квартира В. Н. Каюрова. Языков пер., д. 2.
5. Квартира М. В. Фофановой. Сердобольская ул., д. 1/92.
6. Квартира Н. Г. Полетаева. Мытнинская ул., д. 33/19.
7. Квартира С. Я. Аллилуева. 10-я Рождественская ул., д. 17а.
8. Смольный.

**ПОД ПЕТРОГРАДОМ
И В ФИНЛЯНДИИ**

9. Разлив.
10. Ялкала.
11. Выборг.
12. Лахти.
13. Мальм.
14. Гельсингфорс.

МОСКВА

1. Кремль.
2. Здание Совета Народных Комиссаров.
3. Секретариат ЦК РКП(б). Воздвиженка, д. 6.
4. Здание Московского Совета. Тверская ул., д. 31.
5. Московский комитет РКП(б). В. Дмитровка, д. 15а.
6. Дом Союзов. В. Дмитровка, д. 1.
7. Большой театр.
8. Клуб ВЧК. Большая Лубянка, д. 13.
9. Политехнический музей. Китайский пр., д. 3.
10. Наркомпрос. Остоженка, д. 53.
11. Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова. М. Дмитровка, д. 6.
12. Московский уездный Совет. Садовая-Сухаревская ул., д. 11.
13. Бывший завод Михельсона. 3-й Щипковский пер.
14. Сокольнический городской сад, здание клуба.

ПОДМОСКВЬЕ

15. Деревня Кашино
16. Решетниково
17. Мальцево-Продово
18. Костино
19. Горки

